КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 сентября 1901 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также біографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.*; за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины“.

Издатель **К. М. Гамалѣй.**

Редакторъ **В. П. Науменко.**

Къ біографіи Андрея Николаевича Муравьева и письма его къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ, извѣстный своимъ паломничествомъ въ святую землю, знакомъ и Кіеву, какъ ктиторъ Андреевской церкви и предсѣдатель Кіево-Владимірскаго Братства. Рьяный онъ былъ поборникъ церковной старины и буквы церковныхъ каноновъ; вотъ почему, отъ нечего дѣлать въ Кіевѣ, исправно посѣщалъ церкви и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было какихъ пропусковъ въ богослуженіи, а чуть что не такъ, писалъ длинныя посланія митрополиту или, за отсутствіемъ его, викарію. Держась такого направленія даже въ болѣзненномъ состояніи, послѣ совершенія надъ нимъ елеосвященія, за два дня до смерти, онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать: „правильно совершено елеосвященіе“. Эта приверженность его къ буквѣ проглядываетъ и въ одномъ изъ писемъ къ Петру Гавриловичу Лебединцеву по вопросу о церковномъ судѣ, которымъ послѣдній всецѣло былъ поглощенъ, будучи глубокимъ знатокомъ сущности церковныхъ каноновъ. Въ разговорѣ съ протоіереемъ Андреевской церкви П. Ѳ. Подвысоцкимъ, Андрей Николаевичъ однажды высказалъ тревогу, что эти два лица—Петръ Гавриловичъ и Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ—своимъ умомъ и лоскомъ повліяютъ на весь комитетъ по реформѣ церковнаго суда, не исключая и самого предсѣдателя, преосвященнаго Макарія, архіепископа Литовскаго.

Интересныя свѣдѣнія о Муравьевѣ имѣются въ одной черновой Петра Гавриловича, текстъ которой дословно приведу. Въ Историческомъ Вѣстникѣ г. Лѣсковъ, воспроизводя нѣкоторыя черты изъ жизни извѣстнаго духовнаго писателя, покойнаго А. Н. Муравьева, обвинилъ покойнаго митрополита Арсенія въ мщеніи Муравьеву даже надъ его гробомъ, который яко-бы, по капризу митрополита, оставался непреданнымъ землѣ нѣсколько дней. Стоявъ близко къ этому дѣлу, считаю нужнымъ снять тяжкое обвиненіе съ памяти м. Арсенія. Ослабѣвъ окончательно по возвращеніи изъ путешествія на Аѳонъ, А. Н., не смотря на трудность болѣзненнаго своего состоянія и намеки близкихъ о приближающейся кончинѣ, не дѣлалъ никакого распоряженія ни о своемъ имуществѣ, ни о собранной святынѣ, ни о погребеніи. Совершеніе елеосвященія надъ нимъ исполнено преосвященнымъ Филаретомъ, при моемъ участіи, не по вызову больного, а по убѣжденію протоіерея П. Ѳ. Подвысоцкаго и его супруги. Больной все питалъ надежду выздоровѣть и жить, а потому никакого гроба въ подвалѣ Андреевской церкви онъ самъ себѣ не приготовлялъ и даже желанія быть погребеннымъ не высказывалъ. Послѣ кончины А. Н., послѣдовавшей 18 августа, въ 5 часовъ пополудни, въ тотъ же вечеръ явились въ его домъ, въ числѣ друзей покойнаго, и высшія мѣстныя власти, и въ это время, послѣ панихиды, князь Дундуковъ-Корсаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы могила для погребенія А. Н. была приготовлена въ подвальномъ этажѣ Андреевской церкви, о благоустройствѣ и благолѣпіи которой покойникъ такъ много заботился и въ которой онъ постоянно молился, будучи ближайшимъ ея сосѣдомъ. Настоятелю церкви предоставлено было отъ имени друзей и племянницы покойнаго только пригласить высокопреосвященнаго митрополита Арсенія для участія въ его отпѣваніи, которое назначено было на 3-ій день. Владыка охотно изъявилъ согласіе служить заупокойную литургію въ Андреевской церкви и совершить чинъ погребенія, но затѣмъ, узнавъ отъ о. протоіерея, что могила для покойника приготовляется подъ Андреевской

церковью, отмѣнилъ распоряженіе о приготовленіи могилы для покойника въ избранномъ высшею гражданскою властію мѣстѣ и послалъ его же, протоіерея, доложить кому слѣдуетъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ дозволить погребеніе тамъ А. Н. Муравьева безъ Высочайшаго соизволенія, такъ какъ эта церковь сооружена императрицею Елисаветою Петровной и состоитъ въ особомъ вниманіи Высочайшихъ Особъ при посѣщеніи Кіева. Цѣлый день былъ употребленъ на обмѣнъ писемъ по сему предмету, въ которыхъ высшая свѣтская власть считала излишнимъ испрашивать Высочайшее соизволеніе, принимая на себя отвѣтственность, а митрополитъ отказывалъ, признавая и себя отвѣтственнымъ въ семъ дѣлѣ, и только вечеромъ второго дня была послана телеграмма министру Двора Адлербергу. Въ виду встрѣченнаго затрудненія было предлагаемо—похоронить тѣло А. Н. М. при Десятинной церкви, тоже сосѣдней съ домомъ покойника, а протоіерей сей церкви съ готовностію изъявилъ согласіе даже уступить ему приготовленную здѣсь для себя съ разрѣшенія Св. Синода могилу, но это предложеніе не было принято. Между тѣмъ выносъ тѣла въ Андреевскую церковь былъ сдѣланъ въ тотъ же вечеръ преосвященнымъ Филаретомъ соборнѣ. Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня прибылъ въ Андреевскую церковь для совершенія литургіи и самъ высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, но объявилъ, что по окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ покойника будетъ оставаться непогребеннымъ въ церкви до полученія ожидавшагося Высочайшаго разрѣшенія. Литургія и отпѣваніе совершены съ подобающимъ благолѣпіемъ, какого могъ только желать покойникъ, произнесены надъ гробомъ болѣе или менѣе соотвѣтственныя заслугамъ покойнаго рѣчи и возглашена ему вѣчная память, и по отдачѣ послѣдняго цѣлованія гробъ закрытъ, но оставленъ здѣсь же впредь до распоряженія о погребеніи, подъ отвѣтственностію настоятеля церкви.

Спустя сутки послѣ отпѣванія, получено Высочайшее разрѣшеніе, и тогда 22 августа совершилось перенесеніе гроба А. Н. Муравьева изъ верхней Андреевской церкви въ подваль-

ный этажъ, гдѣ тѣло предано землѣ, послѣ панихиды, совершенной преосвященнымъ Филаретомъ, въ присутствіи высшихъ свѣтскихъ властей и другихъ друзей покойнаго. Это-то замедленіе въ преданіи тѣла А. Н. М. землѣ, возникшее вслѣдствіе сомнѣнія митрополита, что отвѣтственность его за нарушеніе закона не можетъ покрываться распоряженіемъ высшей свѣтской власти, г. Лѣсковъ считаетъ мщеніемъ мертвому со стороны м. Арсенія. Такое тяжкое обвиненіе не слѣдовало бросать легко, не справившись точно тамъ, гдѣ слѣдовало. Еще менѣе правды въ томъ, будто митрополитъ Арсеній въ проѣздъ по епархіи, обѣдая у помѣщика Молодецкаго съ ксендзами, заставилъ духовенство ждать себя у воротъ вмѣстѣ съ жидами. Ничего подобнаго не было, а напротивъ извѣстно, что почти никто изъ предмѣстниковъ м. Арсенія не былъ доступнѣе его для всѣхъ, въ особенности для духовенства. Лѣсковъ затрудненія въ преданіи землѣ тѣла Муравьева ставитъ въ связь съ обѣдомъ, но между обстоятельствами погребенія А. Н. Муравьева и обѣдомъ митрополита Арсенія у помѣщика Молодецкаго не могло быть связи и по самой отдаленности этихъ случаевъ: митрополитъ былъ у Молодецкаго въ 1861 г., а погребеніе А. Н. М. происходило въ 1874 г. Въ эти 14 лѣтъ много и много еще разъ приходилось Андрею Николаевичу быть гостемъ у митрополита Арсенія, а митрополиту дѣлать для него всякихъ одолженій, не исключая и денежныхъ.

За оберъ-прокурорскій столъ въ Св. Синодѣ А. Н. Муравьевъ назначенъ въ чинѣ не кол. совѣтника, а кол. ассесора,— чиномъ кол. совѣтника онъ пожалованъ только въ 1838 г., чрезъ два года по выбытіи изъ Св. Синода. Состоя въ такомъ невысокомъ чинѣ, едва-ли А. Н. могъ мечтать о томъ, чтобы быть преемникомъ оберъ-прокурора Св. Синода Нечаева; тѣмъ не менѣе, онъ не разъ высказывалъ, что графъ Протасовъ мѣстомъ оберъ-прокурорскимъ въ Св. Синодѣ обязанъ его содѣйствію, но отплатилъ ему неблагодарностью, удаливъ его потомъ отъ службы въ Св. Синодѣ, причемъ для большей наглядности дѣлалъ движеніе колѣномъ впередъ. Когда собственно оказано

было содѣйствіе А. Н. М. графу Протасову—при порученіи-ли исправленія оберъ-прокурорской должности за отсутствіемъ Нечаева, или при утвержденіи его въ этой должности, разъясненій не было. Не менѣе, если не болѣе, считалъ А. М. Муравьевъ и московскаго митрополита Иннокентія обязаннымъ личному своему участію въ доставленіи ему московской каѳедры и также не признавалъ его особенно благодарнымъ за сію великую услугу. Услуга эта будто состояла въ томъ, что А. Н. по смерти московскаго митрополита Филарета, чрезъ одну изъ статсъ-дамъ довелъ до свѣдѣнія покойной Императрицы Маріи Александровны о желаніи покойнаго митрополита, чтобы преемникомъ его былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій, послѣдствіемъ чего яко-бы было появленіе архіепископа Иннокентія въ числѣ 3-хъ кандидатовъ на московскую митрополію, вторымъ же оказался бывшій первымъ—преосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій. Такъ ли это было, точно не извѣстно. Но что преосвященный Иннокентій и не помышлялъ о занятіи московской митрополичьей каѳедры, сидя въ Николаевскѣ на Амурѣ, и что А. Н. Муравьеву извѣстно было о желаніи митрополита Филарета видѣть своимъ преемникомъ преосвященнаго московскаго Иннокентія, это намъ было извѣстно почти за полгода до кончины преосвященнаго Филарета отъ самаго А. Н. М. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ московскаго владыки, съ 1842 г. Андрей Николаевичъ занималъ его квартиру на С.-Петербургскомъ Троицкомъ Подворьѣ, что на Фонтанкѣ у Аничкина моста, куда многіе ѣздили на всенощныя и на вечернюю духовную бесѣду. Такъ продолжалось около 15 лѣтъ, во все время по удаленіи обоихъ Филаретовъ—Московскаго и Кіевскаго отъ присутствія въ Св. Синодѣ, устроенномъ графомъ Протасовымъ. Проводя въ Петербургѣ зимніе сезоны, Андрей Николаевичъ на лѣто пріѣзжалъ въ Кіевъ на свою нагорную усадьбу, близь Андреевской церкви, гдѣ, кромѣ дома, отдававшагося въ наймы, выстроена была сохраняющаяся и нынѣ русская изба съ богатымъ видомъ на кіевскія окрестности. Въ этой 2-хъ-этажной избѣ, съ галлереею вокругъ, проводилъ А. Н. лѣто среди бла-

гоуханія окружающаго ее сада; въ ней принималъ посѣтителей; ее удостоили посѣщеніемъ своимъ въ числѣ Высочайшихъ Особъ Августѣйшаго Дома и нынѣ царствующій Государь Императоръ съ Августѣйшею Супругой. [1]) Въ 1857 г., послѣ весенняго прибытія Андрея Николаевича изъ Петербурга, случилось и мнѣ быть въ этой избѣ. Посѣтителей было не болѣе 3—4-хъ лицъ духовнаго чина, и притомъ такихъ, съ которыми хозяинъ могъ быть откровеннымъ въ бесѣдѣ о церковныхъ дѣлахъ. Разговоръ начался съ разспросовъ о здоровьѣ московскаго первосвятителя, съ которымъ обыкновенно А. Н. видѣлся при проѣздѣ чрезъ Москву. Сообщивъ, что въ здоровьѣ его не замѣтно особеннаго ослабленія, А. Н. высказалъ сожалѣніе свое о также близкомъ ему преосвященномъ камчатскомъ Иннокентіѣ, намѣревающемся оставить свое мѣсто по болѣзни. Въ поясненіе сего онъ прочелъ намъ только-что полученное отъ него письмо изъ Николаевска, въ которомъ преосвященный Иннокентій писалъ: „Зрѣніе мое ослабѣваетъ, и я думаю проситься на покой въ Москву". Одинъ изъ насъ, болѣе любопытный и болѣе близкій къ А. Н., спросилъ при этомъ: правда ли, что московскій владыка готовитъ въ преемники себѣ преосвященнаго Филоѳея, тверскаго архіепископа, бывшаго своего викарія? На вопросъ этотъ А. Н. не затруднился отвѣтить, что онъ самъ спрашивалъ преосвященнаго митрополита Филарета, бывши у него недавно теперь, но владыка сказалъ на это: „и не думалъ никогда объ этомъ, а вотъ ужъ если-бы потребовалось когда мое мнѣніе о моемъ преемникѣ, то я скорѣе указалъ бы на преосвященнаго камчатскаго". Въ концѣ октября А. Н. уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и почти чрезъ мѣсяцъ послѣ сего стало извѣстно о кончинѣ московскаго первосвятителя, послѣдовавшей 19 ноября. Когда получено было затѣмъ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Иннокентія преемникомъ м. Филарета, никого изъ насъ не удивило это назначеніе. Близкія къ Муравьеву лица

---

[1]) Импер. Александръ II.

полагали даже, что митрополитъ Иннокентій по слабости зрѣнія откажется отъ присутствія въ Св. Синодѣ, такъ что А. Н. М. останется по прежнему жительствовать въ его покояхъ на подворьѣ, но еще А. Н. не успѣлъ собраться къ выѣзду изъ Петербурга на лѣтній сезонъ въ Кіевъ, какъ на подворьи было получено отъ м. Иннокентія на пути изъ Иркутска распоряженіе очистить для него митрополичьи покои. Вслѣдствіе этого распоряженія А. Н. М. долженъ былъ переселиться въ Кіевъ со всѣмъ своимъ багажемъ и распроститься окончательно съ Петербургомъ, въ которомъ онъ, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, не могъ имѣть комфорта большой квартиры. Съ грустью совершилъ онъ этотъ переѣздъ, простившись навсегда съ Петербургомъ. Въ проѣздъ чрезъ Москву не могъ видѣться съ м. Иннокентіемъ, который еще и къ половинѣ мая не достигъ Москвы. А. Н. утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію повліять на церковныя дѣла чрезъ м. Иннокентія, но этого не случилось, такъ какъ новый московскій владыка оставилъ безъ отвѣта посланные ему совѣты—тѣмъ болѣе, что по слабости зрѣнія не могъ уже ни писать, ни читать. Не успѣвши въ этомъ, А. Н. утѣшенъ былъ однако тѣмъ, что митрополитъ Иннокентій оказалъ изъ суммъ московской каѳедры пособіе на изданіе писемъ митрополита Филарета. Скучно было А. Н. доживать свой вѣкъ въ Кіевѣ, среди немногочисленнаго здѣшняго общества, безъ особенныхъ занятій. Еще болѣе отяготѣла надъ нимъ эта скука, когда оскудѣли средства къ жизни привычной. Оставалось продать усадьбу барскую и домъ съ избой, содержать которыхъ не могъ. Но не смотря на выгодныя предложенія со стороны разныхъ лицъ, онъ не могъ ни на чемъ остановиться окончательно, въ особенности онъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы домъ его достался не графу и не князю. Скуку свою А. Н. развлекалъ повременнымъ инспектированіемъ церквей и монастырей г. Кіева и рѣзкими посланіями кіевскимъ духовнымъ властямъ, не такъ уже внимательнымъ къ нѣкогда сильному его слову. Путешествіе на Аѳонъ весной 1874 г. нѣсколько оживило знаменитаго паломника, но затѣмъ послѣдо-

валъ постепенный упадокъ силъ, который привелъ его къ смерти въ наступившее лѣто".

Въ письмѣ къ Петру Гавриловичу генеральша Исакова жаловалась на запустѣніе могилы Муравьева. По этому поводу протоіерей Андреевской церкви Павелъ Ѳедоровичъ Подвысоцкій отъ 19 сентября 1892 г. въ отвѣтномъ письмѣ на имя Петра Гавриловича сообщаетъ весьма интересныя подробности, съ которыми слѣдуетъ познакомиться по тексту самаго отвѣта. „На присланное Вами письмо Ея Превосходительства г. Исаковой долгомъ считаю отвѣчать. Вашему Высоко-Преподобію извѣстно, что могила, въ которой покоится въ Бозѣ почившій Андрей Николаевичъ Муравьевъ, устроена въ притворѣ подземнаго Сергіевскаго храма; извѣстны также и всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось такое устроеніе. Андреевская церковь достойнымъ образомъ почтила память своего многозаботливаго ктитора, открывши праху его мѣсто покоя подъ сводами своего святилища,—такой чести удостаиваются рѣдкіе изъ мірянъ. Кромѣ того, на церковныя средства притворъ тотъ оштукатуренъ, выбѣленъ и полъ въ немъ устланъ чугунными плитами: все, такимъ образомъ, приведено въ благообразный видъ. Не лишнимъ считаю присовокупить, что расходы при погребеніи А. Н. приняла на себя всецѣло племянница покойнаго Александра Николаевна Демидова, урожденная Муравьева, племянникъ же—Владиміръ Сергѣевъ Муравьевъ, унаслѣдовавшій потомъ все достояніе его—движимое и недвижимое—прислалъ съ своей стороны только небольшую плиту чернаго мрамора, съ подобающею надписью, которая вдѣлана въ стѣну при могилѣ. Бѣлаго мрамора плита, покрывающая могилу, заказана капитаномъ Семеновымъ на средства, собранныя имъ по подпискѣ между знакомыми покойника въ Петербургѣ. Двѣ иконы—Покрова Божіей Матери и преподобнаго Сергія Радонежскаго, поставленныя въ усыпальницѣ, пожертвованы Св. Владимірскимъ братствомъ,—лампады къ нимъ даны отъ церкви, масло же для освѣщенія, по мѣрѣ возможности, выдается изъ церкви. Никакихъ фондовъ или вкладовъ на такъ называемую „неугасимую

лампаду" ни отъ кого и никогда не было. Въ минувшій періодъ времени съ 1874 г., усыпальницу разновременно посѣтили друзья Андрея Николаевича, нынѣ почившіе: начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ- адъютантъ Исаковъ и Помпей Николаевичъ Батюшковъ съ супругой. Сказанные высокіе посѣтители входили въ усыпальницу съ молитвой и оставляли ее съ благодарностію, не заявляя претензій и упрековъ за то, что тамъ хранились нѣкоторые хозяйственные предметы, напримѣръ—метлы, щетки, песокъ, которымъ нѣтъ мѣста, при крайне тѣсномъ устройствѣ церковнаго зданія. Не оскорбляя доброй памяти почившаго, воздавая должную справедливость заботамъ Андрея Николаевича о благоустройствѣ Андреевскаго храма, сохраняя объ немъ неизмѣнную молитвенную память и въ церкви, и дома,—я долженъ, сказать по іерейской совѣсти и то, что покойникъ остался въ долгу у церкви 1200 р. По его усиленному ходатайству, при содѣйствіи Помпея Николаевича Батюшкова, съ Высочайшаго разрѣшенія, было ассигновано 37 тысячъ на укрѣпленіе горы, на которой высится храмъ, и на обновленіе самаго храма къ предстоящему столѣтнему юбилею его въ 1867 г. Какъ предсѣдатель церковно-строительнаго комитета, А. Н. взялъ изъ строительной суммы означенныя деньги. По смерти его, капитанъ Семеновъ вручилъ мнѣ собственноручную росписку А. Н. съ обозначеніемъ на ней числа, мѣсяца, года и количества взятой, въ три пріема, суммы, съ такою же собственно-ручною надписью: „обязуюсь возвратить". И, конечно, возвратилъ бы. Росписку эту я предъявилъ наслѣднику; онъ просилъ меня дать ему этотъ документъ для предъявленія сонаслѣдникамъ и съ обѣщаніемъ—отдать слѣдуемое церкви, но, къ сожалѣнію, такое обѣщаніе сказалось только на словахъ... Послѣ двукратнаго напоминанія и просьбы—возвратить по крайней мѣрѣ росписку „на память", отвѣта не послѣдовало. По смерти наслѣдника, съ такою же просьбою я обратился къ его супругѣ, но въ отвѣтъ на справедливую и самую вѣжливую просьбу получилъ дерзкое и укоризненное посланіе.

Извините Ваше Высокопреподобіе, что я обезпокоилъ Васъ подробностями дѣла, касающагося заслугъ и достоинствъ упоминаемаго лица и моихъ личныхъ къ нему отношеній, изъ-за которыхъ я считаю себя нравственно-обязаннымъ—хранить молитвенную память о почившемъ и надлежащимъ образомъ оберегать мѣсто его покоя. Послѣ моей смерти, незнающими Муравьева, усыпальница его можетъ быть обращена въ складъ дровъ, или найдется ей подобное, хозяйственное приложеніе. Этимъ я предупреждалъ и наслѣдниковъ, убѣждая ихъ гарантировать неприкосновенность усыпальницы хотя бы возвращеніемъ въ церковь сказаннаго долга. Благоусмотрѣнію Вашего Высокопреподобія предоставляю—письмо это отослать г. Исаковой, для убѣжденія Ея Превосходительства въ несправедливости тѣхъ укоръ, претензій и проч., коими она, по моему адресу, осыпала могилу своего друга, А. Н. Муравьева".

Петръ Гавриловичъ письма о. протоіерея не отправилъ г-жѣ Исаковой, а, по всей вѣроятности, отъ себя написалъ ей что слѣдуетъ.

Очень мало сохранилось писемъ А. Н. Муравьева къ П. Г. Лебединцеву; иныя писалъ кто-то другой, а онъ только подписывалъ, другія—онъ самъ, но въ высшей степени неразборчивымъ, чисто женскимъ почеркомъ.

1.

Посылаю Вашему Высокопреподобію одинъ экземпляръ изданныхъ мною писемъ митрополита Филарета для Софійской Библіотеки и прошу Васъ напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о появленіи въ свѣтъ этой книги, которую можно пріобрѣсть въ моемъ домѣ. Цѣна за экземпляръ 2 р. 50 к.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

А. Муравьевъ.

1869 г., 4 августа.

---

2. [1]).

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Извините, что безпокою Васъ просьбою: сдѣлайте милость—доставьте прилагаемое письмо Сушкову, котораго я потерялъ изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ изъ духовнаго вѣдомства. Въ канцеляріи оберъ-прокурора должны знать, гдѣ онъ служитъ и обрѣтается. Вы этимъ очень обяжете искренно уважающаго Васъ.

А. Муравьевъ.

1870 г. 18 сентября. Кіевъ.

3.

Милостивый Государь, Петръ Гавриловичъ!

Приношу Вамъ благодарность за обрѣтеніе Сушкова и доставленіе ему моего письма. Я совершенно согласенъ съ Вами, что его предположенія объ устройствѣ церковномъ совершенно несбыточны, о чемъ я къ нему и написалъ. Но признаюсь, я нахожу еще болѣе несбыточнымъ въ смыслѣ православія, а не протестантства, новыя предположенія о судопроизводствѣ церковномъ, по примѣру гражданскаго, мимо мѣстныхъ властей, т. е. мимо Епископа, которому, по всѣмъ древнимъ канонамъ, принадлежитъ ближайшій судъ надъ пресвитерами и даже мимо Синода. Что же это будетъ за управленіе церковное, гдѣ архіереи обратятся только въ рукополагательныя машины? Даже у лютеранъ больше имѣютъ вліянія ихъ суперъ-интенденты. Вы говорите, что когда оторвана одна половина зданія, неудобно оставлять другую въ прежнемъ видѣ, закрывши брешь рогожею.

---

[1]) Это второе письмо, какъ и нѣкоторыя другія, адресовано въ Петербургъ, по случаю пребыванія тамъ П. Г., въ качествѣ члена комитета по реформѣ дух. суда.

Это однако случилось на дняхъ на дворѣ Софійскомъ съ пристройкою теплаго собора, коей часть—сажени въ три—обрушилась въ погребъ, о чемъ я и прежде предостерегалъ, что тутъ опасно строить. Однако теперь хотятъ дополнить эту пустоту и не подкопать для сего основаніе храма,—что теперь хотятъ сдѣлать при новомъ судопроизводствѣ, опрокинувъ все древнее Апостольское основаніе церкви. На сихъ дняхъ мы объ этомъ бесѣдовали съ Владыкою, такъ какъ я, будучи теперь избранъ предсѣдателемъ братства, бываю у него часто по дѣламъ. Весьма благоразумно онъ мнѣ сказалъ: „Бѣлюстинъ поднялъ вопросъ о духовномъ образованіи, и обрадовалось бѣлое духовенство. Что же вышло изъ улучшенія ихъ быта по образованію? Половина ихъ дѣтей остаются безъ духовнаго образованія и съ нихъ же требуютъ безпрестанно деньги для параллельныхъ школъ, а если суды будутъ мимо епископовъ, то могутъ повторяться такія же случаи, какъ въ Полоцкѣ, гдѣ одинъ заслуженный протоіерей былъ посаженъ мировымъ судьею въ тюрьму за отлучку, и тогда можетъ быть пожалѣютъ и о судѣ архіереевъ“. А знаете ли, что мнѣ и самому очень грустно! До насъ доходятъ слухи, что наши кіевскіе депутаты болѣе другихъ хлопочутъ объ устраненіи Епархіальнаго суда. Не дай Богъ, чтобы это была правда, а меня извините за искреннее слово, которое долгомъ почелъ Вамъ сказать для очищенія моей совѣсти и по тому уваженію, которое къ Вамъ имѣю и съ которымъ остаюсь.

Вашъ покорный слуга А. Муравьевъ.

1870 г. 29 окт., Кіевъ.

4.

Ваше Высокопреподобіе!

Благодарю за привѣтъ въ день моего Ангела! У насъ служеніе было торжественное и праздникъ какъ праздникъ. У Васъ же въ Софійскомъ холодно, потому что нижнюю церковь все укрѣпляютъ, но горящихъ углей на главу Вашу не сы-

лютъ, потому что никто Васъ не обвиняетъ въ осадкѣ угла. Прочтите мою записку объ обновленіи собора въ древнемъ его видѣ, которую здѣсь я подалъ Императрицѣ и на днихъ посылаю Владыкѣ,—прочтите ее и поддержите. Не сѣтуйте и за сказанное о судахъ церковныхъ: лучше предупредить о молвѣ, чтобы взять предосторожность. Говорятъ, что преосвященный Макарій отстаиваетъ судъ Епископскій—и, слава Богу, чтобы у насъ не было сперва лютеранской поповщины, а потомъ раскольничьей безпоповщины, которая заставитъ бѣжать православныхъ изъ мнимаго православія. Князь С. Н. Урусовъ, бывшій оберъ-прокуроръ, сказалъ однажды своему камердинеру: „слышалъ-ли ты, что у насъ архіереи будутъ женатые“?—а тотъ съ ужасомъ возразилъ: „что Вы это, князь? да я подъ благословеніе къ нимъ не подойду“. Въ этомъ случаѣ и я раздѣляю мнѣніе княжескаго камердинера. Простите, не хочу многоглаголь-ствовать и съ чувствомъ уваженія остаюсь душевно Вамъ преданный.

А. Муравьевъ.

1870 г. 5 декабря. Кіевъ.

5.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, за Вашъ праздничный привѣтъ съ новолѣтіемъ, которое мы здѣсь справляемъ весьма смиренно и провинціально, не такъ, какъ Вы—столичные жители. Нѣтъ у насъ великихъ новостей, подобно Вашимъ, а такъ кое-чѣмъ перебиваемся. Вотъ напримѣръ, весь Бахчисарайскій дворецъ перенесенъ на упокои въ Михайловскій, и въ мавританскомъ весьма нелѣпомъ вкусѣ раззолочены потолки трехъ пріемныхъ залъ, а по стѣнамъ тщедушныя, также раззолоченныя пилястры,—однимъ словомъ смѣсь французскаго съ нѣмецкимъ. Потѣха сія обошлась въ 2500 цѣлкачей, а контроль консисторіи могъ бы спросить: изъ какихъ доходовъ такая нелѣпость, когда всѣ церкви совершенно грязныя? Нашъ

братъ провинціалъ, однако православный, не могъ также не изумиться при погребеніи Голубцевой, [1]) когда во время отпѣванія въ самой церкви тотчасъ по евангеліи, когда ожидаемъ разрѣшительной молитвы усопшему, вошелъ промежду черныхъ ризъ инспекторъ классовъ въ мундирѣ и произнесъ похвальное слово, хотя и краснорѣчивое, но вовсе неумѣстное въ присутствіи двухъ архіереевъ. Мнѣ показалось, что я въ нѣмецкой кирхѣ и потому вышелъ... Еще у насъ печальная новость: В. И. Бутовичъ совсѣмъ умираетъ отъ водяной; сегодня соборовали, и это было очень умилительно по его христіанскому расположенію. О Братствѣ скажу, что Демидовъ соглашается наконецъ устроить пріютъ для евреевъ, коихъ много къ намъ прибываетъ, а протоколы наши можете читать въ Вашихъ Вѣдомостяхъ. Кто будетъ головой, не знаемъ, лишь бы съ головой, а я покамѣсть гласный—безгласный. Вотъ Вамъ и все. О Софійскомъ скажу, что до половины обновлять невозможно, и если Вы не двинете изъ Питера, то здѣсь ничего и не будетъ; иниціатива должна быть отъ Владыки, а не свыше. Маевскій же замолкъ съ моимъ описаніемъ дворца и не печатаетъ; спросите его. Пути у насъ непроходимы отъ снѣжныхъ ухабовъ. Простите, заболтался,—вѣрно, отъ ухабовъ. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Владыкѣ и не забывайте искренно Васъ уважающаго.

А. Муравьевъ.

1871 г. 15 генваря. Кіевъ.

6.

Ваше Высокопреподобіе.

Еврей, присланный Вами, принятъ, и надобно стараться окрестить его въ будущую субботу, чтобы спасти его отъ гоненій, а между тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ можно бы окрестить и проживающаго у насъ еврейскаго мальчика Лейбу Аріева, ибо оказывается, что мой кучеръ, служившій у помѣщика с. Заво-

[1]) Начальница Института благородн. дѣвицъ.

ричъ, Козелецкаго уѣзда, лично зналъ и сего мальчика, и его родителей, которые тамъ давно живутъ, и свидѣтельствуетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія о его личности, а при нашихъ разспросахъ въ этомъ селѣ у мѣстнаго священника можетъ быть огласка, и родители будутъ его требовать. Итакъ рѣшите милостиво обоихъ крестить.

Многоуважающій Васъ А. Муравьевъ.

Годъ не обозначенъ. 16 марта.

7.

Я писалъ прокурору о штундистахъ, но отвѣта не имѣю,— вѣроятно лукавитъ. Но вотъ что и меня возмутило: вчера наконецъ окрестили нашего еврея и уже приготовлено было ему метрическое свидѣтельство, какъ вдругъ остановились его выдать на томъ основаніи, что онъ не умѣлъ отвѣчать, сколько церквей въ Шполѣ. Я и самъ стоялъ тамъ съ полкомъ, но не знаю ихъ числа, а между тѣмъ есть о немъ свидѣтельство отъ мѣстнаго священника. Но вотъ что еще возмутительнѣй: не знаю, на какомъ основаніи діаконъ Крыжановскій пришелъ къ нашему смотрителю и потребовалъ отъ него три рубля братскихъ денегъ за крещеніе: 1 р. священнику, 1 р. за воду и 1 р. за свѣчи. Кажется, онъ не имѣетъ права назначать сумму, да и смотритель не казначей, слѣдовало ко мнѣ обратиться. Пожалуйста замѣтьте ему это, чтобы впредь не позволялъ себѣ такихъ вольностей. Вчера я былъ у Васъ и очень сожалѣю, что не засталъ. Простите, остаюсь преданный Вамъ.

А. Муравьевъ.

1873 г. 31 мая.

8.

Ваше Высокопреподобіе!

Весьма намъ грустно было вчера быть на экзаменѣ въ нашемъ пріютѣ, однимъ лишь мірянамъ, ибо ни одинъ изъ ду-

ховныхъ не явился къ испытанію, хотя это было условлено прежде и даже опредѣлено протоколомъ. Можетъ ли быть успѣхъ и поощреніе мальчикамъ при такомъ равнодушіи духовномъ? Не мудрено, что митрополитъ хочетъ закрыть школу и посадить въ ней штундистовъ. Всѣ вдругъ разсѣялись: кто въ Голосѣевъ, кто въ Лавру, кто село купилъ, какъ ключарь,—даже и приходскій протоіерей жену поялъ на базаръ, однимъ словомъ священникъ и левитъ мимо иде, и остались одни лишь смиренные самаряне—міряне. Вотъ и дѣлайте дѣла! Я гнѣвный, притомъ и въ душѣ не прощаю такое равнодушіе и лѣнь. Душевно уважающій и горько ропщущій.

А. Муравьевъ.

9.

Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ сегодня утромъ всѣ номера за генварь м. „Современныхъ Извѣстій“, ибо отъ И. И. Красовскаго получилъ письмо, чтобы я ему въ нихъ открылъ всѣ его добродѣтели и къ обѣду непремѣнно ему доставилъ оныя,—у него онѣ пропали.

А. Муравьевъ.

10.

Благоволите сходить на всенощную въ четыре съ половиною часа въ Академію, гдѣ я вчера насладился впервые пасхальнымъ напѣвомъ, безъ нотъ и безъ пропусковъ,—а пѣло всего шесть человѣкъ на хорахъ и пять на клиросахъ. Итакъ дѣло не въ числѣ и не въ средствахъ, а въ порядкѣ и усердіи. Пусть ваши соборяне-пѣвчіе даже безъ мальчиковъ сему поучатся пѣнію. Будь въ Академіи Ѳеоктистъ (ректоръ семинаріи) вмѣсто Филарета, то было-бъ то же, что у другихъ. Аще бы сами себе судихомъ, не были міромъ осуждены быхомъ.

А. Муравьевъ.

11.

Нельзя ли, Ваше Высокопреподобіе, оказать милость и принять въ духовное училище сироту дѣвицу [1]), о коей проситъ княгиня Витгенштейнъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ ея бумаги еще у Васъ. Много тѣмъ сдѣлаете и ей, и мнѣ.

А. Муравьевъ.

Сообщ. І. Г.

[1]) Людмила Левитская, дочь сельскаго священника с. Старостинецъ, Волынской губерніи.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

LVIII.

Въ своей домашней жизни Кулишъ былъ образцомъ необычайнаго трудолюбія во всѣхъ отношеніяхъ: «въ свободное время отъ литературнаго занятія онъ ради гимнастики работаетъ пилкой, топоромъ, садовничьимъ ножомъ», писала одной родственницѣ Ганна Барвинокъ—„а прежде онъ и самъ пахалъ, и сосѣди и родственники бывало пріѣзжаютъ смотрѣть на его посѣвы и учиться работать", а между тѣмъ въ припискѣ къ одному письму онъ сообщалъ: „у меня столько на рукахъ всякаго дѣла книжнаго, что мнѣ не до переписки, а бѣдная Сашуня изнемогаетъ подъ своимъ бременемъ жизни. Я ей не помощникъ: и не умѣю, и силъ не хватаетъ". Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „если бы не то да другое, то мы бы съ Сашей и теперь были бы еще студентами, дѣлающими забаву изъ нашей богатой поэзіей нищеты". Въ одномъ письмѣ къ галицкому писателю Павлику онъ говоритъ: „Отъ бы то зробывъ хороше дило и той, хто позби-

---

[1]) См. «Кіевск. Стар.» № 9.

равъ бы мои лысты не рады мого я, а за-для того, про що се жъ пысано"; и дальше: „хочбы люде про мою память говорылы ще гиршъ, нижъ теперенькы се роблять,—Живый на небесѣхъ посмѣется имъ и поругается имъ".

Какъ ни тяжело было Кулишу въ настоящую минуту, какъ ни были сгущены тучи на его горизонтѣ, но онъ не переставалъ мечтать о продажѣ хутора, о поѣздкѣ въ столицу и даже за границу; однако на него находили также сомнѣнія: „Здѣсь мы живемъ роскошно, какъ царь и царица„—шутилъ онъ,—„а чтобы быть нищими работниками въ Варшавѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, куда мнѣ ѣхать необходимо, намъ нужно не менѣе двухъ тысячъ рублей". Вообще переноситься мыслями въ будущее и думать о пользѣ и благѣ грядущихъ поколѣній—было въ натурѣ Кулиша, и это выражалось у него подчасъ въ очень самоувѣренной формѣ: „А я пишу и думаю, что послѣ меня люди настолько поумнѣютъ, чтобы этимъ воспользоваться". Онъ впрочемъ не особенно заботился о скоромъ появленіи въ печати своихъ произведеній, говоря: „Не въ томъ дѣло, чтобы напечатать, а въ томъ, чтобы написать. Высказавшись, я торжествую, какъ священнослужитель правды".

Отсюда мы чаще всего встрѣчаемъ у Кулиша крайне оптимистическій взглядъ на жизнь, который всегда бралъ у него верхъ надъ временными приступами пессимизма: „Жизнь"—говорилъ онъ—„сама по себѣ счастье, въ какой бы формѣ ни ощущать ее. Сашуня все охаетъ, что я много на себя взялъ, а я только здоровѣе и веселѣе прежняго. О здоровьѣ впрочемъ думайте, т. е. о сопротивленіи всему, что̀ вліяетъ на продолженіе нашей жизни". Взглядъ на свое собственное положеніе онъ высказалъ однажды въ письмѣ ко мнѣ въ слѣдующихъ строкахъ: „Судьба сыграла со мной жестокосердую шутку завистливаго рока. Вѣрнѣе сказать, сыграли ее безсердечные люди, имя которымъ легіонъ. Они выдержали меня на островѣ Патмосѣ такъ долго, что меня начало пугать забвеніе иностранныхъ языковъ. Но я не сидѣлъ безъ работы: плугъ, топоръ, пила, всѣ столярные инструменты и перо были моими вѣрными товарищами. Только

краски да кисть измѣнили мнѣ, или я измѣнилъ имъ въ этой неблагопріятной для извящныхъ искусствъ пустынѣ... Переработавъ на островѣ Патмосѣ три уже давно непечатанные тома „Исторіи возсоединенія Руси“, я заготовилъ, такъ сказать, живописныя картины для остальныхъ шести томовъ этой книги, и теперь жду болѣе сноснаго сезона, чтобы совершить рабочее странствованіе по архивнымъ и библіотечнымъ городамъ—Варшавѣ, Петербургу и Москвѣ. Эти благословенные всячески культурою города научили меня на трехъ томахъ искусству облекать мои картоны въ доконченныя картины для остальныхъ шести томовъ. Надѣюсь, что благосклонныя доселѣ ко мнѣ Парки не перерѣжутъ нити жизни моей слишкомъ торопливо“. По прежнему, девизомъ Кулиша было: „жить пока живется, учиться и учить тому, чтó дается“,—„въ этомъ“—прибавлялъ онъ—„и все наше утѣшеніе“. Одной изъ своихъ родственницъ Кулишъ, передавая свои планы, писалъ: „Сашуня тоскуетъ уже, что мало осталось для нихъ (плановъ) времени, а я даю ей слово ждать, пока насытится око зрѣти и ухо слышати. Но такъ какъ они не насытятся никогда, а дни моей дѣятельности, можно сказать, сочтены, то вы всѣ помилосердуйте надъ затворникомъ, дайте ему дохнуть широкою жизнью, и не для кого какъ для вашихъ милыхъ чадъ поработать въ охотку на поприщѣ науки и литературы“.

Чрезвычайно любопытно, что потребность дѣятельности Кулиша и его свѣтлыя надежды на осуществленіе завѣтныхъ желаній и плановъ какъ будто совершенно не находились ни въ малѣйшей зависимости отъ окружающихъ его внѣшнихъ обстоятельствъ и даже отъ условій возможности—черта, заслуживающая особеннаго вниманія. Годъ проходитъ за годомъ, дѣйствительность безжалостно разрушаетъ всѣ мечты, старость даетъ себя знать ослабленіемъ организма (хотя Кулишъ сравнительно мало тяготился бременемъ, утѣшая себя отзывами врачей, находившихъ его силы физическія и душевныя замѣчательно сохранившимися для столь преклоннаго возраста), наконецъ безчисленныя и разностороннія неудачи положительно преслѣдуютъ

его, а онъ все больше зарывается въ свои книги и постоянно задумываетъ все новые, и притомъ обширные и значительные литературные планы и предпріятія и не перестаетъ смотрѣть на будущее, какъ на несмѣтную казну, какъ на какую-то нескончаемую перспективу продолжительной и плодотворной работы, какъ будто впереди онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую вѣчность. Только священное пламя идеализма, безспорно, могло дать силы Кулишу на старости лѣтъ, послѣ того какъ сгорѣлъ его рукописный переводъ Библіи, потребовавшій многихъ лѣтъ упорнаго труда, вновь работать надъ тѣмъ же самымъ дѣломъ и, кромѣ собственной научно-литературной дѣятельности, посвящать такъ много энергіи на дѣятельность переводчика. Едва-ли можно отказать въ признаніи колоссальнаго трудолюбія и самаго чистаго, высокаго идеализма человѣку, которому съ оттѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія изумлялся даже такой почтенный и даровитый труженикъ науки, какимъ былъ его другъ Костомаровъ,—что онъ на 64 году жизни принялся за переводъ на малорусскій языкъ сочиненій Шекспира и отдавался труду переводчика съ двойнымъ наслажденіемъ, какъ эстетикъ и какъ беззавѣтный любитель родного слова. „Что́ касается меня“—писалъ намъ однажды Кулишъ,—„то, зная, какъ мудрено было, даже Пушкину переводить Мицкевича и наоборотъ (ихъ языки извѣстны мнѣ оба, какъ мой родной), я вижу въ переводахъ наилучшую пробу языка относительно его ловкости, живописности, гармоніи. Сверхъ переведенныхъ уже порусски (или какъ говорятъ одни, по-украински, а другіе—по малороссійски) тринадцати драмъ Шекспира, Байронова „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“, Шиллерова „Вильгельма Телля“ (о которомъ смѣю думать, что это величайшее литературное произведеніе нашего вѣка),—готовлю сборникъ лирическихъ произведеній, заимствованныхъ у Гёте, Шекспира, Байрона, Гейне, подъ заглавіемъ „Позичена Кобза“ (одно изъ писемъ ко мнѣ конца 1894 г.).

Но, конечно, невзгоды все же не могли не отражаться до извѣстной степени, и даже замѣтно, на его характерѣ и настро-

еніи. «Въ іюлѣ 1890 г.,»—говоритъ г. Конисскій—«по просьбѣ одного нашего общаго знакомаго галицкаго русина, я вмѣстѣ съ В. Н. Волкъ-Карачевскимъ и съ взрослыми дѣтьми его навѣстилъ Кулиша въ его хуторѣ. Кулишъ встрѣтилъ насъ очень любезно; о прежнемъ, конечно, каждый изъ насъ старался ни словомъ не вспоминать... Увы! передо мною уже не было прежняго Кулиша! Это былъ худой, согбенный старикъ!.. Весьма тщательно старался онъ скрыть свое недовольство жизненными неудачами и людьми, но оно прорывалось цѣлой струей, когда зашла рѣчь о галичанахъ, о полякѣ-арендаторѣ и о сосѣдяхъ-крестьянахъ, затѣявшихъ съ нимъ процессъ въ судѣ. Кромѣ перемѣны физической, я замѣтилъ тогда въ Кулишѣ и значительную духовно-нравственную: упадокъ памяти, недовѣріе къ людямъ и удрученность.

Я имѣлъ порученіе пригласить его къ участію, во-первыхъ, въ издаваемомъ Барвинскимъ журналѣ „Правда“ и въ предстоявшемъ тогда изданіи „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка“. Послѣ нѣкотораго колебанія и высказаннаго имъ еще разъ недовѣрія къ галичанамъ, онъ согласился на просьбу о сотрудничествѣ“. Но послѣ были недоразумѣнія: Кулишъ былъ недоволенъ помѣщеніемъ въ „Правдѣ“ перевода „Донъ Жуана“. Впрочемъ, это уже мы можемъ оставить въ сторонѣ. Для насъ важно здѣсь то, что лицамъ, ранѣе знавшимъ Кулиша, были замѣтны слѣды совершавшихся въ немъ перемѣнъ.

Замѣчательно также, что, несмотря на все разнообразіе своей литературной дѣятельности, перо Кулиша служило всегда одной идеѣ—благу родной Украйны.

LIX.

Между тѣмъ пререканія съ Обществомъ Исторіи и Древностей продолжались, хотя и въ самой деликатной формѣ: Ку-

лишъ хотѣлъ возвратить присланный ему пакетъ съ возраженіями, но былъ удержанъ мыслью о томъ, что такой поступокъ, заслуженный однимъ членомъ Общества, могъ бы несправедливо оскорбить другихъ членовъ, имѣвшихъ, съ своей стороны, полныя права на уваженіе. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что „между знатоками польско-русскаго былого найдется человѣка два-три такихъ, которые „уразумѣютъ истину, и истина освободитъ ихъ отъ Карповщины". „Если бы я не былъ въ этомъ увѣренъ"— продолжалъ Кулишъ,—„то пересталъ бы и трудиться надъ исторіей русскаго возсоединенія". Зато онъ включилъ своего новаго противника Карпова въ написанную еще раньше поэму „Кулишъ у Пекли", напечатаніе которой отдѣльной брошюрой встрѣтило величайшія затрудненія со стороны обѣихъ столичныхъ цензуръ. На этотъ разъ затрудненія касались впрочемъ отнюдь не содержанія поэмы, но исключительно правописанія, такъ какъ настаивая на такъ называемой „кулишевкѣ", Кулишъ рѣшительно не соглашался ни на какіе компромиссы. Препирательства шли о разныхъ способахъ начертанія буквъ *е* и *і* въ малороссійскомъ текстѣ, и мнѣ, какъ посреднику, со стороны, признаюсь, казались очень незначительными и даже микроскопическими. [1]) Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны оказались неуступчивыми до-нельзя, и дѣло не уладилось. Такія же затрудненія потомъ возникли вновь по поводу стихотворнаго сборника „Дзвôнъ" и его продолженія подъ заглавіемъ „Сокровище благихъ". Послѣ неудачи въ столичныхъ цензурахъ съ „Царемъ Наливаемъ" и „Кулишомъ у Пекли", Кулишъ представилъ „Дзвôнъ" [2]) въ кіевскую цензуру, гдѣ по-

---

[1]) Вотъ любопытное поясненіе Кулиша. «Для незнакомыхъ съ языкомъ малорусскимъ, такъ называемымъ украинскимъ» послѣ согласныхъ буквъ—*и*, *і*, *й* произносятся нѣсколько мягче великорусскаго *ы*; буква *е* какъ оборотное *э*; буквы *ê*, *û*, *î*, *ô* — какъ *і*; буква *ѣ* и послѣ согласныхъ—*і* и послѣ гласныхъ и въ началѣ слова произносится, какъ *и* и *і*; буква же *є*—какъ общерусское *ѣ* или *е*.»

[2]) Эти произведенія казались Кулишу лучшими созданіями его пера, какъ видно изъ одного письма къ В. Н. Волкъ-Карачевскому, но онъ какъ будто и самъ сознавалъ свое увлеченіе, прибавляя, что, мо-

вторилась, однако, прежняя исторія: цензора сожалѣли о томъ, что не могутъ пропустить, но такое сожалѣніе, конечно, не могло удовлетворить автора. „Что касается собственно меня"—продолжаетъ Кулишъ,—„то я долженъ всячески искать новыхъ путей къ обнародованію выработаннаго мною воззрѣнія на Малорусчину, *долженъ* ради чести родного мнѣ старорусскаго элемента, испорченнаго Татарами, Литвою, Польшей и уродуемаго нынѣ людьми, которые „не вѣдаютъ, что̀ творятъ", думая тѣмъ службу приносить Богу". Такъ же трудно было напечатать „Дзвонъ" и въ Львовѣ, такъ что онъ увидѣлъ свѣтъ уже въ Женевѣ, о чемъ Кулишъ очень сожалѣлъ. Когда, по предложенію Вольфа, онъ взялъ на себя издать по-русски его книжку „Родные отголоски", но изданіе не состоялось за смертію предпринимателя, и Кулишъ задумалъ уже собственное вышеупомянутое изданіе подъ заглавіемъ „Позичена Кобза",—то онъ съ грустью писалъ намъ: „Въ объясненіе сихъ стихотвореній моихъ, я долженъ съ горечью сообщить вамъ, что жалуюсь въ нихъ на гоненія не только великоруссовъ, но и полякоруссовъ, alias [1])—галичанъ, которые, по политическому фанатизму относительно меня, годились бы въ сотрудники развѣ Каткову съ его преемниками". Нѣкоторое время Кулишъ предлагалъ мнѣ издать отъ себя его поэму „Кулишъ у пекли" и продолжать изданіе начатаго печатаніемъ во Львовѣ перваго тома украино-русскаго перевода „Шекспировыхъ Творивъ", также недозволеннаго нашей цензурой. „Нельзя ли вамъ поискать дороги къ дозволенію"? спрашивалъ меня Кулишъ, совершенно наивно, не представляя себѣ размѣровъ недовѣрія, съ какимъ относилась цензура ко всякому труду, связанному съ его именемъ". Всѣ великорусскіе переводы „величайшаго изъ сыновъ человѣческихъ," какъ назвалъ Шекспира Бокль, забывая о божественномъ Сынѣ Человѣческомъ Іисусѣ, не выдерживаютъ сравненія съ моимъ"—писалъ Кулишъ,—„не

жетъ быть, онъ потому ихъ ставитъ такъ высоко, что „мы особенно любимъ послѣднія произведенія, какъ и послѣднихъ дѣтей".

[1]) Т. е. иначе.

потому, что онъ мой, а потому, что нашъ малороссійскій языкъ имѣетъ больше грамматическихъ формъ и способенъ къ ковкѣ въ высшей степени. Переводъ Шекспира доведенъ мною до половины. Остальная половина могла бы быть переведена во время печатанія первой. Послѣдняя изъ переведенныхъ мною драмъ его, „Гамлетъ“ окончена въ 35 дней, и я пріостановилъ эту мою работу единственно потому, что въ Ганниной пустынѣ не могъ пользоваться изданіемъ Британскаго и Германскаго Шекспировыхъ Обществъ“.

Между тѣмъ цензура запретила, какъ было сказано выше, также и большую повѣсть Кулиша „Владимірія“ или „Искра Любви“, за которую авторомъ уже былъ полученъ авансомъ гонораръ изъ редакціи „Нови“,—обстоятельство, поставившее въ немалое затрудненіе Кулиша, какъ намъ извѣстно не пользовавшагося въ послѣдніе годы матеріальнымъ достаткомъ. Повѣсть была потомъ предложена... въ „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, гдѣ была безцеремонно заброшена и затеряна, какъ о томъ уже разсказано въ статьѣ кн. Шаховскаго о Кулишѣ въ „Русскомъ Обозрѣніи“, [1]) о чемъ еще будетъ упомянуто ниже. Нѣкоторыя же другія рукописи Кулиша поступили около этого времени въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія», и полученный за нихъ авансъ значительно поправилъ, конечно на самое короткое время, отчаянныя денежныя обстоятельства Кулиша. „Наши денежныя обстоятельства таковы“—писалъ онъ,—„что послѣ продолжительнаго алканія умственной пищи, я выписываю теперь газеты и журналы на четырехъ языкахъ. Недостаетъ только итальянской да испанской новѣйшей прессы. По-шведски я началъ было учиться ради письменныхъ фоліантовъ Карла XII, открытыхъ въ Стокгольмѣ, но надѣялся на Костомарова, которому слѣдовало бы историческое сокровище явить русскому міру“.

---

[1]) См. «Русское Обозрѣніе», 1891, III, стр. 222—223.

LX.

Несмотря на недовольство Кулиша галичанами, онъ продолжалъ дѣятельныя сношенія съ уважаемыми представителями этой націи. Въ числѣ послѣднихъ особеннымъ расположеніемъ его пользовался М. И. Павликъ (редакторъ журнала „Народъ"), заслужившій его симпатію статьей объ отношеніяхъ Кулиша къ великому польскому поэту Крашевскому. Въ первомъ письмѣ Кулишъ привѣтствовалъ своего новаго корреспондента: „Вельми втишаюсь правдою, що выявляется мижъ Русинами, ще й за мого життя,— не такъ самою правдою, якъ добрымъ розумомъ, котрого не знаходывъ я мижъ галицькымы письменниками". Ему онъ выразилъ готовность дополнить и провѣрить сообщаемыя имъ въ статьѣ свѣдѣнія о своихъ отношеніяхъ къ Крашевскому и спѣшилъ подѣлиться съ нимъ своими историческими убѣжденіями: „Одирвавшы Русиновъ одъ насъ у козако-татарське лыхолиття", писалъ онъ,—„Ляхы попереробляли ихъ такъ, що велыкый руськый свитъ ваши пысьменныкы вважають за якусь Кытайщыну и выроблюють изъ ёго соби на забавку клаптыкъ пидъ польскою назвою Ukraina. Хто на Русь позыра зъ вышого погляду, цинуючы перевагу руського духу надъ антирущыною, той у ныхъ москаль (знову назва польска!..) Тымъ и ворогують протывъ мене дома такъ само, якъ и въ Львови. За те, що я шукаю правды въ исторіи такъ, якъ прыродолюбци шукалы ій въ науци прыродознання, мене оглашають мало не чорнокныжныкомъ. Сміюсь я съ сёго". „Мене перше вважалы за майстра ридного слова, а теперъ и въ Львови и въ Кыиви пропечаталы, що я тилько псую ридну мову"... „Москва поборола татаръ, Новгородъ, Псковъ, Польшу съ Лытвою, шведа и козацство,— чымъ? Перевагою руського духу надъ антируськымъ, а не лукавствомъ, якъ насъ вчывъ Костомара! Не выдержала бъ вона тысячолитнёи боротьбы зъ вичамы, республыкамы, королямы, императорамы".

Павликъ съ большимъ интересомъ освѣдомлялся о судьбѣ книги „Шекспировы Творы", которая, какъ видно изъ отвѣта

ему Кулиша, могла быть въ складѣ или въ типографіи имени Шевченка, или у нѣкоего Алоизія Юркевича, жившаго въ Ульмѣ, такъ что Кулишъ самъ не могъ опредѣлить, находилась ли она въ этомъ послѣднемъ городѣ, или во Львовѣ. Также неизвѣстно было самому автору мѣстонахожденіе экземпляровъ другихъ его сочиненій, напр. „Магомета и Хадиджи“... На всѣ эти книги Кулишъ далъ полную довѣренность Павлику. Ему же было поручено печатаніе „Дзвона“ и „Товитовыхъ Словесъ“, но относительно печатанія перваго труда, какъ мы знаемъ, встрѣтились затрудненія и въ Львовѣ: „Колы-бъ не проклятущи іезуиты, мы бы „Дзвона“ печатали въ „Славній Коломыи!“ Павликъ, однако, расходился съ Кулишемъ по вопросу о роли образованнаго класса въ облегченіи тягостей, ложащихся на долю простого народа. Съ своей строго демократической точки зрѣнія онъ обвинилъ пановъ, т. е. высшія сословія населенія, въ непростительномъ жестокосердіи: Кулишъ, напротивъ, заявляя себя противникомъ бюрократіи, скептически относился, съ другой стороны, и къ симпатичной утопіи добровольнаго служенія интересамъ народа со стороны образованнаго класса въ томъ видѣ, какъ это считалъ необходимымъ Павликъ. Но во всякомъ случаѣ эти теоретическія разногласія не мѣшали взаимной пріязни обоихъ корреспондентовъ, а Кулишъ тѣмъ болѣе цѣнилъ дружбу Павлика, что, кромѣ его и профессора Огоновскаго и Златоверхаго, у него не осталось истинно преданныхъ людей въ Галиціи, тогда какъ ему часто приходилось волноваться изъ-за того, что одинъ изъ его знакомыхъ безъ разрѣшенія автора напечаталъ въ „Правдѣ“ переводъ первой пѣсни „Донъ-Жуана“, а нѣкто г. Барвинскій даже прислалъ ему по уговору два экземпляра „Чорной Рады“, напечатанной имъ вторымъ изданіемъ въ Галиціи; у него же оставались переводы „Псалтыри“ и „Іова“.

О газетѣ, издаваемой Павликомъ, Кулишъ былъ самаго хорошаго мнѣнія и отзывался о ней съ восторгомъ, говоря: „мы тутъ и не знали, що въ Галичини е така розумна газета“. Сочувствуя этому, Кулишъ готовъ былъ всячески оказывать ей поддержку и назначилъ для этой цѣли выручку со всѣхъ своихъ

трудовъ, печатавшихся заграницей. Въ своемъ горячемъ сочувствіи къ редактору Кулишъ доходилъ до братскаго участія во всѣхъ его дѣлахъ и нуждахъ и отъ души жалѣлъ о болѣзни, постигшей какъ его, такъ и другого своего лучшаго друга въ Галиціи, Михаила Златоверхаго. Съ трогательнымъ выраженіемъ задушевной преданности онъ уговариваетъ своего друга (Павлика) воздержаться отъ ночной работы и больше заботиться о здоровьѣ. „Дуже сумую: намъ николы нездужаты". Зато собственнымъ здоровьемъ Кулишъ не можетъ нахвалиться; предостерегая своего пріятеля, онъ говоритъ: „Такъ погубывъ себе не одынъ уже зъ моихъ пріятеливъ-здоровякивъ, а я, хвалыты Бога мылосердного, частенько й забуваю свои старощи, и колыбъ иноди прыпала нужда, высыдивъ бы за розумовою працею 18 годынъ у сутки такъ, якъ и зъ-молоду". На основаніи этихъ соображеній, находясь самъ чуть не въ нищетѣ, Кулишъ умолялъ Павлика не отказывать себѣ ни въ чемъ необходимомъ для лѣченія и даже предлагалъ было ему для этой цѣли воспользоваться выручкой отъ продажи его собственныхъ сочиненій: „Оце жъ надруковавши, що продасте прымирнykивъ, такъ и купуйте соби найздоровшого мятва и найздоровшого вина, стомаха рады и гиркого мени вашого занепаду".

Если такъ горячо принималъ къ сердцу Кулишъ недуги и нужды сравнительно мало знакомаго ему Павлика, то легко понять, какимъ горемъ для него было несчастіе, постигшее его давняго друга и шурина В. М. Бѣлозерскаго, котораго въ томъ же 1893 г. разбилъ параличъ. Это событіе, прискорбное само по себѣ, огорчало Кулиша еще и тѣмъ, что оно помѣшало Бѣлозерскому осуществить только-что задуманный имъ, особенно симпатичный Кулишу, планъ написать воспоминанія о прошломъ и, главнымъ образомъ о временахъ изданія „Основы".

Но не одинъ Павликъ интересовался воспоминаніями Кулиша и Бѣлозерскаго; нельзя не упомянуть здѣсь, что интересъ къ дѣятелямъ новѣйшей малорусской литературы, столь незначительный въ нашемъ обществѣ, буквально почти не подозрѣвающемъ существованія многихъ позднѣйшихъ малороссійскихъ писателей,

стоитъ несравненно выше въ Галиціи. Наглядным доказательствомъ могли бы служить письма къ Кулишу профессора русской литературы во Львовѣ Омельяна Огоновскаго, который, составляя свою исторію русской литературы, подробно останавливался и на позднѣйшихъ дѣятеляхъ малорусской литературы, для чего множество свѣдѣній получилъ отъ Кулиша, и это въ то время, когда профессора русской литературы въ русскихъ университетахъ въ большинствѣ случаевъ считаютъ для себя эту область чуждою и необязательною. Понятно поэтому, что представителямъ науки въ Галиціи въ большинствѣ случаевъ, благодаря большей близости интересовъ, гораздо яснѣе значеніе дѣятельности Кулиша, нежели нашимъ ученымъ и литераторамъ, для которыхъ часто по всѣмъ условіямъ внѣшнимъ, т. е. оффиціальнымъ, и внутреннимъ, т. е. племеннымъ, невольно этотъ отдѣлъ малорусской литературы остается за чертой ихъ изученій, и это даже независимо отъ несходства во взглядахъ съ Кулишомъ, котораго Огоновскій называетъ „провидныкомъ патріотивъ—пысьменныкивъ украинськыхъ въ 60 рокахъ“, о немъ же онъ говоритъ дальше: „а теперъ молодшому поколинію помагае не разъ радою и умнымъ своимъ словомъ“. Онъ же сообщалъ однажды Кулишу: „про васъ згадуе редакція „Правды“, яко про свиточа, що вказавъ тому авторови Даніилу Медовнику стежку до правдывои освиты“. „Хуторная поэзія“ и другіе стихотворные сборники и историческіе труды Кулиша встрѣтили, несомнѣнно, гораздо больше участія и интереса въ Галиціи, нежели у насъ. Тотъ же Огоновскій писалъ Кулишу. „Я справди дывуюся ваній непрестанній и хосенній праци на ныви нашои литературы: де-яки ваши стыхотворы суть мини справди понутру. Вашъ духъ все еще свижый и молодый; дай Боже, щобъ вы ще много литъ булы свиточемъ въ нашій словесній святыни!“.

LXI.

Въ концѣ 1893 г. Кулишъ больше чѣмъ когда-либо считалъ близкою къ осуществленію свою поѣздку въ обѣ столицы и въ

Варшаву и соединялъ съ этой мечтой обширныя научныя упованія, причемъ, повидимому, средства для задуманнаго предпріятія дали ему присланный авансомъ гонораръ за его статьи и повѣсти, напечатанныя въ „Русскомъ Обозрѣніи“. Онъ писалъ тогда Павлику, что ему предлагаютъ переработать всѣ девять томовъ „Исторіи Возсоединенія Руси“.

Поѣздка, однако, снова не состоялась. Послѣдующіе годы жизни Кулиша были опять поглощены переводомъ Библіи, для чего ему приходилось съ большими трудностями разыскивать и выписывать такія дорогія изданія, какъ Оксфордская Библія. Составляя планы печатанія этихъ трудовъ, Кулишъ просилъ обыкновенно Павлика назначить цѣну подороже, на томъ основаніи, что имущихъ не удержатъ лишніе десятки крейцеровъ, а бѣднымъ онъ поручалъ раздавать свои труды даромъ, какъ это предполагалось и потомъ дѣлалось съ книгой „Товитовы Словеса“. По окончаніи перевода первой книги Библіи, Кулишъ предполагалъ послать ее на просмотръ Златоверхому, но все-таки долженъ былъ признаться: „тутъ бы и 16 Золотоверхихъ не булы въ мене безъ дила, та не доросли мы до Оксфордянъ“. Поэтому Кулишъ принялъ намѣреніе съ особеннымъ тщаніемъ заботиться о здоровьѣ и остерегаться малѣйшей простуды: „Доростемо и мы до такого апостольства, коли того дослужымо въ щербатои доли, чы въ Господа Бога. Та бережимо свое здоровье. Я й съ хаты не выходжу, якъ закашляю, саджаючы новый гаёкъ. Писля насъ и будуть люды, такъ не мы. Тягаръ же нашои жызни треба буде комусь нести“. Эти идеи онъ часто высказывалъ Павлику: „Пріятелю Михайлу Ивановичу, не сумуйте, а радуйтесь, що вамъ дано натуру не ослячу, не собачу, не вовчу й не лысычу, якъ пребагатёмъ вашымъ пысьмакамъ... На долю я николы не нарикавъ. Журбою поля не перейдемо, а перейдемо веселымъ духомъ, яка бъ гыдота не куёвдылась навкругы насъ“. О своихъ литературныхъ врагахъ онъ говорилъ: „За мене говорытыме мое компонуванне, а за ныхъ—ихъ крытыкуванне, таке, якъ того Огоновського, що Золотоверхый документово зробывъ неукомъ“.

Одновременно съ сближеніемъ Кулиша съ Павликомъ въ нѣкоторыхъ галицкихъ органахъ являлись волновавшія его нападки, особенно въ „Зорѣ“; [1]) съ другой стороны расположеннымъ къ нему органомъ былъ польскій „Kraj“. Все это происходило въ 1893 г., когда началось первое знакомство и вскорѣ заочное дружеское сближеніе Кулиша съ кн. Н. Вл. Шаховскимъ, разсказавшимъ о своихъ отношеніяхъ къ нашему писателю въ „Русскомъ Обозрѣніи“, въ статьѣ, появившейся тотчасъ послѣ его смерти. Кн. Шаховской первоначально обратился къ Кулишу съ просьбой сообщить воспоминанія о Гиляровѣ-Платоновѣ, и хотя не только переписки, но даже воспоминаній у Кулиша не оказалось (письма сгорѣли во время пожара), но кн. Шаховской заинтересовалъ маститаго писателя и своей симпатіей къ его дѣятельности и собственными литературными работами. Черезъ князя Шаховскаго Кулишъ дѣлалъ попытки выручить извѣстную намъ рукопись „Владиміріо“ у кн. Мещерскаго; ему же онъ подарилъ потомъ этотъ трудъ въ полное распоряженіе, назвавъ его „крестнымъ отцомъ Владиміріи“.

LXII.

Въ 1894 г. Кулиша посѣтила тяжелая форма инфлюэнцы, отъ которой, по его словамъ, онъ спасся лишь благодаря неусыпнымъ попеченіемъ и самоотверженному уходу своей жены. Въ этомъ году скончался одинъ изъ лучшихъ галицкихъ пріятелей Кулиша, Золотоверхій. Но ни огорченіе, ни болѣзнь не могли надолго прервать кипучей дѣятельности. Въ своихъ письмахъ къ Павлику онъ постоянно извѣщаетъ то о томъ, что онъ дошелъ въ переводѣ Библіи до Исаіи пророка, то до премудрости сына Сирахова, и во всѣ эти переводы одинокій, почти не признан-

---

[1]) Кулишъ просилъ насъ вступить за него въ полемику съ «Зорей», но для этого необходима была полная увѣренность въ правотѣ его дѣла.

ный труженикъ умѣлъ влагать всю душу, добиваясь возможнаго совершенства въ своей работѣ. Переводя пророковъ, онъ въ это время постоянно исправлялъ и совершенствовалъ уже оконченные переводы Моисеева пятикнижія. „Вже сежду на стыси 20 XXXIII главы „Чисел“, и не знаю, колы перестану сам себе поправляты въ пидлажуванню нашои мовы пидъ велычезну поэму“. Понятно, что Кулишъ, благодаря такому отношенію къ своимъ трудамъ, все больше зарывался въ нихъ и, не рѣдко нуждаясь въ дружескомъ сотрудничествѣ нѣкоторыхъ своихъ корреспондентовъ, обращался къ нимъ свободно съ разными просьбами и порученіями, принявъ въ послѣднее время нѣсколько оригинальную привычку посылать коротенькія письма, написанныя карандашемъ съ помѣткой сверху: „телеграмма“. Работа кипѣла, перспектива массы еще неисполненныхъ и казавшихся необходимыми и неотложными трудовъ побуждала дорожить всякой минутой, а тутъ еще совѣстливое отношеніе къ каждому принятому на себя дѣлу, въ свою очередь, какъ мы говорили, заставляло возвращаться вновь уже къ тому, что было кончено: „Вже готови три глави четвертои книги Моисеевои, та не важусь печатати, докиль не дійду до Апокалипсоваго аминя“. Мало того: вслѣдствіе потери кн. Мещерскимъ обширнаго труда „Владимірія (или „Искра Любви“) приходилось возстановлять утраченное по сохранившейся черновой рукописи, причемъ многое нельзя было иначе дополнить, какъ по памяти, такъ какъ черновыя при перепискѣ всегда подвергались у Кулиша тщательной и капитальной переработкѣ (онъ особенно жалѣлъ о потерѣ наиболѣе удачно изложеннаго въ утраченной редакціи обращенія іезуита въ отечественное православіе).

Въ концѣ 1894 г. Кулишъ былъ обрадованъ назначеніемъ цензоромъ въ Москвѣ кн. Ник. Вл. Шаховскаго. [1]) „Я вижу хорошее

---

[1]) Въ князѣ Шаховскомъ Кулишъ надѣялся и желалъ видѣть самостоятельнаго и просвѣщеннаго дѣятеля цензуры; ему онъ писалъ: «Будьте на своемъ посту силою, а не орудіемъ силъ... Это вамъ завѣщаетъ человѣкъ, который, при всемъ ничтожествѣ происхожденія, своего имущества и первоначальнаго образованія, *былъ* силою». («Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 227).

предзнаменованіе“—писалъ намъ онъ по этому поводу—„въ назначеніи такихъ личностей на мѣста деспотовъ мысли и слова, которые присвоили себѣ право швырять намъ въ глаза наши рукописи, даже не взглянувъ на нихъ“. Но зато на „кункаторскую процедуру“ не только русскихъ издателей и содержателей типографій, но и заграничныхъ Кулишу случалось нерѣдко жаловаться, при чемъ особенно сердило его то, что небольшую брошюру „Дзвінъ“ печатали въ Женевѣ цѣлыхъ полтора года. [1])

Съ другой стороны онъ самъ является по неволѣ кунктаторомъ относительно задуманной поѣздки въ Варшаву. „Я съ трудомъ существую и среди своихъ рощъ“—откровенно сознался онъ въ письмѣ къ одной родственницѣ, „которыя довожу до возможнаго совершенства, а что со мной будетъ въ дорогѣ? Да и ѣхать куда бы то ни было не хочется страшно! [2])

LXIII.

Признаки старости начали наконецъ сказываться во многомъ, „Онъ усиленно работаетъ“, писала о мужѣ Александра Михайловна: „Исторіи уже шесть томовъ, но нервы слабы! Онъ часто уединяется и сильный запахъ папиросъ съ усиліемъ выноситъ“.

---

[1]) Изъ исторіи нашихъ личныхъ отношеній къ Кулишу мы должны здѣсь отмѣтить, что Кулишъ, принимая всегда участіе въ моихъ литературныхъ работахъ, писалъ намъ по поводу напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» нашей статьи: „Одна изъ женъ декабристовъ“: „вступительныя строки къ декабристкѣ насъ растрогали: и мы такіе же мученники, особенно моя Александра Михайловна“.

[2]) О предполагаемой поѣздкѣ въ Варшаву Кулишъ писалъ въ концѣ 1893 г.. „Рано весною мы должны ѣхать въ Варшаву, гдѣ я доведу до возможной документальности „Исторію Возсоединенія Руси“. Это значитъ, что три печатные тома книги явятся вновь обработанными, а шесть рукописныхъ, далеко не доконченныхъ въ смыслѣ исторической живописи и только подмалёванныхъ, получатъ полноту и доконченность при посредствѣ архивовъ и библіотекъ“.

Послѣдніе два года нашего писателя прошли въ такой же бодрой и энергической работѣ, какъ и вся его жизнь. Онъ весь былъ погруженъ въ переводъ Библіи, для чего выписывалъ дорогія заграничныя изданія. Совершенно углубившись въ этотъ трудъ, онъ шутилъ, говоря, что проводитъ время въ самомъ высокомъ и избранномъ обществѣ: съ Моисеемъ, Исаіей, Іереміей, которыхъ, прибавлялъ онъ, «*мушу* учить по нашому глаголати».

О переводческой дѣятельности Кулиша и о его личномъ характерѣ одно изъ коротко знавшихъ его лицъ сообщаетъ слѣдующее.

„Занимаясь переводомъ Библіи, Кулишъ въ то же время изучалъ еврейскій языкъ, чтобы заняться переводомъ Ветхаго Завѣта прямо съ еврейскаго подлинника. Первый свой переводъ Кулишъ сдѣлалъ не съ еврейскаго текста, а съ разныхъ европейскихъ переводовъ, но придерживался, главнымъ образомъ, англійскаго перевода, какъ самаго близкаго къ еврейскому тексту. Этотъ первый опытъ перевода Библіи Кулиша сгорѣлъ во время пожара въ его домѣ на хуторѣ Мотроновкѣ. Только одно „Пятикнижіе“ Моисея было напечатано во Львовѣ, какъ приложеніе или „додатокъ“ къ журналу „Правда“. Проживая въ своемъ хуторѣ, Кулишъ вторично переводилъ Библію уже прямо съ еврейскаго текста, но не успѣлъ окончить его. Переводъ Новаго Завѣта Кулиша и Пулюя давно уже напечатанъ въ Галиціи“.

„Натура Кулиша была слишкомъ нервная и въ высшей степени сложная, а поэтому склонная къ энтузіазму и крайнимъ увлеченіямъ въ ту или въ другую сторону. Однажды въ разговорѣ со мною онъ началъ проводить ту мысль, что только, „культура и культурность“ должны быть мѣриломъ всего: и исторіи, и поэзіи, и жизни. Съ этимъ, конечно, мнѣ нельзя было не согласиться, такъ какъ разговоръ шелъ о культурѣ и культурности въ общемъ смыслѣ. Много, много лѣтъ спустя, изъ послѣдующихъ произведеній Кулиша я только понялъ, къ чему клонился тогдашній разговоръ. Кулишъ пустилъ въ ходъ это мѣрило и принялся „ѣсть этою лопатою“ и поэзію Шевченка, и исторію

Украины, Польши и т. д. Но дѣло въ томъ, что культуру и культурность всякій понимаетъ по своему: демократъ мѣряетъ ее на свой аршинъ, аристократъ мѣряетъ на совсѣмъ иную мѣрку, а клерикалъ понимаетъ ее еще иначе. Культура оказывается понятіемъ растяжимымъ, и Кулишъ растянулъ это „мѣрило“ по своему. Какъ человѣкъ съ высокимъ врожденнымъ эстетическимъ чувствомъ, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ отвернулся отъ простацкой демократической козацкой Украйны, прежде имъ опоэтизированной, и направилъ свои симпатіи къ аристократіи, началъ выхвалять польскихъ магнатовъ, заимствовавшихъ изъ Европы больше внѣшнія черты культуры, чѣмъ ея содержаніе; началъ даже выхвалять московскихъ бояръ, которые никогда никакой культуры не внесли и сами туго заимствовали ее отъ другихъ. Проживая въ своемъ хуторѣ, въ глуши, Кулишъ могъ и не знать, что по „Румянцевской Описи“ теперь оказалось, что въ Старой Малороссіи, въ области наприм. черниговскаго полка, было школъ больше, чѣмъ въ той же чертѣ въ теперешней Украйнѣ, что при церкви были „шпитали“ и лазареты, учреждаемые приходами, и что все это: и школы, и шпитали, и лазареты, учрежденные приходами, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ культуры на некультурную, по мнѣнію Кулиша, Украйну, куда-то исчезли, словно сквозь землю провалились, и тамъ надолго воцарилась пустота и полная некультурность“.

„Кулишъ могъ въ своей Мотроновкѣ и не знать и „Разсказовъ иностранца“ („Записки Юста Юля, датскаго посла, бывшаго въ Россіи отъ 1709 г. до 1711 г. „Вѣстникъ Европы“, 1893 г. мартъ). Датскій посланникъ Юстъ Юль, пробывъ два года и при дворѣ Петра Великаго, возвращался чрезъ Украйну и Польшу на родину и описываетъ тогдашнюю козацкую Украйну совсѣмъ не въ такомъ некультурномъ видѣ, въ какомъ ее представлялъ себѣ Кулишъ, называя козаковъ разбойниками, хищниками и т. п. некультурными эпитетами. Юстъ Юль нашелъ, что „жители козацкой Украйны благоденствуютъ и живутъ, припѣваючи... Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и чѣмъ хотятъ—промышляютъ... Козаки

ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ... тогда какъ московиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... Королевецъ городъ большой и красивый. Улицы въ нихъ прекрасныя, какихъ въ Россіи я нигдѣ не видывалъ; дома прекрасные, прочные, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи... Все населеніе козацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома и т. д. [1]) Кажется, Кулиша, какъ эстетика, слишкомъ соблазнялъ внѣшній блескъ, внѣшняя культурность старыхъ польскихъ пановъ. Эту культуру дѣйствительно несли паны на Украйну обѣими руками и распространяли ее среди украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ".

LXIV.

2 февраля 1897 года Кулиша не стало. [2]) О его послѣдней болѣзни его вдова сообщила намъ слѣдующее: „Мѣсяца за три до золотой свадьбы было получено письмо отъ В. В. Тарновскаго, въ которомъ онъ усиленно просилъ пріѣхать къ нему въ Качановку и отдохнуть. Онъ предлагалъ прислать карету, разставить лошадей по дорогѣ, чтобы не было задержекъ, и пожить вмѣстѣ на условіи полной свободы, т. е. чтобы мы ни въ чемъ не были стѣснены относительно своихъ занятій и привычекъ, обѣда, чая" и т. п. Говоря объ этомъ съ женой, Пантелеймонъ Александровичъ фантазировалъ, что попроситъ двѣ кареты, чтобы ѣхать въ Зарогъ, заберетъ тамъ сестру жены съ ея дочерьми и тогда они вмѣстѣ двинутся въ Качановку. Это было для него большое путешествіе, потому что послѣдніе два года,

---

1) Такое же свидѣтельство о культурѣ старой Малороссіи XVII в. можно найти въ путевыхъ запискахъ Павла Алеппскаго.

2) Отмѣтимъ здѣсь, что всего за недѣлю до смерти Кулишъ имѣлъ утѣшеніе отпраздновать свою золотую свадьбу.

занявшись Библіей, онъ отказался даже отъ посѣщенія находившагося всего въ восьми верстахъ отъ хутора брата жены, Олимпія Михайловича, и даже шуткой называлъ этотъ хуторъ Америкой. Въ день золотой свадьбы всѣ предположенія также остались безъ исполненія. Онъ ограничился только письмомъ къ В. В. Тарновскому и остался праздновать свой юбилей дома. Къ этому дню потребовались покупки въ городѣ. Александра Михайловна, все не расположенная оставлять его одного, рѣшилась выѣхать на самое короткое время, тѣмъ болѣе, что онъ обыкновенно ждалъ ее нетерпѣливо и часто выходилъ къ ней на встрѣчу, иногда встрѣчая ее еще въ городѣ (за 5 верстъ отъ ихъ хутора). Но въ этотъ разъ она возвратилась: онъ встрѣтилъ ее, очень обрадованный, у порога, но черезъ нѣсколько минутъ сталъ жаловаться на ощущеніе холода въ конечностяхъ и при этомъ вложилъ руки въ печурку, чего прежде никогда не дѣлалъ, и хотя продолжалъ заниматься, но часто подходилъ къ камину грѣться. Жена укрывала его ноги и плечи пледомъ и платкомъ, потому что въ эту зиму было очень холодно. Она уже прежде просила его перейти въ болѣе теплую комнату, но онъ не согласился, говоря, что тамъ тѣсно и негдѣ разложить книгъ, и продолжалъ усиленно работать въ перчаткахъ.

Они пообѣдали весело, причемъ Александра Михайловна, поздравляя его, вспомнила о началѣ ихъ знакомства и сказала: „Какая я была умная, что въ 15 лѣтъ умѣла оцѣнить и отличить тебя отъ всѣхъ другихъ!“... Послѣ обѣда онъ продолжалъ чувствовать холодъ и часовъ въ восемь легъ въ постель. Жена была при немъ неотлучно. Онъ припоминалъ нѣкоторые мѣста изъ Библіи и говорилъ громко и отчетливо; А. М-на съ радостью, прислушиваясь, думала: „вотъ недалеко весна, и онъ опять будетъ крѣпокъ и веселъ“. Онъ просилъ раньше ложиться и самъ заснулъ.

Иногда, еще задолго до болѣзни, говоря о своемъ желаніи окончить переводъ Библіи, онъ прибавлялъ; „Тогда скажу: „Господи, нынѣ отпущаеши раба своего съ миромъ!“ Когда онъ начиналъ говорить о смерти, жена его убѣгала, и онъ потомъ

ей говорилъ: „Ты хочешь, чтобы я прожилъ Маѳусаиловъ вѣкъ!“ [1])

Ночь прошла покойно; лишь по временамъ онъ вздрагивалъ, какъ будто желая что-то сказать во снѣ. Тутъ А. М-на не могла выдержать и послала за докторомъ въ городъ, но его не застали дома, и онъ пріѣхалъ на хуторъ только на другой день. Между тѣмъ П. А. былъ все время въ ознобѣ. Докторъ подвергъ самому внимательному изслѣдованію и, наконецъ, сообщилъ женѣ объ упадкѣ дѣятельности сердца и велѣлъ перевести его въ болѣе теплую комнату, находя кабинетъ холоднымъ. П. А. продолжалъ заниматься, сидя въ креслѣ, несмотря на то, что былъ уже четвертый день болѣзни. На слѣдующій день докторъ пріѣхалъ опять и констатировалъ воспаленіе легкихъ, успокаивая А. М—ну тѣмъ, что болѣзнь излѣчимая. Въ этотъ день П. А. еще держалъ корректуру, присланную изъ-за границы, но на шестой день болѣзни онъ уже не вставалъ съ постели. На седьмой день, чувствуя себя лучше, хотѣлъ встать, но жена уговорила его не рисковать. Потомъ онъ показалъ глазами на грифельную доску, висѣвшую напротивъ на стѣнѣ; на этой доскѣ онъ часто писалъ ночью, но такъ какъ доска тяжела, то жена подала ему листъ бумаги и карандашъ; хотѣлъ писать и не могъ... Онъ поднялъ руку и писалъ нѣкоторое время въ воздухѣ, но вдругъ рука упала—и многотрудная жизь кончилась (2 февраля 1897 г. въ 8 ч. вечера). Вдова его была въ такомъ отчаяніи, что не надѣялась его пережить; ее едва могли привести въ себя сочувственныя телеграммы, изъ которыхъ одна (на малороссійскомъ языкѣ за двадцатью подписями) особенно тронула ее: „Поминая незабвеннаго земляка, привѣтствуемъ Ганну Барвинокъ за то, что она всю жизнь отдала тому, кто навѣки останется въ памяти всѣхъ сыновъ въ родной

---

[1]) Онъ назначалъ себѣ мѣсто, гдѣ его должны были похоронить: это былъ кругъ въ саду, обставленный кленами и другими деревьями. Черезъ два года тамъ нашелъ себѣ мѣсто упокоенія и другой патріотъ В. М. Бѣлозерскій.

Украйнѣ. Да будетъ, какъ перо, легка земля надъ дорогимъ покойникомъ!“ [1])

Хоронили Кулиша по козацкому обычаю. Везли гробъ двѣ пары воловъ цугомъ, въ траурныхъ попонахъ; на каждой „излучинѣ“ (по двѣ версты) до церкви читали Евангеліе сопровождавшіе прахъ два священника поочередно. Въ гробъ положили смушевую шапку, бумаги съ карандашемъ. На гробъ положили вѣнокъ изъ барвинокъ. [2])

LXIII.

Оканчивая нашъ обзоръ жизни Кулиша, мы еще разъ должны напомнить, что мы отнюдь не имѣли въ виду дать полный обзоръ общественнаго и литературнаго значенія его дѣятельности. Но, можетъ быть, спросятъ, чѣмъ же оправдывается такой обширный очеркъ однихъ біографическихъ фактовъ и такое сочувственное отношеніе къ изображаемому лицу? Отвѣчаемъ на это, что мы видимъ и цѣнимъ въ Кулишѣ не только талантливаго человѣка, но прежде всего и больше всего человѣка идеи, а это качество даетъ ему, по нашему мнѣнію, большія права на вниманіе, какъ качества рѣдкія и въ высокой степени цѣнныя. Мы цѣнимъ въ Кулишѣ безкорыстнаго подвижника умственнаго труда, согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ— труда самоотверженнаго, неустаннаго и не ослабѣвавшаго буквально до самаго дня смерти.

Жизнь Кулиша продолжалась восемьдесятъ лѣтъ, но никогда не была для него праздникомъ, да и не могла быть имъ по той простой причинѣ, что онъ болѣлъ сердцемъ за другихъ, а такіе люди, ёсли ихъ даже представить себѣ баловнями судьбы,—

---

[1]) Въ годъ смерти Кулиша въ Женевѣ вышла стихотворная брошюра, посвященная его памяти: „Щирі слези“.

[2]) „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр, 192.

счастливцами въ обыденномъ, опошленномъ значеніи слова никогда быть не могутъ.

Вся литературная дѣятельность Кулиша,—котораго, конечно, не безъ основанія упрекали за неоднократную перемѣну направленій,—была строго послѣдовательной и безусловно выдержанной въ томъ смыслѣ, что всѣ предпринимаемые имъ труды неуклонно преслѣдовали одну цѣль—изученіе прошлаго родины и благо земляковъ. Если при этомъ нѣкоторые взгляды его съ теченіемъ времени мѣнялись, то искренность была несомнѣнна, и даже враги признаютъ, что онъ ничего не говорилъ несогласнаго съ убѣжденіемъ.

Люди, лично знавшіе Кулиша, прозвали его „горячимъ“, и въ этомъ словѣ дѣйствительно заключается сжатая, но чрезвычайно мѣткая его характеристика.

При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, даже въ годы преобладанія въ человѣкѣ положительности и холоднаго разсудка, Кулишъ представляетъ въ нашихъ глазахъ типъ чрезвычайно симпатичный и даже трогательный, типъ энтузіаста съ живой и отзывчивой душой. Въ силу этого Кулишъ, независимый и увѣренный въ себѣ, имѣя, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ и почтенной эрудиціи, преимущественно во всемъ, касающемся горячо любимой Украйны, несомнѣнныя данныя, чтобы занять болѣе или менѣе замѣтное, если не оффиціальное, то общественное положеніе, уже давнымъ давно заявившій себя съ весьма выгодной стороны какъ писатель, редакторъ и лекторъ, ничего лично для себя не искалъ и доживалъ свой вѣкъ въ кругу близкихъ родныхъ и въ обществѣ любимыхъ книгъ, съ болѣе нежели легкимъ багажемъ вещественныхъ благъ, безъ всякихъ помысловъ даже о томъ, чтобы поправить свои матеріальныя дѣла скорѣйшимъ изданіемъ своихъ трудовъ. Вообще, въ силу особенностей своей чрезвычайно впечатлительной и подвижной натуры, покойный не могъ замкнуться въ строго опредѣленныя рамки, посвятивъ себя на всю жизнь однажды избранной карьерѣ. Натура эта была чрезвычайно живая и всего менѣе поддающаяся внѣшнему режиму, что, конечно, признаетъ каждый, кто такъ или иначе

сколько-нибудь знакомъ съ личностью Кулиша. Поэтому едва-ли съ его именемъ сольется въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ какая-нибудь спеціальная нарицательная кличка, но онъ непремѣнно будетъ признанъ патріотомъ-публицистомъ, писателемъ съ своей собственной, вполнѣ оригинальной и ему только принадлежащей физіономіей. Самая слабая память не затруднится сохранить о немъ ясное представленіе и не смѣшаетъ его ни съ какимъ инымъ виднымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Кулишъ прежде всего была личность въ высшей степени самобытная, яркая историческая фигура, ни для чего шаблоннаго не созданная, и слѣдовательно не способная къ шаблонному устройству своей жизни. Природа, щедро одарившая его вообще, особенно надѣлила его способностью горячо и сильно чувствовать и всѣмъ сердцемъ отзываться на нужды ближняго. Отсюда вытекаютъ всѣ главныя свойства его характера. Это была натура всесторонне художественная, начиная отъ страстной любви къ природѣ, преимущественно украинской, и къ искусствамъ, и кончая удивительной способностью ко всякому, какъ умственному, такъ и физическому труду. Достаточно сказать, что этотъ человѣкъ, получившій почетную извѣстность какъ литераторъ и общественный дѣятель, также превосходно рисовалъ масляными красками, сепіей, тушью и карандашомъ, и въ молодости даже мечталъ посвятить себя живописи. Кромѣ того, онъ занимался гальванопластикой, переплетнымъ мастерствомъ, работалъ на столярномъ верстакѣ, дѣлалъ складные шкафы и кресла, любилъ и основательно зналъ сельское хозяйство, всегда былъ въ работѣ и при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ умѣлъ не только сохранять бодрость, но даже быть или хотя бы казаться всегда веселымъ. Образъ жизни велъ строго умѣренный и правильный. Бесѣда его, благодаря природному краснорѣчію и никогда не оставлявшему его внутреннему воодушевленію, при живомъ разностороннемъ интересѣ ко всему въ мірѣ отвлеченной мысли и искусства, говорятъ, была чрезвычайно увлекательна.

Но главное все-таки было то, что Кулишъ „горячъ“ былъ сердцемъ: онъ любилъ людей, но не однихъ, впрочемъ, людей, а также всевозможныхъ животныхъ (собакъ, лошадей, коровъ, кошекъ, всякихъ птицъ), растенія (цвѣты) и проч. Самая его неутомимая любознательность была не только потребностью ума, но еще больше сердца, постоянно побуждавшаго его безъ колебанья и раздумья всѣ свои силы нести на алтарь любви къ вѣчно дорогой Украйнѣ, а въ послѣдніе годы также и къ Галиціи. Въ обхожденіи Кулиша, говорятъ, было столько задушевной простоты и сердечности, что за ними въ непринужденной бесѣдѣ забывался извѣстный писатель и общественный дѣятель, память котораго вскорѣ послѣ его кончины сочувственно чествовалась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ памятью другихъ незабвенныхъ украинскихъ патріотовъ, друзей Кулиша—Костомарова и Шевченка. Съ простыми хуторскими крестьянами Кулишъ обходился въ высшей степени гуманно и привѣтливо, а дѣти крестьянскія свободно прибѣгали къ нему ласкаться, называя его просто „дидусь“. Когда же послѣ его смерти вдова его была, можно сказать, засыпана множествомъ сочувственныхъ писемъ и телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, хуторскіе крестьяне были не мало смущены тѣмъ, что они позволяли себѣ запросто обращаться съ добрымъ „паномъ“, совсѣмъ не подозрѣвая того, что этотъ панъ такой важный человѣкъ. Но трогательнѣе всего было прощаніе съ умершимъ „паномъ“ хуторскихъ дѣтей, которыя неутѣшно рыдали по немъ, какъ по самомъ добромъ и близкомъ человѣкѣ.

Наконецъ знаменательно и то, что послѣ похоронъ Кулиша сложилась даже легенда между окрестными крестьянами, будто онъ похороненъ былъ въ золотой трунѣ.

Дѣтей Кулишъ всегда любилъ особенно, но собственныхъ дѣтей у него не было. Зато онъ всю жизнь въ полномъ смыслѣ слова шелъ объ руку съ своимъ другомъ-женой, его вѣрной спутницей, товарищемъ во всѣхъ житейскихъ испытаніяхъ. Не красна была ихъ жизнь, вся сплошь состоявшая изъ борьбы съ нуждой и лишеніями, простиравшимися до того, что, какъ мы

знаемъ, въ послѣдніе годы, уже въ преклонномъ возрастѣ,—отнюдь не по увлеченію идеями графа Толстого, котораго, къ слову сказать, онъ почему-то не любилъ и мало читалъ,—онъ долженъ былъ самъ пахать на волахъ и исполнять другія полевыя работы, при чемъ и здѣсь, какъ во всемъ, былъ мастеромъ дѣла. Ничего отраднаго не сулило Кулишу будущее; но въ своей чистой совѣсти, въ своемъ любящемъ сердцѣ и неустанной одушевленной дѣятельности, благодаря также преданной подругѣ жизни, онъ умѣлъ находить чистое и отрадное удовлетвореніе, которое прочнѣе и выше счастья многихъ обезпеченныхъ людей. И какъ жилъ Кулишъ, до послѣднихъ дней создавая себѣ все новые планы и работая для исполненія ихъ, какъ говорится, „не покладая рукъ“, какъ будто бы ему суждена была вѣчная дѣятельность,—такъ точно ужъ на смертномъ одрѣ, за нѣсколько часовъ до рокового конца, онъ долго что-то оживленно говорилъ и, когда языкъ уже совершенно отказался ему повиноваться, онъ все еще не могъ разстаться съ привычной работой мысли и что-то писалъ рукой въ воздухѣ, какъ ратникъ, умирающій на полѣ битвы.

Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ я находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Кулишомъ и имѣлъ возможность близко, хотя и заочно, познакомиться съ его живой и въ самой старости кипучей натурой. Случалось иногда, что Кулишъ просилъ достать ему какую-нибудь рѣдкую книгу, рѣдкое изданіе библіи (напр. одно дорогое изданіе Оксфордскаго общества), уладить его недоразумѣнія съ цензурой. При этомъ всегда бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ *непремѣнно* хотѣлъ получить желаемое, по его мнѣнію, *найлучшее* изданіе, готовъ былъ скорѣе *отказаться* отъ печатанія своихъ малороссійскихъ произведеній, нежели *отступиться на іоту* отъ „кулишовки“ и подчиниться правописанію по Котляревскому и проч. Для Кулиша было священно все, что по его убѣжденію, должно было предстать передъ нимъ въ извѣстномъ, имъ излюбленномъ, видѣ, такъ что онъ не согласенъ былъ поступиться даже тѣмъ или инымъ изображеніемъ какой-нибудь

гласной малороссійскаго языка, къ немалому удивленію и отчасти досадѣ цензурнаго вѣдомства. Такъ во всемъ настойчиво проявлялась и говорила о себѣ его оригинальная личность.

Общественная и литературная дѣятельность Кулиша, въ силу объясненныхъ нами особенностей его натуры, отличалась странностью, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ съ одной стороны преданныхъ друзей и почитателей, съ другой—ожесточенныхъ враговъ, которые готовы были метать на него громы. Подвести итогъ этой богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни и всесторонне освѣтить ее съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ—задача будущаго. Найдутся, вѣроятно, и теперь, когда смерть должна была бы все примирить, такіе суровые критики, которые станутъ, быть можетъ, упрекать его въ излишнихъ увлеченіяхъ; но нѣтъ настоящей жизни безъ увлеченій, а того, что это была личность замѣчательно живая, яркая и благородная, оригинальная въ лучшемъ значеніи слова—этого, конечно, никто отрицать не станетъ, а также и того, что это былъ человѣкъ идеи и даже фанатикъ украинской народности, если отдѣлить отъ этого слова его невыгодный оттѣнокъ, удерживая лишь обозначаемую имъ высшую степень преданности идеѣ. Кулишъ былъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ яркій обликъ и даютъ окраску всему, съ чѣмъ соприкасаются; самая слабая память ни съ кѣмъ другимъ его смѣшать не можетъ. Такіе люди невольно возбуждаютъ удивленіе и заслуживаютъ благодарной памяти въ потомствѣ.

Вл. Шенрокъ.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

36. Бѣлорусскіе купцы, обокраденные на ярмаркѣ въ Полтавѣ.

День 14 сентября былъ когда-то для Полтавы не только храмовымъ праздникомъ въ мѣстномъ монастырѣ, но и временемъ значительной ярмарки, на которую съѣзжались купцы со всей Украины, и кромѣ того привозились товары изъ окрестныхъ странъ: изъ Великороссіи, Литвы, Польши и Крыма. Такъ было и въ 1690 году. Пріѣхали съ товарами изъ далекаго Глуска, [2]) „изъ панства Литовского", два молодыхъ купца, Иванъ Дещенко и Севастіанъ Вовчковичъ и остановились „на госпòди" въ домѣ мѣщанина Мартына Бражника. Цѣлый день они „бавылыся торговымъ диломъ", а вечеромъ вернулись домой, сосчитали выручку, заперли ее въ „скрыньку", которая хранилась на одномъ изъ возовъ, прикованная „ланцухомъ" (цѣпью), сдѣлали обычный нарядъ между своею „челядью" на счетъ ночной охраны возовъ съ товарами, а потомъ сѣли на „прысыпу" и стали бесѣдовать съ „госпòдаремъ". Сначала они „бесидовалы словесно", а потомъ Мартынъ вынесъ „пляшку зъ горилкою" и предложилъ купцамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ. Купцы слегка подкрѣпились, а затѣмъ съ своей стороны сочли долгомъ учтивости пригласить любезнаго и гостепріимнаго „господаря" „до двору братского святовоскресенского на учту".

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 9.

[2]) Глускъ—нынѣ мѣстечко Бобруйскаго у. Минской губ.

Братскіе дома, имѣвшіеся при каждомъ приходскомъ братствѣ, въ обыкновенное время имѣли совсѣмъ другое назначеніе: здѣсь происходили сходки братчиковъ для обсужденія братскихъ дѣлъ, здѣсь хранилось братское имущество, въ братскихъ домахъ обыкновенно совершался братскій и духовный судъ, наконецъ здѣсь же нерѣдко происходили и засѣданія полковаго суда, если дѣло касалось духовныхъ лицъ и въ составѣ суда участвовало городское духовенство. Но въ дни великихъ праздниковъ, когда братчики совершали „канунъ“ и варили медъ, братскіе дома и даже дворы временно обращались какъ бы въ общедоступные рестораны, куда и самыя почтенныя лица не считали зазорнымъ и самимъ зайти, и пріятелей пригласить „на учту“, такъ какъ выручка отъ продажи канунныхъ напитковъ составляла главный доходъ, на счетъ котораго братчики украшали свои храмы, содержали школы и „шпитали“ и творили другія дѣла милосердія. Такимъ канунным днемъ былъ и праздникъ Воздвиженія, и вотъ почему литовскіе купцы пригласили Мартына Бражника „на учту“ не въ корчму или шинокъ, а на „братерскій“ воскресенскій дворъ, находившійся въ предмѣстьи города, неподалеку отъ дома Бражника.

Долго они тамъ „забавлялись“ за пивомъ да медами, но купеческой осторожности не забывали, и вотъ одинъ изъ купцовъ, Иванъ Дещенко отлучился на минуту „до господы“, чтобы навѣдаться, исправно ли „челядь“ оберегаетъ возы съ товарами, а другой остался съ Мартыномъ „на зазванной учтѣ“. Пришелъ Иванъ на дворъ и „засталъ челядь свою зъ Мартыныхою Бражнычкою бесидуючыхъ у хати надъ горилкою“: оказалось, что когда хозяева ушли со двора, сердобольная „господарка“ зазвала къ себѣ „челядь купецкую“ тоже „на учту“,—нужно же было и бѣднымъ челядникамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ, да еще въ такое „свято“, чтобы они бодрѣе стерегли хозяйское добро. Купецъ слегка пожурилъ челядниковъ за то, что всѣ забрались въ хату и никого не оставили на дворѣ, и пошелъ самъ осмотрѣть возы. Тамъ онъ засталъ „тулючогося межи возамы“ хозяйскаго сына Ивана, молодого парубка, и спросилъ его: „А для чого ты межи возами подъ часъ смеркáня туляешься?“ Тотъ почти шепотомъ отвѣтилъ:

— „Та це я передъ отцемъ своимъ Мартыномъ крыюся, щобъ мене не бывъ, бо винъ на мене теперъ гнивлывый, не видаю за що“.

Купецъ успокоилъ Ивана Бражниченка, что его отецъ теперь съ ними „на учтѣ въ дому братерскимъ“ и нескоро домой вернется, да и воротится навѣрное въ такомъ состояніи, что не будетъ въ силахъ драться. Поговоривъ еще съ Иваномъ и найдя свои возы, повидимому, въ цѣлости, купецъ снова отправился „на бесиду тую“, на братскій дворъ. Но едва онъ вышелъ на улицу, какъ его будто толкнуло что-то: онъ вспомнилъ, что не осмотрѣлъ денежной „скрыньки“. Онъ поспѣшно вернулся, подошелъ къ возу—и ахнулъ: „скрынька“, въ которой хранилось полтораста таляровъ битыхъ и чеховъ, „скупныхъ (общихъ) съ товарыствомъ“, оказалась „откученною отъ ланцуха“ и безслѣдно исчезнувшей.

Не помня себя отъ волненія, купецъ „вчинилъ окрикъ и галасъ на всю улицу“, на который опрометью выбѣжала челядь изъ хаты, сбѣжались сосѣди и многіе ярмарковые люди, ночевавшіе въ сосѣднихъ дворахъ. Пошли разспросы, толки и оханья. Прибѣжалъ и другой купецъ съ братскаго двора, перепуганный и взволнованный не меньше своего товарища. Онъ, однако, тотчасъ сообразилъ, что слѣдуетъ дѣлать въ такихъ случаяхъ: по его предложенію, всѣ присутствовавшіе „сталы заразъ шукаты въ двори Мартыновимъ и коло двора слиду, куда бъ тая украденная скрынька могла буты вынесенною зъ воза“, и когда вошли съ огнемъ „у стайню“ Мартынову, то увидѣли тамъ „на затылку вынятую тынину“ (часть плетня), а за нею нашли разбитую „порожнюю скрыньку“. Это былъ важный слѣдъ, и его немедленно слѣдовало предъявить уряду. И хотя было уже близко къ полуночи, оба купца, „не бавячыся“, отправились въ ратушу, велѣли разбудить войта и бурмистровъ, предъявили имъ разбитую „скрыньку“ и занесли „мѣйскому“ уряду жалобу на Ивана Бражниченка и на его мать Мартыныху „за тое, що Мартыныха челядь въ хату заклыкала горилкы пыты, а сынъ ей межи возамы тулявся и на ёго слиду тая скрынька украдена зъ гришмы“. Магистратская старшина „справу отложыла до утра, нѣмъ (пока) розсвинется“, но купцамъ не терпѣлось, и какъ только „ихъ Богъ освитывъ“ (настало утро), они уже были

у полковника, „оповидали ему шкоду свою“ и „скаржились“ на Мартына Бражника, его жену и сына, обвиняя ихъ въ покражѣ. „Зглянувшись на ихъ скаргу и плачливый скорбъ“, полковникъ приказалъ „даты до вязеня“ Ивана Бражниченка „до слушного доводу и до далшои резолюціи“.

Когда узналъ объ этомъ старый Мартынъ, онъ прибѣжалъ къ полковнику и со слезами сталъ умолять „сохранить домъ его чистымъ отъ публики злодійскои“; въ крайнемъ случаѣ онъ просилъ отдать ему сына на поруки; но купцы „на поруку сына Мартынового не пустили“ и домогались скораго суда надъ нимъ и „скутечнои справедливости“. Ивана отвели таки въ тюрьму. Тогда Мартынъ позвалъ къ себѣ купцовъ, „частувавъ“ ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, наконецъ вмѣстѣ съ женою упалъ къ ихъ ногамъ и со слезами началъ умолять прекратить дѣло и не позорить сѣдой головы его,—„а я вамъ (божился онъ) тіи краденыи гроши пивтораста таляривъ верну, бо то зъ безумія сына нашого такъ сталося, що винъ ихъ укравъ,“—и тутъ же далъ имъ своихъ три таляра, „абы тое злодійство утаилося передъ старшыною“. Купцы согласны были на такую сдѣлку, но требовали, чтобы предварительно имъ были возвращены украденныя деньги, а Мартынъ Бражникъ настаивалъ на томъ, чтобы купцы немедленно сдѣлали передъ старшиной заявленіе о прекращеніи дѣла, и тогда уже получатъ свои деньги. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, порѣшили на томъ, что Мартынъ снялъ со стѣны образъ, и купцы передъ нимъ „прысягу такую учинили, що милы ихъ затаиты злодійство пры соби, никому не оповидаючы.“ Послѣ этого Мартынъ отправился съ ними на свой хуторъ, на урочище Сорокового Яръ, близъ города, и тамъ „указалъ ихъ гроши, у чотырохъ мистцяхъ похованыи у терну, у левади своій“. Вся украденная сумма оказалась сполна налицо. Купцы взяли свои деньги и изъявили готовность, согласно условію, немедленно вмѣстѣ съ Мартыномъ отправиться къ полковнику и заявить, что пропавшія деньги случайно отыскались, и они никого не обвиняютъ въ кражѣ.

Пришли къ полковнику, а у него, по случаю ярмарки, домъ полонъ гостей; была здѣсь вся полковая и городовая стар-

шина, много было и „значного войскового товарыства", какъ мѣстнаго, такъ и пріѣзжаго. Всѣмъ уже была извѣстна новость дня—исторія о томъ, какъ „литовскіе" купцы дерзко обокрадены на Мартыновомъ дворѣ, поэтому, когда эти купцы съ сіяющими лицами вошли въ полковничью свѣтлицу, ихъ окружили съ любопытствомъ. А они, отвѣсивъ передъ полковникомъ по низкому поклону и положивъ на столъ мѣшочекъ съ деньгами, сказали:

— Вельможный добродію и вы панове уряде! Презентуемъ передъ вами тое лице злодѣйское—власные наши гроши, якіе у насъ Мартыновъ сынъ покралъ, а онъ, Мартынъ, поховавши на своемъ хутори, теперъ указалъ намъ и вернулъ. Просимъ зъ оного Мартына Бражника, его жоны и сына святои справедливости".

Это вѣроломство купцовъ такъ ошеломило несчастнаго Мартына, что онъ едва не свалился съ ногъ и долго не могъ промолвить ни слова. Да и было отъ чего потерять голову: вѣдь онъ, довѣрившись купеческой присягѣ, окончательно погубилъ не только сына, но и жену и себя самого. До сихъ поръ было лишь одно подозрѣніе противъ Ивана; но теперь своими признаніями и главное—указаніемъ мѣста, гдѣ были спрятаны украденныя деньги, онъ самъ же вооружилъ противниковъ могущественнымъ орудіемъ—„злодійскимъ лицемъ", которое одно могло повести прямо на „шибеницу" и вора, и его сообщниковъ. И когда полковникъ спросилъ Мартына, точно ли это тѣ самыя деньги, которыя сынъ его укралъ и спряталъ на его хуторѣ, а „онъ и жона его, видаючи о томъ схованю, самы ихъ вказалы и до рукъ купцамъ отдалы", — то ни самъ Мартынъ, ни приведенный сюда же изъ тюрьмы сынъ его „одъ того лица злодійского не таились". Тогда полковникъ, „по тому ихъ лицу злодійскому видячы неробочое дило", приказалъ, чтобы они къ той суммѣ „краденой" доложили еще полтораста таляровъ „и во всемъ погодили шкодуючую (потерпѣвшую) сторону безъ отклады" (немедленно), а судъ объ этомъ „злодійствѣ" былъ отложенъ до другого времени („до увагы нашои").

Судъ этотъ состоялся черезъ двѣ недѣли. Подъ предсѣдательствомъ полковника, въ немъ участвовали оба полковые асаулы Дорошъ Дмитровичъ и Стефанъ Фиринченко, полковый судья, атаманъ городовой, войтъ и два бурмистра. Суду былъ преданъ не одинъ Иванъ Бражниченко, но и его родители. Потерпѣвшіе купцы все еще оставались въ Полтавѣ и лично обвиняли подсудимыхъ. Послѣдніе въ своей винѣ не „таились", и потому въ производствѣ полнаго слѣдствія не было надобности. Судъ призналъ Ивана Бражниченка виновнымъ въ кражѣ, а обоихъ родителей въ соучастіи въ ней, выразившемся въ томъ, что они оказывали содѣйствіе преступленію сына „и сами тые украденые гроши сховали". Опредѣляя затѣмъ мѣру наказанія, судьи приняли, конечно, во вниманіе и то обстоятельство, что этотъ самый Иванъ Бражниченко всего лишь два мѣсяца передъ тѣмъ былъ приговоренъ полковымъ судомъ къ смертной казни за изнасилованіе служанки, сироты Васьки, и только во вниманіе къ слезной просьбѣ его родителей эта кара была замѣнена крупнымъ денежнымъ взысканіемъ; поэтому къ нему примѣнили 7-й артикулъ 14 розд. Статута, трактующій „о важности лица, за що злодій гордо тратитъ", а къ его родителямъ—статью изъ права Магдебургскаго (на 129 л. книги „Порядокъ") и приговорили: Ивана Бражниченка къ „шибеницѣ" (висѣлицѣ), а его отца и мать къ „назначенію члонковъ" [1]). Тутъ осужденные и ихъ родственники подняли неистовый плачъ и рыданіе, и судьи безъ долгаго колебанія, „за слезнымъ упрошенямъ Мартыновымъ и жоны его, даровали сына ихъ смертелною карностю и ихъ самыхъ назначенямъ члонковъ", обязавъ ихъ, „абы они, упросывшы реченыхъ купцовъ, нагородили имъ вси правные выклады (судебныя издержки), на чимъ бы шкодовалы, отъ мала до велика". Сверхъ того, „поневажъ немалая шкода" въ интересахъ правосудія „сталася въ той крадежи отъ реченого Мартына, жоны и отъ потомка его", то въ удовлетвореніе за это „міетъ Мартынъ

---

[1]) Т. е. къ отсѣченію ушей или носа, или же одной руки и одной ноги—въ декретѣ не обозначенъ точно этотъ родъ наказанія.

съ худобы своеи выну панскую и врядовую платыты, якъ явный и приличный злодій“ (т. е. уличенный „злодійскимъ лицемъ“).

Къ декрету приложенъ „реестрикъ, що взято въ Мартына Бражника за проступство его“; изъ него можно видѣть, во что обошлось ему судейское милосердіе. „Напродъ его милости пану полковнику Ѳеодору Ивановичу Жученку за тую вину панскую достался хуторъ, стоячій на Сорокового Яру, съ хатою, зъ выныцею (винокурнею) изо всими угодями и съ трома казанами, кромъ збожа (кромѣ хлѣба) въ стогахъ будучого и молоченого, а до того взято хату, стоячую за мистомъ (городомъ), зъ дворомъ, и бчолъ трыдцятеро и четверо, и дви пари воловъ. Зъ которои отобранои злодійскои выны его милость панъ полковникъ старшыни полковій отдаетъ дворъ за мистомъ стоячій зъ хатою, а на врядъ городовый полтавскій (т. е. на долю войта съ бурмистрами) бчолъ двадцятеро и четверо и дви пари воловъ. А зверхъ того ясневелможному милостивому добродіеви пану гетманови бчолъ тыхъ же пнювъ (пней) десятеро до пасикы панскои отставлено“.

Это была не взятка, а законный судейскій доходъ, открыто взымаемый на основаніи одной статьи Магдебургскаго права (книга „Порядокъ“, часть IV, листъ 139), которой малороссійскіе суды давали распространительное толкованіе: „убогшіе выгнаньемъ зъ панства, а богатшіе виною пѣняжною карани маютъ быти“. Вотъ почему и гетманъ, какъ верховный судья, иногда получалъ принадлежавшую ему часть судейскаго дохода.

---

37. Кража у курскаго купца на той же ярмаркѣ.

На тотъ же „честнохрестскій ярмарокъ“ полтавскій прибылъ въ 1701 г. изъ Курска съ галантерейнымъ товаромъ посадскій человѣкъ Фока Лукьяновъ и сталъ „господою“ во дворѣ значнаго козака Броилка. Не успѣлъ онъ еще и „расташоваться“ съ товаромъ, какъ въ ночь на 12 сентября кто-то укралъ съ воза

35 фунтовъ желтаго шелку, кафтанъ и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. На разсвѣтѣ купецъ съ своими „молодцами“ принялся за розыскъ. „Господыня“ сосѣдняго двора, выйдя на поднятый ими „галасъ“, нашла среди своего двора три фунта шелку и оповѣстила объ этомъ Фоку; тотъ призналъ шелкъ своимъ. Другой сосѣдъ сообщилъ, что, выйдя ночью на лай собаки, замѣтилъ какого-то „москаля“ (солдата), пробѣжавшаго черезъ его дворъ. Тутъ и Фока вспомнилъ, что видѣлъ наканунѣ великорусскихъ стрѣльцовъ, безъ дѣла шатавшихся по городу; на разспросы о нихъ ему отвѣтили, что въ Полтаву нѣсколько дней назадъ пришелъ откуда-то цѣлый „гуртъ москаливъ“, и теперь хозяйки плохо спятъ по ночамъ, дрожа за цѣлость своего „господарства“. Лукьянову лучше было извѣстно, что стрѣльцы были и не на то способны.

— „Гдѣ же они стоятъ „господою?“ допытывался онъ.

Ему объяснили, что добрый человѣкъ не пуститъ стрѣльца къ себѣ въ „господу“, развѣ мѣщанамъ бурмистры такую бѣду накинутъ и то—въ военное время, а эти стрѣльцы пришли сами, безъ своей старшины, и должно быть ночуютъ въ братскомъ „шпиталѣ“; тамъ никому нѣтъ отказа: заплати шелягъ, и ночуй спокойно. А днемъ на что имъ „господа?“ Ходятъ себѣ по городу, а иные и на работу нанимаются.

Лукьяновъ рѣшился поскорѣе разыскать этихъ стрѣльцовъ. Прежде всего онъ обратился въ „шпиталь“. Тамъ, оказалось, точно ночевалъ какой-то „москаль“, которому нечѣмъ было и за ночлегъ заплатить, но съ утра ушелъ къ своимъ товарищамъ, имѣвшимъ „господу“ гдѣ-то на предмѣстьи. Лукьяновъ забѣжалъ въ ратушу, выпросилъ себѣ въ подмогу „миськихъ слугъ“ [1]) и разыскалъ своихъ земляковъ: тамъ какъ-разъ шла распродажа краденаго шелку, только что принесеннаго однимъ изъ ихъ товарищей, Васькой стрѣльцомъ. Ваську арестовали, привели въ полковой судъ и, по просьбѣ Лукьянова, подвергли допросу:

---

[1]) «Мѣйскіе слуги»—тогдашніе полицейскіе служители при магистратахъ и ратушахъ.

— Видкиль ты есть, чоловиче? зъ кымъ кравъ той шовкъ и де его подивавъ?

Васька показалъ:

— Отпущено меня изъ Тавани [1]) самъ-другъ съ Филькою товарищемъ моимъ, стрѣльцы мы оба полка стольника и полковника Данилы Никитича Юдина, жильцы сѣвскіе. Пришли мы въ Полтаву и, за вѣдомостью Федора, старосты шпитальнаго, двѣ ночи ночевали въ шпиталѣ, а въ день по людямъ работали. Нынѣшней ночью товарищъ мой не знаю куда и зачѣмъ ходилъ и лишь на разсвѣтѣ вернулся; а днемъ, когда мы пошли съ нимъ по городу, Филька, товарищъ мой, сказалъ мнѣ: „на томъ мѣстѣ, говоритъ, подъ валомъ, въ крапивѣ, лежитъ шелкъ; возьми его себѣ". И онъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а я тотъ шелкъ взялъ,—пять вязокъ всего тамъ было,—пришелъ въ шпиталь и далъ одну вязку Федору, старостѣ, за ночлегъ, а четыре вязки понесъ продавать своимъ землякамъ, пріѣхавшимъ изъ Сѣвска; тамъ меня и взято. Только я этого шелку самъ не воровалъ, развѣ товарищъ укралъ гдѣ".

Послали за Федоромъ, старостою шпитальнымъ, съ которымъ вмѣстѣ „слуги миськіи" принесли три пачки шелку, завернутаго въ бумагу. Это былъ возвращенный Федоромъ тотъ самый шелкъ, который далъ ему Васька стрѣлецъ въ уплату за ночлегъ; но обертка на немъ была перепачкана, а въ самомъ шелку оказалось много зеренъ гречихи: „знаты, що у гречци хованый бувъ". На допросѣ Федоръ такъ оправдывался:

— Не бувъ я, панове, дома: у воскобойни братерскій дило було, тамъ бавывся. А колы прыйшовъ до господы, заразъ жона моя мени сказала: „Давъ, мовытъ, мени москаль шовку сёго фунтъ, та безмаль (едвали) винъ не краденый; треба бъ ёго до ратуши обвистыты". Я веливъ той шовкъ задержаты, покиль

---

[2]) *Тавань* — прежній турецкій городъ и крѣпость, потомъ русское укрѣпленіе, въ которомъ съ 1697 г. находился постоянный великорусскій и козацкій гарнизонъ. Нынѣ на мѣстѣ бывшей Тавани лежитъ м. Каховка, Днѣпровскаго у. Таврич. губ.

той москаль зъявыться, щобъ ёго разомъ съ тымъ шовкомъ до уряду повесты, и ждавъ чымало, тилько ёго не було. А по недовгимъ часи того москаля, не знаю де взявшы, купци прыпровадылы до двору братерського, до господы моеи, и я, того шовку не таячы, отдавъ слугамъ та и самъ теперъ передъ судомъ станувъ. А Богъ мени свидокъ, що той москаль, злодюга, безъ мене жони моій шовкъ той оддавъ".

Судъ не повѣрилъ этому объясненію и приказалъ Федора „дати до секвестру" (подъ арестъ взять), а отобранный у него шелкъ, „що въ гречци десь въ спряту лежавъ", оставить на урядѣ въ качествѣ „лица".

Тутъ „слуги миськіе" пришли сказать, что видѣли, какъ, послѣ Федороваго ухода, „дивка въ тимъ же двори братерськимъ мчала жмутъ шовку у афедронъ" (отхожее мѣсто). Судъ немедленно отрядилъ изъ своей среды бурмистра вмѣстѣ съ слугами, и послѣдніе точно отыскали пачку шелку, „въ сопль афедроновъ вкыненого", и принесли на урядъ.

На другой день судъ принялся за продолженіе вчерашнихъ розысковъ. Былъ призванъ снова стрѣлецъ Васька и спрошенъ: „Де бильшъ шовку подивавъ?" Васька „прився" (запирался): „Больше, говоритъ, ничего не знаю, потому не я воровалъ, а товарищъ мой Филька". Но когда позвали „мистра" и велѣли „буты ёму готовому" для производства пытки, а пока что Ваську „дано въ допросъ пидъ канчукы", онъ сталъ откровеннѣе:

— Того шелку, признался онъ, продалъ я въ лавкахъ вчерашняго дня одной жонкѣ два фунта, по 19 шаговъ, и другой дѣвчинѣ одинъ фунтъ, и еще кому-то четвертый фунтъ, по той же цѣнѣ. Могу я ихъ всѣхъ познать".

Ваську подъ конвоемъ отвели „до лавокъ", и онъ точно указалъ Матвіиху „крамарьку, якая купыла пидъ ташою своею у ёго два фунты", и другую „дивчыну, Яхнову дочку", а третьяго покупателя Васька не могъ „познать". Обѣихъ „крамарекъ" повели „до уряду", вмѣстѣ съ оказавшимся у нихъ „лицемъ", краденнымъ шелкомъ. Матвѣиха такъ „вымирялась" (оправдывалась):

— Я, панове, ёго пытала: „що то за шовкъ въ тебе, москалю? Чы не краденый? А москаль: „ни, мовытъ, мій есть власный, я ёго въ Тавани набравъ за борошно".

„Ипы такому лыци" (уликѣ) Ваську „знову дано пидъ канчукы и повторе пытано: де бильшъ шовку подивавъ?" Онъ сказалъ:

— Далъ я того шолку жонѣ Федоровой, старостихѣ шпитальной, восемь фунтовъ до спряту. Федоръ самъ былъ въ свѣтлицѣ, а жена его тотъ шелкъ въ сѣняхъ шпитальныхъ съ другими какими-то жонками перебирала. Да еще товарищъ мой сказывалъ мнѣ: „на пустой башнѣ (замковой), въ кулькѣ рогожаномъ, есть что-то шелку".

Ваську перестали бить и въ сопровожденіи бурмистра, слугъ и потерпѣвшаго Лукьянова, отпустили въ замокъ. Онъ пришелъ „до Глухои хвирткы миськоя" и сказалъ: „здѣсь ищите". Стали искать, и точно нашли въ „башти" сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами, который Фока Лукьяновъ призналъ своимъ, но шелку не нашли.

Привели Ваську въ судъ—и въ третій разъ положили „пидъ кіи и не щадячы оного пытано: де шолкъ подивавъ и каптанъ кому отдавъ?" Васька подъ кіями твердилъ:

— Я того шелку не воровалъ; Филька, товарищъ мой, о всемъ знаетъ, на немъ и кафтанъ чужой былъ. А я, какъ сперва говорилъ, кому что далъ и сколько продалъ, то же и теперь говорю. Да и Федоровой женѣ больше одного фунта этого шелку не давалъ; а что послѣ на нее наговаривалъ, того и самъ съ бѣды своей не вспомню ничего".

Услышавъ это, Федоръ староста, „тутъ же стоячы зъ жоною своею", тоже привлеченною къ суду, оживленно заговорилъ:

— Ни, панове, и мало винъ, москаль, а ни мени, а ни тежъ жони моій шовку не дававъ до рукъ, а хочъ и бувъ винъ зъ тымъ шовкомъ у шпытали, лечъ (но) колы сказалы, що дадутъ до ратуша знаты, винъ, москаль (якъ жона моя повидае), покынувшы шовку вязку въ синяхъ передъ жоною моею, втикъ

заразъ зъ синей; а вона, взявшы той шовкъ въ хату, оказала оный передъ людей, яки на той часъ въ домивци моій булы: кыевскій книжныкъ и нижынскій [1]); воны мени, пры одъизди своимъ, и свидителство, пидъ дзвиныцею воскресенскою написавшы, на оказаня моеи невынности далы, которое свидителство и ныни у паніи полковныковои найдуется".

Судьи заинтересовались послѣднимъ указаніемъ и послали къ женѣ полковника просить о сообщеніи этого документа, если онъ точно у нея имѣется. Но когда документъ былъ доставленъ, судьи съ перваго взгляда убѣдились, „що то пысьмо власнои рукы пысання сына Федорого, школяра, а информація самого Федора, оже не рука купцивъ тыхъ". На это Федоръ далъ такое неправдоподобное объясненіе:

— „Зъ купецького свидоцтва росказавъ я сынови своему перепысаты, а купци, що самы пысалы, зъ собою взялы и завезлы".

Но судьи „не допустылы далій ричей неподобныхъ Федорови шырыты" и стали „радытысь" между собою о томъ, какой постановить приговоръ. „Вглянувшы до „Порядку," правъ Майдебурскыхъ", они нашли артыкулъ: „хто бы въ себе краденіи ричи албо лупы (добытое грабежемъ) передержувавъ, а того уряду не оповидавъ, такою жъ смертію маетъ умерты, якою и самый принципалъ". Такъ какъ Федоръ Шкляръ „въ себе ричи краденіи—шовкъ отъ москаля прынятый—безотповидне державъ", то и его слѣдовало бы подвергнуть той же „карности", но „понеже въ первый разъ тое на немъ показалося", то судъ, освобождая его отъ наказанія, постановилъ: Федоръ и Матвіиха, крамарька, обязаны „шкодуючую сторону за дви части шкоды поеднаты", то есть уплатить купцу Лукьянову стоимость двухъ третей похищеннаго и не разысканнаго товара, и „правныи наклады ему нагородыты". „Дивчыну, Яхнову дочку", тоже ку-

---

[1]) Т. е. книгопродавцы изъ Кіева и Нѣжина, пріѣзжавшіе въ Полтаву на ярмарку. Любопытное указаніе на книжную торговлю того времени.

пившую фунтъ краденаго шелку, отъ всякой отвѣтственности освободить въ виду ея юности и „несовершеного еще розуму“. Что же касается „того принципала Васькы“, то хотя право посполитое „велыть его, яко злодія прылычного, скараты на шыбеныци“, но такъ какъ „не подъ нашымъ правомъ сей чоловикъ, а подъ тымъ же, що и акторская сторона“, поэтому судьи предоставили на волю потерпѣвшему: искать ли ему „въ належномъ судѣ“ на томъ Васькѣ „остатку своеи шкоды“, или „на волю ёго пустыты“.

Фока Лукьяновъ заявилъ, что онъ намѣренъ предать своего „шкодцу“ еще суду сѣвскаго воеводы, и по его требованію Васька снова былъ „данъ до вязеня“. Но купцу скоро пришлось раскаяться въ своемъ жестокосердіи: „третего дня (какъ значится въ писарской припискѣ къ протоколу) оный Васька въ томъ вязеню животъ свой скончилъ“,—вѣроятно отъ тѣхъ „кіевъ“ и „канчуковъ“, которыми въ большомъ количествѣ угощали его при допросахъ,—„и отъ тоей же акторской стороны своей зосталъ и погребенъ при церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, у Полтави“.

Почему безвѣстному арестанту выпала такая честь—быть похороненнымъ при соборной церкви—объясняется тѣмъ, что въ то время въ Малороссіи особыхъ кладбищъ вовсе не было и покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей.

---

38. Служанка воровка.

У пана Леонтія Черняка, бывшаго полковника полтавскаго, а теперь „значного товарыша войскового“, въ 1689 г. случилась въ домѣ „шкода“: украдено денегъ болѣе ста золотыхъ, сѣребряныя чарки, перстень „щырозлотный“, „баволныця“ (бумажная матерія) и много другихъ вещей. Долго не могли напасть на слѣдъ вора, наконецъ обратили вниманіе на поведеніе бывшей „служебныци, дивкы“ Каськи (Катерины), которая, оставивъ службу въ домѣ Черняка, поселилась у бѣднаго полтавскаго обывателя Лукьяна и видимо сорила деньгами, по-

купая себѣ разные ненужные предметы. По заявленному Чернякомъ подозрѣнію, въ домѣ Лукьяна сдѣлали обыскъ (его „трусылы“) и нашли чересъ съ серебряными копейками на сумму около ста золотыхъ и разные „рупески“ (мелкія вещи); то и другое оказалось принадлежащимъ Каськѣ. Ее тотчасъ взяли для допроса, но она убѣжала изъ ратуши; ее поймали и немилосердно били кіями, стараясь добиться отъ нея признанія въ кражѣ; но „запамяталая“ Каська стоически переносила истязанія и упорно отрицала взводимое на нее подозрѣніе, не умѣя, однако же, объяснить, откуда взялись у нея такія большія деньги.

Въ такомъ недостаточно выясненномъ предварительнымъ дознаніемъ положеніи дѣло это поступило на рѣшеніе полковаго суда. Въ качествѣ „лица“ судьямъ „презентованы“ были отобранныя у Каськи вещи и чересъ съ деньгами. Панъ Чернякъ въ короткихъ словахъ изложилъ свою жалобу и тѣ основанія, по которымъ онъ подозрѣваетъ въ кражѣ бывшую свою „служебныцю“. Каська попрежнему отрицала свою виновность. Судьи спросили ее:

— Повидай, необачная голово, якымъ бы ты способомъ могла набуты тыхъ копіёкъ срибныхъ?

Каська, попрежнему „плетучы“, отвѣтила:

— Достала я тыхъ грошей въ Дмытрашка грека, якъ ёго рабовано въ Зинькови.

Каська намекала на тотъ общеизвѣстный фактъ, случившійся двумя годами раньше, когда, послѣ низложенія Самойловича, въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ мятежъ и чернь бросилась грабить богатыхъ и значныхъ. Это смутное время долго потомъ слыло въ народной памяти подъ именемъ „рабованя“, или „рабунковъ“.

Но едва Каська произнесла свое объясненіе, какъ „тутъ ій заразъ стритывъ словомъ“ панъ Андрей Яковлевичъ, войтъ, участвовавшій въ составѣ суда:

— Обмыльне то мовышъ, то не есть правда, знаю о тимъ досконале: Дмытрашко грекъ рокомъ выйшовъ изъ Зинькова передъ рабованемъ“.

Каська на минуту смутилась, но затѣмъ, тотчасъ оправившись и „повторне плетучы“, повѣдала:

— Самую вамъ правду повидаю, панове: я тыхъ грошей добула въ Зинькови въ Мартына Нестулія, якъ ёго рабовано, бо я въ ёго тоди служыла, а про шкоды пана Леонтія Черняка не видаю, якъ на мене наволикаютъ крадижъ грошей, чарокъ срибныхъ и иншыхъ ричей. А копійкы тыи срибныи—то власне Мартыновы Нестуліевы, що я въ ёго пры рабованю добула. О которыхъ копійкахъ казала я и Лукъяныси, що ихъ добула въ Нестулія, пана мого, и Москалеви Андріяшеви поминяла ихъ на чехы, и давъ мени Москаль наддачи золотыхъ пять, а на прозьбы мои личывъ тіи гроши Максымъ Лукъяненко. И дала я ти чехы сто золотыхъ до схованя самій Лукъяныси зъ мишечкомъ, чы то пакъ зъ чересомъ, который тутъ презентовано. Якъ мене бачыте, панове, дуже збытую, бильше вамъ ничого не скажу: тіи гроши копійкы я въ Нестулія достала“.

Судъ рѣшилъ провѣрить это показаніе „запамяталои“ Каськи, не откроется ли новое за нею преступленіе, и приказалъ послать „до старшины Зѣньковской, абы Мартыновы Нестуліеви звистылы въ той ему шкодѣ“ и о томъ, что откроется, прислали въ судъ „атестацію“. Черезъ три дня такая атестація была прислана на имя полковаго судьи Петра Буцкаго и гласила такъ:

„Мосци пане судя полку Полтавского, зычлывій нашъ прыятелю! За донесеня видомосты ведлугъ (касательно) тыхъ грошей, которыи найдены въ тои дивкы Каськы, бувшои служебныци Мартыновои Нестуліевои, вашмосци пану покорне дякуемо и въ далшій часъ такымъ же способомъ отслуговаты субмитуемся. Дивка тая Каська, бувшы въ Мартына Нестулія пидъ часъ рабункивъ, вкрала полотна тонкого сувій билше, мовытъ, пятыдесятъ локотъ. А о гроши пытальсьмо Мартына Нестулія, чы булы пидъ той часъ въ ёго гроши копійкы, тодиж винъ мовытъ: „въ той часъ побрано въ мене гроши таляры бытыи та чехы, а иншыхъ грошей, мовытъ, не було“. О тимъ вашмосци пану покорне предложывшы и доброго одъ Господа

Бога зычачы здоровя, зостаемъ вашмосци пану во всемъ зычливыи: Ѳома Грыгориевичъ и Иляшъ Павловычъ, сотныкы Зинькивскіи, Павелъ Ващенко, атаманъ городовый, Сахно Перепаденко, войтъ зъ бурмистрамы. Зъ Зинькова, іюля 6, року 1689".

Слѣдовало бы уличить и снова допросить запамяталую Каську, но она была такъ слаба послѣ „кіевого караня", что судьи рѣшили оставить ее въ покоѣ, пока она хоть немного „одужаетъ", а отобранныя у нея деньги признали похищенными у истца и возвратили ему „до рукъ, якъ его власныи". Панъ Леонтій Чернякъ поблагодарилъ судъ и при этомъ „вырекъ":

— Уже то, панове, на Бога спустывшы, естемъ контентый тымъ правомъ и тіи сто золотыхъ даю церкви божественній Спасскій полтавскій на роботу сницарскую (рѣзную). Але еще мени барзо жалосно на домъ Лукъянивъ и на жону ёго, що воны, видаючы про ти гроши, никому не оповищалы, такъ врядови и никому иншому. А въ мене шкоды много въ кимнати подіялося черезъ властную запамяталую бувшую служебныцю Каську, о чимъ могла бъ видаты и жона Лукъянова и домыслытыся, що стилько грошей Касци не можно бъ миты и ризно шафоваты, ризныи рупескы соби купуючы, и допускаты жыты ій въ своимъ дому. Прошу и въ тимъ скутечнои справедливосты".

Судъ призналъ основательной претензію пана Черняка и „выдячы его утрату и неопатрность (неосмотрительность) жоны Лукъяновои, якая допустыла тій зрайци въ дому своимъ жыты и гроши, тіи копійкы, въ себе держаты, а никымъ не оповистыла", примѣнилъ къ данному случаю 13 артыкулъ 14 разд. Статута и присудилъ, чтобы Лукьянъ съ женою удовлетворилъ пана Леонтія за понесенные имъ убытки: „на чимъ ёго упросятъ, на тимъ и станетъ". Сверхъ того, Лукьянъ долженъ былъ возвратить истцу стоимость представленныхъ въ судъ въ качествѣ „лица" „рупесковъ", такъ какъ предполагалось, что они пріобрѣтены Каськой за деньги, похищенныя у Черняка. Наконецъ, Лукьянъ же былъ обязанъ заплатить и „вину панскую", т. е. денежный штрафъ въ пользу полковника.

Между тѣмъ Каськѣ становилось все хуже. Вотъ уже она потребовала духовника и приняла предсмертное напутствіе. Видя, что относительно ея не придется уже постановлять декрета, судьи сдѣлали попытку, нельзя ли добиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, какого-либо признанія, и послали „до тоеи зрайци“ своего сочлена, бурмистра Петра Юревича, „пытаючы, що бъ мила еще знаты“. Каська оказалась почти при смерти и была въ силахъ лишь прошептать: „Якъ утикала я зъ ратуша, тоди мымо бигучы, дала Степаныси Шапочныси намысто кораліовое доброе, а на сповиди велила тое намысто взяты отцу протопопи, та и не знаю, чы взявъ ёго отець протопопа, чы не взявъ“.

Судъ велѣлъ записать это признаніе, какъ улику противъ Степаныхи.

Къ ночи бѣдной Каськи не стало.

---

39. Неблагодарная „сусида“.

Лѣтомъ 1691 года пришелъ въ полковый судъ „панъ“ Стефанъ Козельскій, „купець и мищанынъ“ полтавскій, и такъ жаловался на Мотрю Шкурнычку, „въ дому єго у сусидехъ мешкаючую“:

— Панове! Тая запамяталая Мотря, сусидою въ моимъ дому будучы, вкрала зъ скрыни шисть штукъ полотна быцького [1]) и полумысокъ, а и передъ-часы (раньше) худобу мою ліотровала, розносячы розно тютюнъ, рыбу вялую и грыбы, для прызыску (прибыли) моего купецкого поскупованыи, а невидомо, где тое все, покравшы, подивала. Прошу мылостей вашыхъ, роскажитъ (прикажите) тую Шкурнычку передъ себе зыйскаты, нехай передъ мылостямы вашымы росповисть, чы видаютъ обое зъ мужемъ своимъ Логвыномъ Шкурнымъ о тій крадежи, чы нитъ.

---

[1]) Особый сортъ полотна, можетъ быть, фабриковавшагося въ г. Бѣчѣ или Бичѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ.

Привели Мотрю, и она тотчасъ повинилась:

— Воля есть ваша, панове, проступила-мъ пану Козельскому, украла не шисть шкукъ полотна быцького, але тилко дви и полумысокъ, и первей одну штуку зъ пулмыскомъ прынесла въ домъ Вуцькы Крысьчыхы и самій же Крысьчыси до рукъ оддала, которую вона взявшы, въ кимнату понесла, а выйшовшы зъ кимнаты, всыпала дви кварты горилкы на стилъ, и пылы-сьмо вси тры насъ тую горилку: Вуцька Крысьчыха, Настя попадя и я. Шидпывшы зась тои горилкы, Настя попадя стала мени мовыты: „пійды, Шкурнычко, и ще мени другую такую штуку полотна прынесы видтиль, где есы сее взяла". Я, заразъ пійшовшы, зъ тои жъ скрыни пана Стефановои другую штуку полотна быцького вкрала и прынесла и отдала Васылыси баби, которій попадя велила оное до рукъ взяты.

Позвали Вуцьку Крысьчыху и спросили: правда ли, что Мотря приносила къ ней въ домъ краденое полотно и отдала ей одну штуку и полумисокъ, а другую сестрѣ ея, Настѣ попадьѣ?

Вуцька энергично это отрицала:

— Неправда есть то, жадныхъ я полотенъ въ дому моимъ не бачыла.

Но Мотря „злодійка у очи ей мовыла":

— Чого ся, Крысьчыхо, таишъ? Въ тебе штука полотна и полмысокъ, а другая въ подилъ сестри твоій досталася. Я, покравшы зъ скрыни пана Козельского, подавала вамъ, за которое все полотно тилко прыходячы тыждень пыла у тебе, и далы-сте мени грошей симнадцять шагивъ. Не тайся, Крысьчыхо, взялы-сьте зъ своею сестрою у мене тое полотно и полумысокъ.

Крысьчыха упорно стояла на своемъ.

Тогда судьи велѣли Мотрю Шкурнычку „на мисти (на рынкѣ) передъ ратушомъ канчукамы добре пробыты, роспытуючысь того, чы не зъ злосты якои оную Крысьчыху взятьемъ того полотна и полумыска вона потворяетъ" (клевещетъ). Но Мотря и подъ канчуками одно твердила:

— Хочъ мя до смерты роскажитъ караты, а я одно повидаю, що полотно и полумысокъ въ Крысьчыхы.

Тутъ Вувдя (Вуцька тожъ) Крысьчыха, видя, „що вже проступку свого втаитысь трудно“, повинилась:

— Що жъ, панове, такъ ся тое стало, поступыла-мъ значне, взяла краденое тое полотно и полмысокъ у Шкурныч-кы. Пійду до дому и заразъ усе вамъ попрыношу.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ полотномъ и полумискомъ. Полотно было „пожатое (измятое), плямы рудыи на немъ мокрыи, подобно въ гноп було“.

Судьи спросили Мотрю Шкурнычку: куда она дѣвала остальное полотно, укравши его не двѣ, а четыре штуки, и кому „тютюнъ, рыбу вялую и грибы, тако жъ крадучы, ношувала“? Но Мотря отвѣтила:

— Воля вамъ, панове, що хотиты надо мною чыныты, тилко, кроме тыхъ двохъ штукъ полотна быцького и полумыска, билше ничого не крала-мъ, по самій правди вамъ повидаю.

Судъ постановилъ декретъ: хотя Вуцька Крысьчыха „за свое проступство годна бъ була до значного вязеня отдана буты, однакъ мы, на вдовство еи респектуючы по части (отчасти), приказалысьмо декретомъ нашымъ“, чтобы она, согласно Статуту (розд. 14, арт. 23), пану Козельскому „покраденое полотно нагородыла и во всемъ перепросыла за свою нестатечность, зъ нагороженямъ вины панскои и нашои врядовои“.

Мотря „злодійка“ оставлена безъ всякой кары; ей, очевидно, вмѣнили въ наказаніе битье на площади, какое она претерпѣла при допросѣ. Настю попадью почему-то вовсе не привлекли къ отвѣту.

---

40. Переволочанскій „крамарь.“

Въ сотенномъ городкѣ Переволочнѣ проживалъ „крамарь“ Янъ Грекъ. Людей греческой націи было немало въ тогдашней Малороссіи, и въ Нѣжинѣ, какъ извѣстно, существовала много-

численная греческая колонія. Потомки Перикла и Эпаминонда занимались у насъ преимущественно торговлей, а иные, роднясь со старшиной, сами проскакивали въ значное козачество и становились родоначальниками извѣстныхъ впослѣдствіи дворянскихъ малороссійскихъ фамилій. Переволочанскій Янъ Грекъ имѣлъ на рынкѣ „крамную комору“ и торговалъ полотномъ. Случилось, что лѣтомъ въ 1691 году какіе-то „запамяталыи и Бога не боячіися“ люди отбили ночью комору и выкрали много полотенъ и другихъ «крамныхъ ричей». Виновныхъ не нашли; было лишь подозрѣніе, что это дѣло рукъ какихъ-то „компанійцевъ“, то есть ковалковъ охотницкаго полка, которые ушли затѣмъ въ Полтаву. Отправился туда и Янъ Грекъ и сталъ „чыныты опытъ (розыскъ) зъ стороны о своихъ шкодахъ“. Одинъ полтавскій житель Максимъ Костенко какъ-то и говоритъ ему:

— Есть въ городи нашому шинкарькы, въ якыхъ щось за полотно крамное бачывъ я очыма своима.

Грекъ передалъ эти слова уряду. Урядъ допросилъ Максима и, по его указанію, послалъ «осавульцивъ миськыхъ» произвести обыскъ у Вуцьки шинкарки. У нея нашли „крамное полотно, покраяное на кошули“. Вуцьку съ этимъ полотномъ, какъ „злодійскимъ лицемъ“, арестовали. Она оправдывалась, что получила его отъ Насти шинкарки. Арестовали и Настю и допросили, откуда взялось у нея это полотно. Настя „вчинила такую отповидь“:

— «Маю отъ Грыцька Кухара килька штукъ крамного полотна въ себе, якее полотно будто винъ купывъ на свою потребу».

Стали разыскивать Грыцька Кухара, но долго его не находили. Тѣмъ временемъ Вуцьку и Настю держали „у вязеню“, а потерпѣвшій Янъ Грекъ не захотѣлъ ожидать конца своей „справы“ и уѣхалъ домой.

Наконецъ „зискалы“ какъ-то и Грыцька. Онъ точно оказался „компанѣйцемъ“ охотнаго пѣхотнаго полка пана Петра Кожуховскаго, поэтому при разборѣ его дѣла въ составъ суда былъ приглашенъ находившійся въ Полтавѣ писарь того же

полка Григорій Стефановичъ. На предварительномъ слѣдствіи, какъ впослѣдствіи и на судѣ, Грыцько такъ винился въ своемъ „проступствѣ“:

— Якъ бувъ я у Переволочній, то едного разу, пидпывши въ корчми зъ товарышемъ моимъ Павломъ, ночнои поры пишлысьмо на рынокъ и комору Янову Грекову одбылы. Въ тую комору влизшы, Павло, товарышъ мій, выдававъ мени полотна и иншіи ричи крамныи, и готовыхъ грошей осьмаковъ чтыри таляры побралысьмо.

Другого „компанійца“ Павла не удалось допросить, такъ какъ онъ, заслышавъ объ арестѣ товарища, „утикъ“ и не былъ разысканъ.

Дѣло пришлось отложить до вызова потерпѣвшаго, а тѣмъ временемъ дано было знать Переволочанскому сотнику, „абы той Янъ Грекъ, яко власный всеи справы инстигаторъ, до суду въ Полтаву становывся“. Но отъ сотника получено было увѣдомленіе, что „оный Янъ не хочетъ на справу йихаты въ Полтаву, шкоду свою полецивши въ забвеніе, хочъ то немалая есть его шкода“. Это извѣстіе поставило судъ въ немалое затрудненіе. Какъ же быть теперь? Трое подсудимыхъ томится въ тюрьмѣ, а „акторская сторона“ не хочетъ „справы своеи попыраты и шкодъ своихъ доходыты!“ И хоть бы дѣло было пустое, а то серьезная „горловая справа“, легко могущая окончиться смертнымъ декретомъ. Полагая, что Янъ Грекъ намѣренъ искать суда на своего „злочинцу“ Грыцька Кухара у его непосредственнаго начальника по „компанѣйской“ службѣ, снеслись съ полковникомъ Кожуховскимъ; но отъ него былъ полученъ отвѣтъ, что настоящее дѣло онъ признаетъ подсуднымъ полковому полтавскому суду и что онъ съ своей стороны послалъ Греку объ этомъ увѣдомленіе. Но упрямый Грекъ и послѣ того продолжалъ отказываться. Вотъ что писали Кожуховскому по этому поводу сотникъ и атаманъ переволочанскіе:

„Мосци пане полковныку охотный, намъ велце найласкавшій добродію! Уже повторне прызывалы-сьмо передъ себе Яна Грека, которому въ покраденю ричей крамныхъ одъ товарыства полку

вашмосци вчынылася шкода, показовалы-сьмо поважное пысьмо, прысланое одъ вашмосци, абы въ Полтаву на конечную справу, для позысканя права на злочынцивъ, прыслухатысь йихавъ; лечъ (но) Янъ Грекъ якъ въ первомъ лысту отвитъ до маестрату полтавского вчынывъ, такъ въ едно слово и теперъ повторне мовыть: „уже худоба моя потратылася, якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыскаты, то и пры докончэню ихъ заслугы не хочу зоставаты",—и на волю вашмосци даетъ, якъ хотя зъ нымы поступыты: уважайте любъ (либо) караты по розуму и респекту вашому, любъ и безъ карности пустыты, „а я, мовыть, тои втраченои худобы ни по кому не буду доходыты". О такій его помови, роспытавшы, выписуемо въ лысту нашому, даючы себе на завжды въ поволныи услугы. Зъ Переволочнои, іюля 28, 1691 року. Вашмосци нашому мылостывому пану, найласкавшому добродіеви, найподлійши слугы: Семенъ Безкровный, наказный сотныкъ переволочанскій; Васыль Селегедъ, атаманъ городовый".

Панъ Кожуховскій передалъ это письмо въ полковой судъ, и тотъ на другой же день приступилъ къ „докончэню справы."

При разборѣ дѣла подсудимые ничего новаго не прибавили къ тому, что было извѣстно уже на предварительномъ слѣдствіи, и судъ приступилъ къ составленію декрета. Весьма любопытно, что уклоненіе потерпѣвшей стороны отъ судебнаго преслѣдованія своего обидчика существеннымъ образомъ измѣняло степень уголовной отвѣтственности подсудимаго, хотя бы виновность его была внѣ сомнѣнія. По Статуту, истецъ въ такихъ случаяхъ терялъ свое исковое право и отвѣтчикъ освобождался отъ суда и наказанія. Малороссійскіе суды, въ общемъ раздѣлявшіе эту частно-уголовную точку зрѣнія на многія изъ преступленій, не признавали однако возможнымъ оставлять явныхъ воровъ безъ наказанія; они лишь не примѣняли къ нимъ тѣхъ суровыхъ каръ, какія предписывались закономъ, не присуждали въ возмѣщенію убытковъ потерпѣвшей сторонѣ, а наказывали ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ судьи постановили приговоръ: „Поневажъ взглядомъ (относительно) тои шкоды инстигатора немае, щобъ того Грыцька Кухара наветъ (даже)

назначенемъ членка было карано, однакъ велилы-сьмо его публице посередъ рынку добре кіямы быты; тако жъ Вуцьку и Настю шынкарокъ, прытомныхъ (прикосновенныхъ) до проступства, канчукамы казалысьмо скараты".

Въ заключеніе судъ возстановилъ опороченную честь случайно замѣшаннаго въ дѣло бывшаго полтавскаго подасаула Леська, котораго Грыцько Кухаръ оговорилъ на слѣдствіи, что далъ ему „баволыцю" (бумажную ткань, простыню) изъ числа вещей, похищенныхъ у Яна Грека. Леська тотчасъ взяли къ допросу, отобравъ у него „баволыцю" какъ «лыце злодійское». Но Лесько объяснилъ, что онъ, по просьбѣ Грыцька, взялся учить его ружейной стрѣльбѣ, и въ вознагражденіе за эту науку Грицько обѣщалъ уплатить ему полталяра и сверхъ того подарилъ „баволыцю", но вовсе не новую, а даже изорванную, такъ что не было и повода заподозрить, что она краденая. Судьи признали Леська ни въ чемъ невиновнымъ, „понеже винъ тую баволыцю не такъ, якъ зъ краму выходыть, прынявъ до своихъ рукъ, але хожалую (бывшую въ употребленіи) и вже вдовжъ була передраная", а потому „и за лыце злодійское не належытъ еи повернуты".

---

41. Народный судъ надъ ворами въ бориспольской ратушѣ.

Переволочанскій „крамарь" Янъ Грекъ, какъ мы видѣли, преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ своихъ „шкодцевъ" только до тѣхъ поръ, пока у него оставалась надежда возвратить похищенное или взыскать съ виновныхъ понесенные убытки; но какъ только эта надежда была потеряна, онъ рѣшительно отказался участвовать далѣе въ судебномъ процессѣ и откровенно высказалъ суду мотивъ своего отказа: „Уже худоба моя потратылася (т. е. погибла невозвратно), якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыскаты, то и при доконченю ихъ заслугы не хочу зоставаты". Таково было въ огромномъ большинствѣ случаевъ отношеніе потерпѣвшихъ къ похитителямъ

ихъ собственности. Когда оказывалось, что воръ успѣлъ безслѣдно сбыть краденое, а съ него самого взыскать было нечего, потерпѣвшему оставалось лишь домогаться нравственнаго удовлетворенія, настаивая, чтобы виновный понесъ положенную въ законѣ кару, то есть подвергся повѣшенію, или отсѣченію уха, руки или ноги, а въ самомъ благопріятномъ случаѣ—сѣченію на площади у позорнаго столба и изгнанію изъ города. Чрезмѣрная ли суровость этихъ наказаній сдерживала естественный порывъ мстительности, или же здѣсь проявлялось природное добродушіе людей того времени, но только въ тогдашнихъ судебныхъ актахъ мы не нашли ни одного случая, когда бы потерпѣвшая сторона домогалась на судѣ, чтобы воръ понесъ заслуженное наказаніе. Лит. Статутъ разрѣшалъ выдавать вора, не имѣвшаго чѣмъ вознаградить потерпѣвшаго, „на выробъ“ послѣднему, оцѣнивая годовой отработокъ мужчины въ копу грошей, а женщины въ 50 грошей; но мы не можемъ указать ни одного случая, когда бы потерпѣвшіе домогались на судѣ примѣненія и этого закона. Обыкновенно они упорно уклонялись отъ предоставленной имъ закономъ обвинительной роли въ судебномъ процессѣ, если только убѣждались, что съ вора взятки гладки, и такое уклоненіе нерѣдко ставило судъ въ весьма затруднительное положеніе.

Характерный случай въ этомъ родѣ, между прочимъ, произошелъ въ Борисполѣ въ 1686 году.

Поймали на кражѣ трехъ мѣстныхъ „молодыковъ“: Оныська Голинку, Михайла Збиглаго и Ивана Коротенка и посадили подъ стражу при ратушѣ. Это была бездомная голь, корчемные завсегдатаи, отъ бездѣлья и пьянства занимавшіеся мелкими кражами. Они не таились въ своей винѣ и откровенно разсказывали, у кого изъ мѣстныхъ обывателей что украли и на какихъ базарахъ и ярмаркахъ сбывали краденое; а между тѣмъ никто изъ потерпѣвшихъ не являлся требовать на нихъ суда и расправы. Это обстоятельство стало наконецъ серьезно озабочивать „мѣйскій“ урядъ. Настоящихъ тюремъ въ то время не было, а имѣлись при ратушахъ небольшія арест-

ныя помѣщенія, разсчитанныя на кратковременное заключеніе подсудимыхъ, при чемъ отопленіе и освѣщеніе этихъ „вязниць“ лежали на обязанности мѣщанъ; они же должны были, по наряду, и стеречь арестантовъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ бориспольскіе мѣщане были крайне недовольны продолжительнымъ заключеніемъ названныхъ „злодіивъ“, тѣмъ болѣе, что ему не предвидѣлось конца. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій мѣстнаго уряда, которое правильнѣе было бы назвать вѣчевою сходкою, потому что здѣсь присутствовала не только вся сотенная старшина, съ войтомъ, бурмистрами и лавниками, но и всѣ почти „зацныи и славетныи персоны“ изъ мѣстныхъ горожанъ, мѣщанъ и козаковъ,—зашла рѣчь о томъ, „яковымъ кшталтомъ (способомъ) тымъ проступнымъ а явнымъ злочынцямъ вчыныты кару“. Тутъ „вси едынокупно, такъ товарыство (козаки), якъ и мищане изговорылы, мовячы до вряду“:

— Ио́кы тыхъ злочынцивъ держаты сыдячымы, бавыты мищанъ ихъ сторожею и прыклады свичкамы, на кождую ничъ свитячы, тратыты миськи грощи, на которыхъ вже коштовало золотыхъ билшъ десятка?

Урядъ объяснилъ собранію, что медленность въ рѣшеніи участи арестантовъ происходитъ единственно оттого, что никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ выступить ихъ обвинителемъ, и что урядъ не разъ уже вызывалъ, „абы одозвалысь тіи, въ которыхъ шкоду и крадецство почынылы оныи злочынци“, однако „а ни единъ зъ ныхъ на судъ скаргы не уносылы“.

Собраніе долго „радылось еднокупно“, какъ выйти изъ этого затрудненія, и дало такую „пораду еднополную“, чтобы въ ближайшій пятничный „торгъ“ (базаръ), когда въ Борисполь съѣдутся люди со всего „въизду нашого“, вывести „злочинцевъ“ на площадь, выставить у позорнаго столба и велѣть имъ публично виниться въ своихъ преступленіяхъ, авось кто-либо, услышавъ о своей пропажѣ, станетъ просить на виновныхъ суда и наказанія.

Такъ и было сдѣлано. Въ назначенный день „миськи слугы“ привязали подсудимыхъ къ „пренгелю“ и, въ виду сбѣ-

жавшейся на зрѣлище толпы, подвергли допросу: „въ кого зломысленымъ злодійскымъ способомъ що покралы и кому якіи шкоды почынылы“? Арестанты откровенно винились:

— Вкралы мы у Яцуты кобылу и продалы въ Фастови за висимъ золотыхъ; и знову въ Ковбасенка вкралы кожухивъ два и ярмулокъ (шапку), въ викно вытягшы, и продалы барзо за малыи гроши на прыстани Кыивскій. Воливъ тры вкралы, Явтуховыхъ два и Пятакового одного,—въ Кыиви продалы. Въ Гордія свыту вкралы и пырогы исъ погреба“...

И долго еще перечисляли они разныя „пакости“, какія чинили людямъ. А толпа слушала ихъ признанія, выражала негодованіе, осыпала ихъ бранью, а все-таки никто изъ потерпѣвшихъ не вызывался выступить противъ нихъ съ формальнымъ обвиненіемъ. Тогда судьи велѣли „миському слузи волаты по мисту (глашать по городу), абы кождый, кому крывда сталась, впомыналысь (заявляли свои претензіи) и инстыкговалы на тыхъ злочынцивъ“, но и эта крайняя мѣра не имѣла успѣха: „а ни едынъ на тыхъ не инстикговалъ и на смерть ихъ и на душу не вотовалы“, только раздавались изъ толпы голоса, что слѣдовало бы ихъ „впродъ добре выбыты и одъ чести людскои отлучыты“.

Когда преступниковъ снова привели въ ратушу, гдѣ происходило судебное засѣданіе, сюда съ базара и со всего города подошла многочисленная толпа, заинтересованная рѣшеніемъ ихъ участи. Урядъ снова обратился ко всему собранію съ вопросомъ: какъ же поступить съ этими явными „злодіями“, на которыхъ однако никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ „инстигувать“? „Тутъ увесь народъ, такъ станы старыи и середніи, яко жъ и меншіи, на оныхъ молодыхъ злочынцивъ сталы говорыты, абы булы пущени на покаяніе, мовячы: „колы и посли сёго не покаются, на своихъ головахъ однесутъ изгыбель“; однако всѣ были того мнѣнія, что отпустить ихъ безъ всякой кары все-таки не приходится.

Согласно этому народному приговору, судъ постановилъ: подвергнуть виновныхъ публичному сѣченію и затѣмъ изгнать

ихъ съ позоромъ изъ города, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ было объявлено, „абы и еденъ не тилко изъ прыятеливъ и кревныхъ ихъ не держалы и не прыймовалы въ домы, але и кождому прыказалы, абы сусидъ сусида перестерегавъ такыхъ зломыслныхъ надъ-звычай преступцивъ и злодіивъ не держаты, але циле (совсѣмъ) и въ уѣзду нашимъ и по селахъ не миты и не прыймозаты". А для памяти на будущее время судъ велѣлъ „тое ихъ злодіяніе до книгъ миськыхъ чорныхъ вписаты" [1]).

---

42. Пойманный пчелокрадъ.

Съ незапамятныхъ временъ пчеловодство было любимымъ промысломъ въ Малороссіи. Еще въ половинѣ XVI ст., когда вся нынѣшняя полтавская губернія была незаселенной пустыней, сюда ежегодно, съ наступленіемъ весны, изъ разныхъ мѣстъ стекались тысячи народа главнымъ образомъ ради пчелинаго и охотничьяго промысловъ и оставались здѣсь до глубокой осени. Каневскіе и черкасскіе мѣщане, считавшіе эти пустыни своими извѣчными „уходами" и имѣвшіе здѣсь многочисленныя пасѣки, жаловались въ 1552 году, что большая „перека́за" чинится имъ въ тѣхъ „уходахъ" не столько отъ татаръ, „але больш отъ своихъ козаковъ, которыи уставичне тамъ живутъ на мяси, на рыби, на меду, зъ пасикъ, зъ свепетовъ (бортей), и сытятъ тамъ соби медъ якъ дома" [2]). Въ концѣ XVII ст., когда край уже былъ довольно густо заселенъ, бортное пчеловодство должно было отойти въ область преданія, но лѣсовъ, луговъ, степныхъ

---

[1]) По Лит. Статуту (разд. XIV, арт. 12), каждый урядъ долженъ былъ вести особыя «чорныя» книги, куда исключительно вписывались жалобы и суд. рѣшенія по дѣламъ о воровствѣ. Въ малор. судахъ «чорными книгами» именовались вообще книги уголовныхъ дѣлъ, которыя велись отдѣльно для дѣлъ гражданскихъ.

[2]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, 103.

пространствъ все еще оставалось много, цѣнность продуктовъ пчеловодства по прежнему, какъ и въ былые вѣка, превосходила цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, поэтому въ рѣдкомъ хозяйствѣ не было своей пасѣки. Въ мѣстахъ особенно пригодныхъ для пчеловодства находились пасѣки „съ гетманскою пчелою“; ихъ было немало, въ разныхъ полкахъ, и онѣ, кромѣ естественнаго прироста, пополнялись еще тѣми пчелами, какія нерѣдко въ качествѣ судебной „вины“ взыскивались съ провинившихся въ разныхъ уголовныхъ проступкахъ и, за удовлетвореніемъ мѣстной старшины, поступали также и въ пользу гетмана. Тѣмъ же способомъ увеличивали свои пасѣки до весьма значительныхъ размѣровъ полковники и другія старшины. Но самыя многочисленныя пасѣки принадлежали монастырямъ. Помимо того, что монастыри владѣли найболѣе крупною земельною собственностью, они то и дѣло получали въ даръ отъ разныхъ лицъ именно пасѣки; такъ, напримѣръ, въ 1682 году бывшій полтавскій полковникъ Прокопъ Левенецъ „съ побожности своей“ записалъ въ даръ Скельскому монастырю свою пасѣку на рч. Орчику. Это было продолженіемъ обычая благочестивыхъ людей XV—XVI вв. жертвовать въ пользу монастырей „медовую дань“ изъ своихъ имѣній.

При такомъ широкомъ распространеніи пасѣчнаго промысла въ краѣ, пчелокрадство являлось однимъ изъ найболѣе обычныхъ преступленій. Въ рѣдкихъ случаяхъ крали медъ или воскъ, а чаще всего сами же пасѣчники воровали одинъ у другого пчелы съ ульями и переносили въ свои пасѣки, а чтобы скрыть слѣды преступленія, перегоняли пчелъ въ свои ульи, а краденые ульи сожигали или же уничтожали на нихъ чужія клейма и вырѣзывали свое. Трудно было хозяевамъ уберечься отъ этого воровства, потому что пасѣки въ то время содержались не при усадьбахъ, какъ теперь, а вдали отъ селеній, въ дикихъ лѣсныхъ мѣстахъ, преимущественно вблизи рѣчекъ. Тамъ, подъ защитою земляныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ подобіе маленькихъ крѣпостей, пасѣчники безвыходно проводили весну, лѣто и часть осени; тамъ же имѣлись спеціальные погреба,

куда прятали пчелъ на зиму,—и въ это время, когда пасѣки оставались безъ должной охраны, онѣ всего чаще и подвергались обкрадыванію.

Такую пасѣку имѣла на р. Голтвѣ козачка-вдова Игнатыха Емчиха, изъ Диканьки, и въ декабрѣ 1690 г. послала сына Олексу навѣдаться, все-ли тамъ благополучно. Пріѣзжаетъ Олекса въ свою пасѣку и видитъ: дверь въ пчелиный погребъ открыта, и тамъ кто то хозяйничаетъ. Вмѣсто того, чтобы запереть вора въ погребѣ, растерявшійся Олекса сталъ кричать, хотя и зналъ, что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ крикъ его не привлечетъ ничьего вниманія. Тогда изъ погреба вылѣзъ воръ, оказавшійся диканскимъ же козакомъ Ѳедоромъ Гриненкомъ, имѣвшимъ по сосѣдству собственную пасѣку. Онъ схватилъ Олексу за горло, повалилъ на землю, вынулъ ножъ изъ ноженъ и, угрожая его заколоть, грозно потребовалъ:

— Прысягайся, вражій сыну, чы не будешъ сёго никому повидаты?

Олекса, конечно, далъ требуемую присягу, но возвратившись домой, разсказалъ обо всемъ матери, а та сейчасъ же побѣжала къ атаману и сотнику и съ плачемъ пожаловалась, что Гриненко кралъ ея пчелы и хотѣлъ зарѣзать ея сына.

Въ тотъ же день Гриненко былъ схваченъ и представленъ въ сотенный урядъ, гдѣ уже собралось немало „товарыства“. Его подвергли допросу, и онъ „доброволне прызнався, повидаючи“:

— А що жъ, панове, правда то: такъ було, якъ Олекса говоритъ, и ще-сьмо мовывъ Олекси: „колы, Олексо, могъ бы есы сказаты, що заставъ мене въ погреби надъ пчолою, то я не теперъ—иншого часу зглажу за тое тебе зъ свита“.

Несмотря на это признаніе, урядъ, „не доймуючи Олекси виры“, послалъ трехъ значныхъ козаковъ на Голтву „тыхъ мистъ глядиты“, гдѣ совершилось преступленіе. Тѣ, возвратившись, донесли, что точно на снѣгу „свижая патолочъ есть, де Федоръ Олексу мордовавъ“.

Судъ сотенный протоколировалъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла и вмѣстѣ съ копіей этого протокола отправилъ под-

судимаго въ Полтаву; туда же поѣхала и Емчиха съ сыномъ. Допрошенный полковымъ судомъ, Гриненко повторилъ прежнее сознаніе:

— Воля есть ваша, панове, зо мною що хотиты чыныты. Правда то: заставъ мене Олекса въ погреби пщолянимъ на злодійскимъ дили, где милемъ тіи пщолы выкравшы, на свою корысть обернуты. А якъ я зъ нымъ тамъ нестатечне поступовалемъ, хвалячыся ёго сколоты, зъ того жъ пысьма дыканьского есть мылостямъ вашымъ видомо. Тилко прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя: горломъ мя даруйте, покаюся впередъ такыхъ своихъ злыхъ поступкивъ.

Справившись съ Лит. Статутомъ (разд. XIV, арт. 16), судъ призналъ, что Федоръ Гриненко за свое „злодійство“ долженъ подлежать смертной казни. „Мы, однакъ (продолжаетъ декретъ), того проступцу не тилко горломъ, але и назначенямъ члонка даровалы-сьмо, тилко за проступство ёго значное злодійское вына панская маетъ быти плачена имъ конечне“.

Интересно, что въ этомъ приговорѣ рѣчь идетъ только о покушеніи Гриненка на кражу пчелъ, а объ угрозѣ его лишить Олексу жизни нѣтъ и помину.

---

43. Воровство, приведшее къ убійству.

Пчелокрадъ Гриненко, какъ мы видѣли, грозилъ лишь заколоть Олексу, застигшаго его на кражѣ; но вотъ предъ нами случай, когда пойманные въ лѣсу дровокрады, желая избѣгнуть отвѣтственности за воровство, убили хозяина.

Жила въ Полтавѣ вдова козачка Настя Лесиха Чамариха, имѣвшая молодого сына Степана. Въ февралѣ 1700 года этотъ Степанъ Лесенко вздумалъ навѣдаться въ отцовскій хуторъ, находившійся на рч. Ольшаной, близъ Супруновки. Ждали его къ вечеру домой, а онъ и на другой и на третій день не возвратился. Встревоженная мать послала справиться о немъ въ хуторѣ, но его тамъ не оказалось. Стали искать повсюду, и на-

шли въ лѣсу присыпанный снѣгомъ его трупъ съ разрубленной головой. Предстояла трудная задача разыскать убійцъ. За это дѣло взялся житель с. Супруновки, значный козакъ Романъ Гояринъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ супруновскихъ жителей, не владѣвшихъ лѣсными участками, имѣются однако во дворахъ рубленыя дрова. Взявъ съ собою сельскаго атамана, онъ прежде всего отправился къ двумъ обывателямъ, пользовавшимся въ селѣ дурною репутаціею и еще недавно предъ тѣмъ судившимся за кражу вола, Герасиму Цюцюперденку и Олексѣ Твердохлибенку. Пришли на дворъ къ Герасиму и стали его спрашивать: гдѣ онъ дрова рубилъ?

— Рубавъ, де трапытся,—уклончиво отвѣчалъ тотъ.

— А чи бувъ съ тобою при томъ рубаню и товарышъ твій Олекса?

— Бувъ и Олекса,—признался Герасимъ.

Пришли на дворъ къ Олексѣ и предложили ему вопросъ: въ чьемъ лѣсу рубилъ онъ дрова вмѣстѣ съ Герасимомъ? Но Олекса угрюмо отвѣтилъ:

— Я не знаю и не бувъ зъ нымъ.

Тогда потребовалъ панъ Гояринъ, чтобы Олекса шелъ съ нимъ для очной ставки съ Герасимомъ. Олекса сказалъ, что ему нужно зайти въ хату одѣть хожухъ, но пока его ожидали на дворѣ, онъ выскочилъ въ огородъ и скрылся. За нимъ гонялись по всему селу и едва поймали. Послѣ этого Олексу и Герасима связанными отправили въ Полтаву и предали полковому суду, какъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Степана Лесенка. Обвинительницей ихъ выступила мать убитаго, Настя Лесиха. „По выслуханю“ ея жалобы, судьи спросили обвиняемыхъ:

— Що тому за прычына, и чы есть вы прытомныи тому учынку?

Несмотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, оба обвиняемые добровольно признались и такъ повѣдали:

— А що жъ, панове, якъ маемо неподобныхъ ричей говорыты, прызнаемся по правди: вже намъ треба умираты. Такъ насъ грихъ поткавъ, наша прычына, що мы, два насъ, прыи-

халы до ёго грунта по дрова безотповидне, и винъ, небожчыкъ Степанъ, заставшы насъ, взявъ бувъ кобылу; въ которого мы просылы, абы вернувъ еи, и не вернувъ, хотивъ до господы взяты зъ собою. Потимъ мы, варуючись, щобъ насъ до права не удавъ, намовывшися межи собою, еденъ за груды взявъ, то есть Гарасымъ, а другій, Олекса, взявшы сокыру, обухомъ вдарывъ пидъ ухо; а якъ зспавъ зъ нигъ, такъ тогди развивъ зкилко въ голову обухомъ Гарасымъ затявъ. И взявшы кобылу, одійшлы-сьмо, а ёго на тимъ мистцу покынулы, розуміючы, що умеръ. И не забарывшысь, знову оглядилы трупу, щобъ, закрывшы снигомъ, одъихаты; ажъ винъ, небожчыкъ, звився и сыдивъ, на колоду спершысь. И тамъ вже остріемъ сокырою повыще потылыци затялы, и на тимъ мистцу зъ свитомъ попрощався, и одъихалы-сьмо ку домамъ, где насъ Богъ въ рукы сёму чоловику (т. е. пану Гоярину) за невынную кровъ выдаты рачывъ, въ чимъ будетъ воля, панове, ваша. Пòты нашои повисты.

Мать убитаго требовала, „абы забойци декретомъ конечнымъ булы сужени на смерть“.

Такъ какъ убитый Лесенко былъ козакъ, а убійцы принадлежали къ посполитому сословію, то судьи примѣнили къ данному дѣлу 39-й арт. 11-го разд. Лит. Статута, трактующій „о каранню людей простого стану за забытя шляхтича“, и приговорили обоихъ обвиненныхъ къ смертной казни, „поручаючи души ихъ суду праведному Божію“.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГОРОДЯНКА.[1]

(*Повисть.*)

IX.

— Ось пожды трохы, потерпы! Се оци, хай Богъ простыть, кочегуры снигу смутять село, а якъ прыйде весна, якъ потане снигъ та зазеленіе скризь по степахъ, той твій смутокъ розійдется, немовъ той туманъ видъ сонця.—Такъ казала часто Домаха, запрымитывши, що ятривка почынае вдаватыся все у бильшу тугу. И Приська справди немовъ веселишала: видъ самои весны, видъ того сонечка та тепла молодыця, звычайно, не сподивалася ніякои соби допомогы; зате по весни повыненъ бувъ повернутысь Даныло до-дому, а заразомъ и зминытыся ін жыття. Що саме робытыме винъ дали, що прырозумивъ винъ за довгу зиму, куды прыстасуе себе, якои праци шукатыме,— сёго молодыця не знала, бо Даныло ни разочку не натякнувъ ін про те; одже ій весь часъ здавалося, що Даныло почувае

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 9.

себе не меньше за неи нещастливымъ и тилькы терпыть у надіи на краще жыття.

И ось нарешти прыйшла та весела, тепла, а до того и незвычайно рання весна. Одпарувала земля, и заклопоталыся, заворушылыся люде. Домаха по цилыхъ дняхъ не прысидала, хапаючысь то зъ полотномъ, то зъ сорочкамы, поспишаючысь и зъ мазкою и гороодомъ. Вона здатня була-бъ не йисты, не спаты, абы швыдче все переробыты та за годыны упораты, и Приська тилькы дывувадася, де у тому сухому та маленькому тили ятривкы набралося стилькы сылы по весни, де берутся ти весели надіи, що пидтримують охоту до такои нецикавои та некорыстнои праци.

На Благовистныка повернувся Даныло.

— Одпикъ зиму? Дався у знакы нимець? Спробувавъ экономіи?—хотила подратуваты Приська чоловика.

— Чого обрыдло? А ни крапли:—я звыкъ, а нимець мене полюбывъ,—похвастався Даныло, не розибравшы, куды жинка закыдае.

— Не обрыдло?—ажъ жахнулася Приська.—Такъ може у тебе думка й викуваты по загородамъ, може ты изнову пидешъ до нимця?

— Боже упасы! Зъ якои речи?—злякався видразу Даныло жинки.—Я не пиду бильшъ до нимця.

— А яка-жъ у тебе думка? Що маешъ робыты?—запытала его Приська.

— Яка думка? Хто ёго зна яка... всяка спадае.

— Може у волости служытымешь?

— Та й у волости можно бъ,—видповивъ знехотя Даныло.

— А може за прыводомъ Трохыма хазяйнуватымешъ?—вывиряла Приська ума.

— Э, Трохымъ—дуже гарный хазяинъ; его, якъ слухатысь...

— Чому-жъ ты мени доси не прызнався, що думаешъ хазяйнуваты? Чого я тутъ зиму высыдила, чого я марно споди-

валася?—видразу скыпила Приська и не дала Данылови и высловытысь.

— Та хиба я кажу тоби, що хазяйнуватыму?—злякався изнову Даныло.

— Такъ скажы-жъ хочъ, яки у тебе думкы, щобъ и я знала,—допытувалася Приська.

— Кажу тоби: всяки думкы спадають; иноди те прыйде въ голову, другымъ разомъ инше...

— Пойидьмо у городъ: я тоби тамъ гарне мисце знайду—служытымешъ, зароблятымешъ.

— Звисно, въ городи можно заробыты,—згодывся Даныло.

— Въ городи й платять краще, и робота легша,—умовляла Приська.

— Звисно, въ городи робота не та що тутъ,—згодывся ще разъ Даныло.

— Такъ пойидьмо!—пидмовляла Приська.

— Оце-жъ незабаромъ тамъ ярмарокъ, можно и пойихаты,—мовывъ Даныло и позихнувъ.

— Можно и пойихаты!—передражныла ёго Приська:—я знаю, що можно пойихаты; я тебе пытаюся, чы пойидешъ ты?

— А чому жъ не пойихаты?—заспокоювавъ Даныло жинку.

— Чы добьюся я видъ тебе правды, чы прызнаешся ты мени колы небудь, що маешъ на думци. Чого ты таишся видъ мене, чого ховаешся зъ очей моихъ, якъ стану допытуваты? Невже ты за цилу зиму ничого не прырозумивъ?—напалася Приська.

— Чому й не прырозумивъ?—немовъ ажъ образывся Даныло.

— Однаково, зъ тебе путящого господаря не буде!—мовыла Приська.

— Який зъ мене господарь, якъ я ще ничого не тямлю,—згодывся Даныло.

— И охоты ніякои не маешъ,—додала Приська.

— Та й охота-жъ така...—и видповивъ, и не видповивъ Даныло.

— Такъ ты таки надумавъ що небудь?—

— А якъ-же?—Мало я поподумавъ цю зиму? Иноди цилисеньку було ничъ очей не зведу все думаю, якъ-бы краще... у людей порады пытавсь,—видповивъ Даныло.

Приська бильшъ не допытувалася. „Надумавъ щось та не хоче загодя хвалытысь“—подумала вона сама соби и трохы заспокоилась.

Другого дни, тилькы на свитъ заблагословылося, Трохымъ збудывъ Даныла городъ ораты. Приська гадала, що Даныло ниде неохоче до плуга, то сердытымется на брата, що той ёго збудывъ, адже винъ, на дыво, весело схопывся, росправывъ нашвыдку волосся, ополоснувся водою и такъ радо побигъ на двиръ, немовъ тамъ сподивалося ёго саме щастя, а не плугъ.

Домаха загадала чоловикамъ выораты насамперед грядкы на нызу на цыбулю та розсаду, и поки Домаха выйшла зъ хаты, воны булы выорати, перекопани, выскорожени и подилени на дви ривни частыны.

Домаха поклыкала Приську, высыпала передъ нею всю свою цыбулю и подилыла на тры ривни частыны.

— Беры одну купку—мовыла вона Присьци,—та не враждуй на мене, що я тоби мало даю: васъ тилькы двойко, а насъ пятирко.

— Та я й ціеи не садытыму! Цуръ ій! Навищо вона мени здалася?—мовыла Приська и хотила вже одгортаты свою купку назадъ до Домашынои.

— Дурненька! Що-бо ты робышъ?—спынила ій Домаха.— Побачышъ, якъ ця цыбуля тоби знадобытся.

— Сто карбованцивъ уторгую!

— Тоби зразу карбованци! Пойисте сами молоденькою на сниданне або полудень. Беры-жъ свою цыбулю та ходимъ мерщій,—я тебе навчу, якъ ій и садыты.

Приська пишла всылу за Домахою. Наука, звычайно, була не хытра, и Приська видразу розибрала, якымъ краемъ вты-

каты цыбулю у землю; але та цыбуля чогось все выпрысала зъ рукъ, рядки выходылы неривно, ноги грузлы мало не до кисточокъ у пухкій земли, и Присьчыни грядкы засажувалысь не швыдко.

— Поспишайся, поспишайся, Присько! пидгонына іи разъ-у-разъ Домаха, але Приська немовъ и не чула.

— Присько! поспишайся! дывысь, яка хмара находыть!— погукала на неи Домаха.

Приська розправылась, глянула и немовъ скамъянила; але не на чорну, темну та гризну хмару, що пидводылася зъ краевыду и посувалася повагомъ напередъ, задывылася молодыця,— щось бильшъ цикаве, незвычайне, нижъ та хмара, вразыло іи: вона вперше побачыла чоловика свого на роботи. Браты скинчылы оранку по той бикъ садочка и тилькы-що перейшлы сюды. Трохымъ йшовъ за плугомъ, Даныло погонывъ пару сирыхъ воливъ та коривъ. Сыта, добре выгодувана, тилькы-що напоена скотына йшла повагомъ, рымыгаючи, а ливоручъ, тежъ повагомъ, выступавъ Даныло. Накынута поверхъ чумарка ледве трималася на плечахъ; ливу руку заложивъ винъ за спыну попидъ чумаркою, а правою разъ-у-разъ махавъ мотузянымъ батижкомъ. Чорну смушеву шапку видсунувъ винъ ажъ на потылыцю, и густа чупрына русявого волосся выбылася зъ-пидъ неи,спустылася мало не до бривъ и незвычайно красыла ёго облыччя.

Винъ не запрымитывъ зразу Приськи, бо вона стояла за терновымъ кущемъ; за те іи добре выдко було ёго. И якый-же винъ веселый сёгодни! Напевне ніяка думка не турбуе ёго: винъ поганяе радо, охоче. Винъ почувае себе вильнымъ, щастливымъ... Та ось винъ вже й писни якоись завивъ... Трохымъ подавъ и свій гласъ... Немовъ и скотына пишла бадёрнише... Радіють на вербахъ гракы; у садочку щебечуть птахы; спивають дивчата на сели; спивають и Трохымъ та Даныло. Та невже имъ всимъ справди такъ весело?.. Невже Данылови, іи дружыни, може буты весело, за плугомъ йдучы? И чого воны спивають, чому воны радіютъ? Що прыйшла весна? що треба ора-

ты, копаты, сіяты, садыты... цыбулю? Прыйде лито—воны спиватымуть, облываючысь потомъ, на жнывахъ. Прыйде осинь—радитымуть, выбираючы остачу недойиденои цыбули! Необачни, дурни люде! Чы то-жъ життя?

А Даныло? Чы сподивалася вона ёго колы побачыты такымъ? Ось йде винъ горбдомъ, и здается, наче винъ увесь викъ тилькы й робывъ, що мирявъ ступинямы цей клаптыкъ земли, наче винъ прырисъ до того плуга, до тыхъ круторогыхъ воливъ, половыхъ коривокъ, наче винъ злывся до купы зъ тымъ горбдомъ, воламы, тіею хатою, що биліе позаду ёго, зъ тіею хмарою, що напевне веселыть ёго господарське серце... Чы такои-жъ то дружыны бажала вона соби, чы такымъ прыходывъ до неи Даныло женыхатыся? Одирвало було ёго щось на якый часъ видъ батьковськои осели, кынуло у иншы обставыны, и винъ здавався неначе кращимъ за другыхъ, розумнишымъ та самостійнишымъ, але повернуло життя до ридного кгрунту, и ось винъ вже пустывъ глыбоке кориння... Одынъ, два добрыхъ дождя, сонечко та витеръ ридного степу—видразу обмылы, высушылы ту блескучу полуду, що тилькы и красыла ёго, и теперъ винъ ничимъ не видризняется видъ тыхъ репанькивъ-хлиборобивъ, селянъ.

Плугъ спустывся на нызъ, и Даныло угледивъ жинку.

— Боже поможы тоби, жиночко!—гукнувъ винъ до неи.

— Садовы, садовы побильше цыбули, щобъ було що до хлиба на жнива браты!—мовывъ винъ весело.

— Взялася таки за розумъ, спасыби Богови, молодыця! Гарно й дывытыся, що ты на грядкахъ,—додавъ Трохымъ.—А чы немае у васъ часомъ воды напытыся?—запытавъ винъ жинокъ.

— Не взяла, забулася,—видмовыла Домаха.

— Може у тебе, Присько, йе?—запытавъ Даныло.

Приська не видповила ничого.

— Присько, говъ! Прокынься! Заснула, чы що?—гукнувъ Даныло й пошпурывъ, жартуючы, у жинку чумаркою, що скынувъ зъ плечей.

Приська видскочыла, немовъ до неи доторкнулося щось гидке та холодне, кынула на землю ту цыбулю, що держала у рукахъ и зъ проклёномъ та слёзамы побигла, скилькы духу черезъ горо́дъ до хаты.

Ни Трохымъ, ни Домаха ничого не зрозумилы. Трохымъ здвыгнувъ плечыма, та сплюнувъ. Домаха подывылася ятривци у слидъ, похытала головою, та загадала дитямъ позбираты поросыдану цыбулю, и тилькы Даныло тяжко зитхнувъ: серце ёго спостерегло гирку правду. Винъ вперше зважывся высловытысь по правди, вперше прызнався, що мае на думци жныва, и вона зненавыдила ёго...

Приська вбигла у хату, сила край столу, обхопыла голову обома рукамы и тяжко замыслылася. Що робыты? Невже покорытыся нещаслывій доли, переробыты себе, перемогты у соби давни порывання до того вильнишого, веселишого, свитлишого жыття, яке вона вже зазнала, забуты про свои лита молоди, про свою вроду, видчахнутыся свого щастя, навики зостатыся на сели? Зарады чого? Зарады родыны, Даныла, селянъ? Хай воны не диждуть! Вона покыне цей куринь, покыне це пекло, наплюе на ту славу доброи господарки та покирлывои жинки, що купуется циною всёго жыття; вона покыне того дурня, що не хоче слухаты ii доброи порады, вона покыне село,—пиде шукаты и знайде таке жыття, яке марыться ій...

А тымъ часомъ хмара насунула блыжче, въ хати стемнило, десь тарахнувъ гримъ. Приська пидвела голову и озырнула хату. Николы не здавалася вона ій такою сумною, якъ теперъ. Крывый сволокъ, маненьки, немовъ пидслипувати виконця, стара пичка, крывый стилъ, пилъ, засланый неривнымы дошкамы,—все наче соромлыво прохало выбачення за свое истнування на билому свити... Рижнобарве Присьчыне убрання, розвишане по цвяшкахъ та килочкахъ, такъ и прохалося геть-геть зъ цiеи хатыны на муровани стины мiйськихъ будынкивъ, и тилькы подрана свытына чоловика спокiйно лежала, немовъ прыкыпила до куточка, та терпляче сподивалася того часу, колы и вона стане у прыгоди.

Приська схопылася зъ лавы, зирвала зъ першого килка спидныцю, кынула ій на пилъ, побигла до другои стинкы, поздіймала и тіи сукни, одимкнула скрыню и почала складаты туды свое збижжя. Очи ій блыщалы, краска розлылася по всёму выду. Вона поверталася жваво, моторно, зъ певностью людыны, що потрапыла писля довгого блукання по заплутаныхъ обмижкахъ на ривный, бытый шляхъ и наблыжается до бажанои меты.

Хмара насунула ще блыжче, полывъ дощъ. Орачи та Домаха повынни булы покынуты городъ та тикаты до-дому.

Домаха забигла спочатку до Приськи.

— Прысько! Що це ты прырозумила?—запытала вона ятривку, показуючы рукою на опустили стинкы хаты. Чы не надумала ты, сестро, кыдаты насъ?—Охъ! гляды, голубонько: неправдою свитъ пройдешъ та назадъ не вернешся. Мы до тебе зъ щырымъ серцемъ, мы до тебе зъ прыемнымъ словомъ, а ты, бачъ, зъ такою неправдою! Осоромыты насъ хочешъ? Данылови жытя занапастыты? Схаменыся, молодыце, одумайся! Це-жъ и видъ Бога грихъ и видъ людей соромъ!—

— Не вьязнить, не умовляйте! не хочу я бильше жыты зъ вамы — тай край. Гетьте, одійдить видъ гриха, дайте мени хочъ спокійно вырядытысь у дорогу!—видмовыла Приська.

— У яку дорогу? Куды-жъ та дорога лежыть зъ чоловиковои хаты? До прирвы, чы що? Одумайся; благаю тебе, Прысько, схаменыся!—умовляла такы ій Домаха.—Може ты на мене чого розсердылася, може я тоби якъ не догодыла?

— Ни на кого я не сержуся, одвьяжиться видъ моеи души!—гримнула на неи Приська.

— Та вже-жъ такы зъ доброго дыва закону не ламають, чоловика та родыны не соромлять. Може тоби що Трохымъ накрыво сказавъ? може Даныло?—допытувала Домаха.

— Нихто мени ничого не заподіявъ,—осточортилы мени ваши злыдни собачи! Одпекла зиму, бо на Даныла все надіялася, а теперъ я вже бачу, чого мени сподиватыся, не хочу дали терпиты!—видказала Приська.

Увійшовъ Даныло... Глянувъ винъ на жинку, на скриню, на Домаху, постоявъ мовчкы хвылыну биля порогу и метнувся геть зъ хаты.

— А куды ты? Я вже воламъ заложывъ—спынывъ его у синяхъ Трохымъ.

— Тамъ... Приська... промымрывъ Даныло и побигъ на двиръ.

Трохымъ увійшовъ до Приськи. Молодыця вже упакувала свою скриню и полизла на пичъ збираты останне збижжя.

— А де це наша пани-господарка?—запытався Трохымъ.

Домаха показала на пичъ.

— А куды це ты, Присько, убираешся, чы не до торгу?—запытавсь Трохымъ, зазыраючы за пичъ.—Кажы, якыхъ коней запрягаты та у яку скриню чоловика пакуваты?

— Не дратуй!—сипнула ёго за рукавъ Домаха.

— Та я и не дратую; навспражкы кажу: колы надумала тикаты, то хай за собою и весь свій скарбъ забирае, а якого ще й дорогшого скарбу, якъ дружына?—мовывъ Трохымъ.

— Кому може й скарбъ, а мени урывокъ на шыю ота дружына,—обизвалася зъ печи Приська.

— Воно тоби туды и дорога: зъ урывкомъ на шыи та на осычыну!—розсердывся ображеный за брата Трохымъ.—Якого биса ты почала изнову комызытыся? Якои болячкы тоби ще треба? Чимъ тоби тутъ незгода? Бье тебе хто, лае, роботы надъ-сылу пытае? Злазь мени зразу зъ печи, розпаковуй свое оте... хай-бы воно тоби и погорило... та лагодь чоловикови обидаты! Злазь, бо якъ поклычу Даныла, то за ногы стягне!

— Хай лышень спробуе!—обизвалася Приська.

— Що тамъ пробуваты? Даныло!—погукавъ Трохымъ.

Засмученый, билый, якъ крейда, Даныло ступывъ де-кильккы крокивъ по хати и прытулывся до пички.

— Тягны жинку зъ печи!—гримнувъ на ёго Трохымъ.

Але Приська вже сама скочыла зъ печи.

— Чы пускаешь ты, Даныло, свою жинку у мандры? Чы пытала вона у тебе дозволу?—запытавъ Трохымъ брата.

— Ни,—видповивъ стыха Даныло.

— Я ёго й пытатысь не стану. Колы хоче, щобъ я ёму корылася, то хай про мое щастя та мій спокій дбае, а ни, то хай на себе й жаліе...

— Що-жъ мени робыты, щобъ тоби догодыты? Я-жъ, здается, вже й роблю якъ слидъ; прослужывъ зиму—копійкы на себе не потратывъ; лита диждемо—свій хлибъ буде,—мовывъ Даныло.

— Не хочу, не хочу я того хлиба!—скыпила изновy Приська.—Не нагадуй мени про той хлибъ: бачыла я, знаю, якъ ёго заробляты! Одпусты мене... одпусты зъ твоеи хаты!

— Не пустыть винъ тебе свитъ-за-очи. Винъ у церкви прысягався доглядать тебе—не зламае винъ прысягы, не попустыть и тебе до того!—видповивъ за брата Трохымъ.

— Я смерть соби заподію! Я тутъ на вашыхъ очахъ загыну! Я утоплюся, повишуся... Я зарижуся!!—крыкнула Приська и кынулася, мовъ несамовыта, до ножа, що лежавъ край столу.

Трохымъ одпихнувъ зъ усіеи сылы молодыцю видъ столу, и вона опынылася биля Даныла... Даныло ухопывъ іи за руку и прытягъ до себе.

— Приню... голубонько... не сердься!—прошопотивъ винъ кризь слёзы.

Приська глянула на ёго и гирко заплакала й сама.

Трохымъ взявъ нижъ и выйшовъ зъ Домахою зъ хаты.

До самого смерку не видчынялыся Данылови двери. Вже стемнило, якъ нарешти Даныло выйшовъ у сины воды напытыся.

— А що? перешло хочъ трохы? заспокоилася?—запытала ёго Домаха.

— Ни!—видповивъ понуро Даныло:—не слухае, хоче йихаты.—

— И ты, звычайно, пустышъ іи; хай иде—гуляе?—запытавъ Трохымъ.

— Якъ-же я ій не пущу, якъ вона страща, що й смерть соби заподіе?—видмовывъ Данило.

— Вона така...—завважыла Домаха.

— Вона така, та не такого-бъ на неи чоловика треба було, якъ Данило!—мовывъ Трохымъ.

— Ну що-жъ я ій робытыму? Ты гримавъ на неи, Домаха умовляла, я—кланявся, прохавъ.

— Куды-жъ вона мандруе?—запытавъ Трохымъ.

— Проби, каже, на Городець пойиду,—видповивъ Данило.

— А ты-жъ якъ? пойидешъ за нею?

— Чого-бъ я туды потаскався?—Що мени у городи робыты?

— То жъ-то и йе! Хай вже одна голова пропадае, колы така шалена вдалася, а тоби ничого въ городъ таскатысь: розледачіешъ, розпустышся, на ка-зна-що переведешся...

— Може вона ще й покаится та повернется?—зитхнула Домаха.

— Покаится, якъ пидъ тыномъ опынытся! Я-бъ зъ такои жывцемъ шкуру здеръ, а не потуравъ ій прымхамъ... Чого ій не згода? Гультяйства та своволи забажалося! А! прокляте насиння!.. Попалася-бъ вона мени до рукъ!

— И щобъ ты ій зробывъ?—перепыныла Домаха запальну ричъ чоловика.—Адже пры тоби була ухопыла нижъ,—чы довго до гриха?

— Хто-жъ ій потарабанить до того Городця? Хыба ты на своихъ плечахъ потурышъ ій цяцьковану скрыню, бо селяне не схотять...

— Не нападайся хочъ на Данила: винъ за всихъ найменьше выненъ: це винъ, сердешный, твій та Солошынъ грихъ спокутуе,—нагадала Домаха про сватання.

Трохымъ не видмовывъ ничого, закурывъ люльку и прысивъ на порози. Дощъ все дужчавъ. Хмары заволоклы все небо; недавнечко маненькы калюжкы злылыся вже до купы и затопылы все дворыще мало не до порогу. Трохымъ згадавъ, що у довитци негараздъ прычынени дверы и пишовъ довидатыся,

чы не вылизла корова... Въ той саме часъ щось въйиздыло у ворота...

— А кого Богъ несе до нашои господы?—запытавсь Трохымъ.

— Пустить, люде добры, переночуваты!—обизвалася якась жинка.

— Пройизжаючи, чы що?—запытавъ Трохымъ.

— Еге, еге... на городъ йидемо... Пустить, будь ласка, обсушытыся!

— Зайиздить!—запрохавъ Трохымъ и самъ завернувъ коня за повидъ до свого порогу.

Незабаромъ вкотылася у сины якась нызенька, кругленька, немовъ та горгопка, жинка, а за нею увійшовъ высокый та тонкый, якъ та очеретына, визныця зъ велычезною макитрою у рукахъ.

Домаха вынесла каганець у сины.

— Добрый вечиръ вамъ, люде добры! Спасыби, що пустылы до своеи господы!—прывиталася вона прыемно, та звычайненько, скыдаючы зъ себе безличъ и манесенькыхъ, и велыкыхъ платкивъ, та розвишуючы ихъ по синяхъ. Я—Сохвія Трохымовна Загубынкова; зъ ярмарку повертаюся; масло купувала, ось макитерку назбирала... А куды мени іи поставыты?—запытала вона Домахы.

Домаха хотила спочатку запрохаты іи до себе, але передумала и пидморгнула Данылови, щобъ нисъ макитру у свою хату.

Приська скочыла зразу зъ лавы, утерла слёзы и заклопоталася биля самоварю. Гостя була балакуча жинка. Покы настыгъ самоваръ, покы Приська наготовыла те, що мала даты попойисты, вона встыгла розсказать, хто вона така, й де жыве, и скилькы дочокъ мае.

— А чы не пидвезлы-бъ вы й мене зъ собою?—зважыласа запытаты іи Приська.

— Можно, можно,—згодылася Сохвія Трохымовна.—А чы на довго?

— Навики—видповила Приська и гирко заплакала.

— Чого-жъ бо ты? Чого плачешъ, молодычко?—затурбувалася дуже мягкосердна Сохвія Трохымовна.

Приська стала ще дужче плакаты.

— Оце горенько, оце лышенько!—заклопоталася перекупка.—Чого-бо ты такъ побываешся.

— Озирниться сами, гляньте на оцю пустку, на оци злыдни, та й сами догадаетеся, яке мое жыття тутъ,—видповила кривь слёзы Приська...

— Нанятыся хочешъ у мисти, чы що?—догадалася перекупка.

— Хочу служыты.

— А чоловикъ-же пускае тебе?—запытала перекупка.

— Пустыть.

— Чого-жъ тоби и плакаты! Хай Господь помогае. Добре господарюваты, якъ йе за чымъ, а якъ немае, то служыты треба. Сама я, спасыби Богови, николы не служыла, и дочокъ не наймала, а знаю, що доброму наймытови скризь гарно. Багацько йе панивъ у нашому городи, йе дуже багати:—у пани Куракыной и хаты окреми за-для покоянокъ... Поваръ у неи вже двадцять пьять рокивъ служыть, лакей одынъ тежъ зъ давнихъ часивъ тамъ... Якъ не балуватымешся, та слухатымешся, то тамъ тоби буде, якъ у Бога за пазухою,—мовыла Сохвія Трохымовна, дуже задовольнена, що може пособыты нещастлывій людыни.

— Такъ вы мене визьмете зъ собою?—зрадила Приська.

— А чому-жъ? Кинь добрый—сорокъ верстовъ якось перейидемо,—згодылася перекупка.

Приська кынулася ій цилуваты.

— Низавищо, низавищо, голубочко! Абы тоби пощастыло, бо не всякому у городи легко доходытся: йе таки наймычкы, що на мисяць трычи панивъ миняють, йе й паны вередлыви... Я сама не служыла, не знаю, якъ чужымъ людямъ годыты, та вже якъ тоби и тутъ жыття не мае, то запытайся у наймахъ щастя.

— Даныло! погукала Приська на чоловика.—Я йиду зъ нымы; воны мени й мисце знайдуть,—мовыла вона, якъ тилькы Даныло увійшовъ у хату.

— Не пойидешъ ты никуды, — видповивъ несподивано Трохымъ за брата.

— Сказала, що пойиду—и пойиду!—крыкнула Приська.

— А я сказавъ, що не пойидешъ—и не пойидешъ,—видповивъ Трохымъ.—И вамъ, титко, грихъ замижнихъ молодыць зъ селъ въ городъ зволикаты. Якъ-бы я знавъ, що вы хвахторуете...

— Господь зъ тобою? Господь зъ тобою, чоловиче добрый!—замахала на Трохыма перекупка рукамы.—Зроду-вику не хвахторувала... Я перекупка... у мене хата своя—йе у мене за чимъ жыты... Господь зъ нею, зъ вашою молодыцею!..

— Вона, бачьте, у насъ не пры своёму уми—немовъ потерялася на весни. Жыла, жыла зиму, а це якыйсь гедзь укусывъ: „проби, покыну чоловика"!—мовывъ Трохымъ.

— И покыну. Не схоче нихто везты, то пишкы пиду... утечу середъ ночи, а не буду тутъ!—обизвалася Приська.

— Не покынешъ и не пидешъ, якъ чоловикъ не пустыть,—стоявъ на своёму Трохымъ.

— У тебе маты, сестра, дядько йе—поспытайся хочъ у ихъ порады,—мовыла Домаха.

— Не треба мени ни батька, ни матери—ни якои родыны!.. Порадылы вже воны мени—утопылы мою голову! Покы й вику мого, не хочу слухаты ничіеи порады... Оце тоби, Даныло, останне мое слово: або пусты мене... пообищай дать былетъ, або... на твоихъ очахъ смерть соби заподію... Ось хрестъ кладу... Прысягаюся... не жытыму я тутъ... не жытыму и одного дни!—И вона, кынувшысь навколюшкы передъ иконамы, почала складаты страшну прысягу.

— Йидь, йидь! Йидь куды хочешъ!—спынывъ ій безъ краю стурбованый Даныло. Йидь, иды, робы що знаешъ,—я тоби не перечу!—додавъ винъ, сылкуючысь перемогты ти слёзы, що душылы ёго видъ самого ранку.

— Пфу!—сплюнувъ Трохымъ, переляканый прысягою.

— Не знаю я теперъ, чы брать мени зъ собою молодыцю, чы ни? Щобъ бува вы не жалилы на мене?—запытала тежъ перелякана Сохвія Трохымовна.

— Берить іи... берить іи, ледацюгу!.. Хай вона... хай ій!..—не домовывъ Трохымъ.

X.

Приська та Сохвія Трохымовна выйихалы ще до схидъ-сонця, але добылыся до города тилькы о-пивночы. У манесенькому будынку перекупкы давно вже вси спалы, и господарка мало не повыбывала шыбокъ, покы доклыкалася, та добудылася свого чоловика, Петра Купрыяновыча. У господи було чепурненько, але дуже тисно и душно. Мало не третю частыну кимнаты займало велычезне, шыроке лижко, застлане ватянымъ одіяломъ; другу третыну—два поручъ поставленыхъ стола, де вычахалы уготовлени до торгу пряныкы, а останню частыну—деревьянни стульци, судныкъ та скрыня. У куточку, биля самыхъ дверей, на розистланому ряденци спавъ хлопчыкъ—рокивъ чотырнадцяты, помичныкъ-наймытъ Петра Купрыяновыча. Господарь не сподивався, звычайно, Приськи и выбигъ видчыняты двери неодягнутымъ, але, зогледившы молодыцю, зразу побигъ назадъ, прычепурывся и тоди запрохавъ до господы. Така звычайнисть дуже подобалася молодыци, за те самъ господарь зробывъ на неи непрыемне вражиння: ій чогось и шкода стало ёго, сухого, якъ сухарь, жовтого та немовъ заскубленого, и досадно було слухаты, колы винъ почавъ гриматы на жинку за те, що забарылася у городи, та прогавыла добрый заробитокъ у недилю на торгу.

Присьци постлалы на пуховому лижку; далы ажъ дви здоровыхъ подушкы у головы, але вона за всю ничъ и на хвылыну не звела очей.

Не спалося и Сохвіи Трохымовни. Мягкосердна та безъ краю ймовирна перекупка вже не разъ каялася за свою по-

гану вдачу та охоту пособляты людямъ пидъ вплывомъ першого вражиння. Доставалося ій за те и видъ чоловика, доставалося и видъ товарокъ, не разъ платылася вона й кышенею своею, проте не навчылася ще гараздъ кермуваты своимъ серцемъ и потакала ёму. Приська своимы слёзамы, прысягою вразыла ій, и тоди вона справди радо хотила ій пособыты, але теперъ думкы ій зминылы свій напрямъ: ій стало здаватысь, що вона помылылася у молодыци.

— Не спытся?—запытала вона Приську.

— Не спытся—видповила Приська.

— Може ты вже одумалася та жалкуешъ, що пойихала, то я тоби знайду пидводу,—мовыла перекупка.

— Що це вы тётю?—ажъ схопылася Приська.—Я зъ радощивъ, що нарешти такы добылася города, не можу й заснуты.

— А чоловика хыба не шкода? Винъ же, здается, жаліе тебе? кохае дуже?

— Що мени зъ того, що винъ жаливъ мене? Яка мени корысть зъ того, що кохае мене? Колы-бъ вы знамы, якъ я цю зиму прожыла, колы-бъ бачылы, якъ я мучылася!—почала скаржытысь Приська.

Сохвіи Трохымовни изнову шкода стало ій.

— Та вже добылася свого—прыйихала въ городъ, а теперъ, гляды, не ледачій, не балуйся, якъ тамъ инши, то може й заспокоишся. Завтра раненько я перекажу Лейби, то винъ тоби зразу мисце знайде. Може навить и до пани Куракыной заступышъ, бо въ неи нема покоянкы,—заспокоила Приську Сохвія Трохымовна.

И справди, у десять годынъ ранку прыбигъ запыханый заклопотаный Лейба и сповистывъ Приську, що мисьце вже про неи йе, що винъ бигавъ цилый ранокъ, покы знайшовъ ій таке мисьце, и теперъ хай вона иде туды зъ нымъ „безпешно наймается“ и „служыть соби зъ Богомъ“.

Приська мыттю одяглася у найкраще убрання и пишла за Лейбою.

Серце ій дуже былося, сама вона зблидла и довгый часъ не зважувалася навить забалакаты до Лейбы, щобъ бува винъ не спостеригъ, якъ страшно ій иты до невидомои пани и якъ боится вона, що не погодыться ій.

— Хто-жъ вона така, ота пани?—нарешти зверпулася вона до Лейбы.

— Хто вона така? Охъ! Колы-бъ ты тилькы знала, що то за пани! Сто тысячъ мае! Тры маетка, будынокъ якый... срибла, злата скилькы! Це—перша пани у нашому городи—нема надъ неи панивъ! А яка добра! Ой-ой! Навить еврейчыкамъ пособляе... Охъ! що-то за пани!.. Викъ дякуватымешъ мени. Абы тилькы ты подобалася имъ, абы ты тилькы зумила догодыты, то будешъ щастлыва—побачышъ!—казавъ Лейба, все набавляючы та набавляючы ходы.

— А може воны ще й не схотять мене; може я й не вгожу? Мало хыба тутъ кращыхъ за мене наймычокъ йе?—запытала Приська.

— Йе тутъ тихъ наймычокъ, йе, слава Богу... але хыба ты, молодычко, не знаешъ тыхъ городянокъ? Шфу на ихъ, тай годи! Грубіянкы, балувани, роспутни... Якъ що тамъ трохы не такъ, пани розсердятся, скажуть тамъ що-небудь... налають трохы, або-що...—такъ зразу кыдаты... Велыке дило, якъ така именыта пани, якъ ось ця пани Куракына, та налае трохы наймычку? Пфу! велыке цабе наймычка! Абы корыто...

— Э, ни,—перепынула Приська Лейбу,—я тежъ неохоча та й нездатна слухаты лайку. Колы справди та пани така сердыта, то Господь зъ нею, зъ ій гришмы!—завважыла Приська.

— Хто тоби сказавъ, шо вона сердыта? Боже храны! Хыба така пани стане лятысь?—поспишывся Лейба заспокоиты Приську.—Ось мы вже й дишлы до самого будынку. Дзвоны!

Приська подзвоныла. Дворныкъ видчынывъ хвирточку у воротяхъ и провивъ Лейбу та наймычку до дверей будынка.

Воны пиднялыся по высокыхъ зализныхъ схидцяхъ и увійшлы у простору, свитлу передъ-кимнату, де сыдило трое якыхъ-сь жинокъ. Одна зъ ныхъ, дуже старенька та немична, у панськои сукни, сыдила осторонь видъ двохъ останнихъ жинокъ и не прыймала ніякои участи у ихній розмови.

Лейба та Приська силы тежъ окроме.

Незабаромъ выйшла до ныхъ молоденька панночка.

Вона наблызылася до старенькои пани, подала ій якыйсь пакунокъ и пьять карбованцивъ грошей.

Пани подякувала, сховала грошы у платочокъ и пишла геть. Тоди панночка подала двомъ останнимъ жинкамъ по два карбованця. Жинкы нызенько уклонылыся...

— Колы бъ намъ хочъ у щилочку побачыты нашого янгола-заступныка та подякуваты за ій ласку!—мовыла одна зъ жинокъ, вдруге уклоняючысь панночци.—Вже тры роки пособляють воны намъ—пошлы имъ Боже щастя, здоровья, пидкрепы, захысты ихъ Царыця небесна!—та то ни разочку не довелося ій подякуваты. Попрохайте ихъ, панночко наша мылостыва, выйты хочъ на хвылыну до насъ.

— Я передамъ пани вашу подяку, але вона не выйде до васъ,—мовыла панночка.

Жинкы зитхнулы, ще разъ уклонылыся и пишлы соби геть.

— А ты, молодыце, погоды трохы: до тебе пани выйде, бо вона завжды сама выбирае покоянокъ,—мовыла панночка Присьци. Ты, гадаю, Лейба, на цей разъ догодышъ пани: молодычка дуже гарненька,—додала вона прыемно усмихаючысь.

Такъ якъ черезъ пивгодыны выйшла и пани. Се була высока, струнка жинка рокивъ пьятыдесяты. На неи була темна шовкова сукня, поверхъ неи накынута прозора намитка. На грудяхъ, на руци на пальцяхъ—блыщало самоцвитне каминня. Пани надійшла до молодыци и пыльно зазырнула ій у вичи.

Приська густо почервонила пидъ тымъ суворымъ поглядомъ и мымоволи опустыла очи.

— Я тебе найму,—мовыла трохы згодомъ пани.—Ось мои умовы: висимъ карбованцивъ на мисяць, особлыва кимната; чорнои роботы не пытаю. (За для цёго маю иншыхъ наймытивъ), за те по двичи роботы не загадую: наймычка у мене повынна знаты свои обовязкы безъ загаду.

Приська не зрозумила пани и подывылася на Лейбу.

— Хыба треба велыкои наукы, щобъ знаты, колы вашои мылости воды податы, або лижко уготуваты? О! будьте певни—я знаю, кого до васъ прыводыты. Се не ривня нашимъ городянкамъ; ця молодычка знае свои обовязкы!—поспишывсь вкынуть и свое слово Лейба.

— Я не до тебе балакаю,—спынила ёго строго пани.—Якъ що ты здатня на таки умовы, то прыходь сёгодни,—звернулася пани до Приськи.

— Я прыйду,—видповила стыха та несмилыво Приська..

— Бачыла ты колы таку пани? Бачыла таки кимнаты? Ой—ой! Ты зазырала у дверы? Бачыла якы дзеркала? Що то за пани, що то за пани!! А добра яка! Сёгодни тилькы тры жинкы було, а иноди тамъ бильше десятка наберется, а всимъ вона пособляе, всимъ надиляе,—не стыхавъ Лейба выхваляты пани, идучы зъ Прыською до Сохвіи Трохымовны, видъ котрои винъ мавъ получыты за Приську карбованця.

Приська бачыла и кимнаты, и дзеркала и саму пани, але все це зробыло на неи далеко не таке вражиння, якъ на Лейбу. Холодомъ, на ій поглядъ, віяло и видъ того велычезного будынку, и видъ кимнатъ, и видъ пани, и видъ того обережно заверченого у билый папиръ пакунка, що подала панна старенькій пани, и видъ тыхъ грошей... Молоденька панночка тилькы и подобалася ій.

У вечери молодыця перейихала до пани и оселылася у маленькій хатыни поручъ зъ кимнатою самои пани.

Почалося якесь чудне жыття: вставала пани у обидню пору, лягала передъ свитомъ, и вси наймыты, не вважаючы на те, що дила було небагацько, не зналы ни въ день, ни въ ночи спокою.

По камьяныхъ схидцяхъ, убраныхъ квиткамы та аксамытовымы кылымамы, не спынялысь бигаты взадъ и впередъ похмури, сердыти, та потомлени люде. Дзвонкы не стыхалы... Здавалося, що у цёму велычезному будынку жыве безличъ людей, котрымъ за-для ихъ велыкыхъ та нагайныхъ справъ потребна безличъ служокъ та помичныкивъ... Сами наймыты добре розумилы, що до послугъ одынокои, литнёи вже пани досыть було-бъ одніеи, двохъ жинокъ, и ци безперестанни дзвонькы, ця зайва биганына навыпередкы иноди сердыла, навить ображала ихъ, проте гарни харчы, добра платня робылы свое дило: люде звыкалы до становыща попыхачивъ и потроху навчалыся догождаты прымхамъ вередлывои господаркы. Помижъ служкамы було де-скилькы такыхъ, що жылы у пани вже багато рокивъ и встыглы прыняты и ходу́ и мову пани до вподобы, бильшисть же заступыла сюды недавнечко и почувала себе, немовъ на чужыни. Приська тежъ довгый часъ не могла звыкнуты. Нова посада цилкомъ видповидала бажаннямъ молодыци: и харчъ, и платня, и робота задовольнялы іи; сама пани видносылась тежъ дуже мылостыво до новои покоянкы, проте Приська все чогось остерегалася, що хвылыны сподивалася якоись непрыемности, лякалася кожного дзвоныка и увиходыла несмилыво у кимнату пани.

Мынувъ мисяць и другый благополучно. Пани за весь цей часъ зминыла тилькы одного наймыта—дворныка, справди гиркого пьяныцю. Приська почала вже трохы звыкаты, але... не лехко вгадаты, зъ якои стороны насунуть хмары та заснують ясне небо, а ще труднише видгадаты, яки думкы обсядуть вередлыву господыню, та яки перемины скоятся пидъ вплывомъ тыхъ думокъ.

Разъ якось прокынулася пани ранише, нижъ завжды, и згадала ще лежучы у постели, що вона вже два мисяци гараздъ не порядкувала у своій господи, покладаючысь на нову свою хазяйку молоденьку, панночку Марусю, и що черезъ те панна немовъ занадто запышалася. Вчора вона, напрыкладъ увійшла, не поспытавшысь дозволу, у іи кимнату, позавчора

завела першу ричъ про театръ, а у той понедилокъ одважылася поратъ и таки прымусыла прочытаты якусь книжку, у якій пидкреслыла червонымъ олывцемъ найцикавиши, на ій, панночкы, поглядъ, мисця...

— Треба ій трохы утерты носа, треба показаты, що дыпломъ шостого класа гымназыи не дае ще права буты у моій господи чымсь значнишымъ, нижъ звычайна наймычка,—поклала соби пани и почала одягатыся.

О першій годыни подалы снидання. Пани напылася чаю и пишла по хазяйству. Се траплялося дуже ридко и ще ридше кинчалося благополучно: по бильшій части пани, оглядаючы кухню, мыскы, горшкы, кимнаты, квиткы—знаходыла яки-небудь хыбы и прогонына вынуватого. На цей же разъ пани не знайшла ниде ни одніеи смитыны и не мала, на велыку ій досаду, ничого зауважыты панночци Маруси, котра, не думаючы не гадаючы про ту гризну хмару, що вже наблыжалась, йшла соби байдуже за своею господаркою, та выхвалялася тымы квиткамы, що такъ пышно зацвилы зъ ій легкои рукы.

Такъ вернулыся воны изнову до обиденного столу.

— Снидання холодне!—мовыла пани, видпыхаючы видъ себе тарилку зъ яешнею.

— Прохололо, покы вы ходылы,—нагадала панна.—Може звелыте свижои уготовыты?

— Не треба!—одризала пани.—Пидтянить оти гардыны надъ викнами. Вы, здается, знарошне залышуете мене сонця,—мовыла вона черезъ хвылыну.

— Вчора вы сами звелилы ихъ попустыты,—мовыла панна.

— Николы я цёго не казала. Вамъ завжды щось учувается... Прыслухайтеся, прохаю васъ, краще до моихъ ричей... Я вамъ въ останній разъ *велю* (пани пидкреслыла це слово) пидняты ци гардыны и не попускаты ихъ безъ мого дозволу. Муруся поставыла стульчыкъ, вскочыла на ёго и почала пидтягаты шнуръ; одначе у тому, якъ панночка взяла стулець, якъ

скочыла на ёго, якъ розмотала шнуръ,—господыни уявылася зневага. Чоло ій нахмурылося ще дужче, тонки губы склепылыся щильнише.

— Не здатни вы и до такои дрибныци, панно Маріе: вы пидтяглы мало не до самои стели! попустить, будьте ласкави,— процидыла вона кризь зубы.

Маруся попустыла такъ, якъ на палець.

— Ныжче!—мовыла нетерпляче пани.

Маруся попустыла ще ныжче.

— Ныжче, кажу вамъ, ныжче!—мовыла, ледве стрымуючы себе пани.—Ныжче!—вже крыкнула вона й кывнула рукою на Приську, що саме увиходыла у кимнату.

— Присько! попусты шнуръ, бо панночка не розуміе нычого; у неи то театръ, то кныжкы въ голови, а не ій обовязкы,—звернулася пани до покоянкы.

Панночка стрыбнула зъ стульця, всмихнулася до Приськы и передала ій шнуръ; але молодыця ненарокомъ выпустыла ёго зъ рукъ, и гардына спустылася до краю.

— Дурна, божевильна! Сыдоре, Трохыме, Марто, Мыкыто! йдить сюды, пособить гардыну пидняты, бо ци дви дуркы ничого ій вдвохъ не вдіють,—гукнула, вкрай распалывшысь пани.

Маруся зачервонилася, на очахъ выступылы слёзы.

— Визьмить свое слово назадъ!—мовыла вона трымтячымъ голосомъ.

Пани зыркнула звысока на панну, усмихнулася и одійшла до викна, биля котрого поралася мало не вся двирня.

— Визьмить свое слово назадъ!—мовыла вдруге панна—а, ни..., то... то... я тежъ вылаю и васъ прылюдно.

— Выведить геть звидсиль цю божевильну!—звернулася пани до наймытивъ, показуючы на стурбованну панну.—Я дарую ти гроши, що вона забрала у мене впередъ,—додала вона пышаво.

Цей спогадъ про грошы, що Маруся взяла на ликы хворому батькови и не мала спроможности оддаты пани назадъ,

шпыгнувъ ій у серце, немовъ гострымъ ножемъ: вона залылася гиркымы слёзамы и выбигла геть.

Зъ цёго часу Приська ще дужче стала остерегатыся пани, ще дужче боятыся за себе, дарма що обовязкы покоянкы выконувала вона завжды безъ загаду и добре.

Пролынуло ще тыжднивъ зъ двое; наступывъ день именынъ пани. Пани ридко кого одвидувала и сама не любыла прыйматы до себе гостей, але за-для именынъ не шкодила ни грошей, ни клопотивъ и вже кожного року справляла ихъ на славу. Прыйиздыло до неи у цей день завжды безличъ панивъ, одержувала вона безличъ картокъ, лыстивъ та телеграмъ, але дійсно святкувавъ сей день тилькы невелычкый гуртокъ именытыхъ гостей. Баронъ, баронесса, старый полковныкъ, яка-сь глуховька пани зъ дорослою дочкою, велыкый, всимъ у повити видомый панъ Таранецькій, та неридный племинныкъ пани Куракынои, Сергій, складалы собою те маленьке коло, що тилькы и пидтрымувало трохы у городцяхъ значно злынявшу та прывъявшу квитку арыстократызма и захыщалы ій скилькы мога видъ соковытого плебейського бурьяну, що посидавъ кгрунтъ, та роскоринявся останнимы часамы все дужче та дужче...

Першою прыйихала баронесса; за нею ій чоловикъ, а трохы згодомъ и останніи гости.

Пани Куракына радо прывитала дорогыхъ гостей и запрохала ихъ по звычаю до голубои кимнаты, прызначеноі за-для блызькыхъ гостей. Баронесса сила на канапи и, стягаючы рукавычкы, зъ першого-жъ слова, почала скаржытысь на духоту, на сонце, на городъ, театръ, наймытивъ та лытературу. Вси, причъ племинныка пани, котрый тилькы и марывъ про те, якъ-бы швыдче утекты видъ титкы-дукаркы, та глуховькои пани, що нышкомъ личыла, скилькы саме коштуе убрання именынныци, прыйнялы звычайно участь у розмови и цилкомъ погожувалыся зъ баронессою. Балачка йшла тыхо, ривно, неначе десь у куточку сыдивъ капельмейстеръ та выстукувавъ ломачкою, щобъ бува хто не поспишывся зъ своимъ словомъ наперед, або не забарывся зъ видповидью.

Але ось на порози въявився новый, несподиваный гисть.

Се бувъ высокый, литній вже панъ. Ривне сыве волосся, гладенько зачисане назадъ, падало довгымы пасмамы ажъ на комиръ старенького, але чыстого сюртука.

Въ одній руци державъ винъ складеный цылындръ, а у другій ципокъ, на котрый йдучы опырався. Услидъ за нымъ йшла русява панночка, рокивъ пьятнадцяты. На неи була коротенька, била муслынова сукня, перетягнута на тонкому стани голубымъ поясомъ; роспущене по плечахъ волосся було перевьязано тежъ голубою стёжкою, а на головци прышпылена била квитка. Въ рукахъ вона держала десяткивъ зо-два перевьязаныхъ билою стёжкою трояндъ.

Старый панъ поступывся напередъ, уклонывся до всихъ гостей и пошкандыбавъ, разъ-у-разъ налягаючы на ципокъ, до господаркы. Панночка уклонылася тежъ усимъ и подала ій трояны.

— Витаю васъ, шановно добродійко, зъ днемъ именынъ и прохаю выбачення, що спизнывся трохы, але,—сами видаете,—посада, прызначени годыны за-для праци... Я, жинка моя, диты—вси мы щыро дякуемо вамъ и вамъ, шановныи добродійкы (гисть уклонывся до баронессы та глухенькои пани) за ту допомогу, що подалы моій симьи за часы моеи хворобы. Запевняю васъ що...

— Дуже дякую, пане, за ваше... за вашы трояны, панно!—перепынула раптомъ пани Куракына ричъ гистя и поступылася до дверей, що велы у другу кимнату. Гисть та панночка послидкувалы за господаркою, и черезъ хвылыну баронесса бачыла своимы очима, якъ лакей провивъ ихъ до переднёи. Проте це ій не заспокоило:

— Зъ якои речы? Хто давъ ёму право? Увійты у цю кимнату! Втеребенытысь у гуртокъ незнаёмыхъ и зовсимъ неривныхъ соби людей. Ни, ни, наша поважана господарка не вміе зовсимъ муштруваты наймытивъ! Мій Мыхайло не впустывъ бы и до вику такого гостя у мою кимнату.

Але жъ це той самый вчытель, про котрого вы такъ клопоталыся та котрому збиралы грошы,—завважывъ племинныкъ пани Куракыной.

— Велыка рижныця: пособыты людыни, чы прыйняты ии до свого гурту!—мовыла баронесса.

— Та вже жъ мабудь це дуже поважна людына, колы вы прынялы стилькы турботъ за-для неи,—не подавався Сергій.

— Якъ-то поважный? Зъ якои речи? Звидкиль це вы взялы? Вы завжды дратуете мене, Сергій, але мени теперъ зовсимъ не до жартивъ. Сёго вчытеля я не знаю, але винъ колысь занедужавъ, симья ёго бидувала, и я назбирала за-для ёго сто карбованцивъ...

— И винъ прыйшовъ теперъ подякуваты вамъ,—додавъ Сергій.

— У цю кимнату!!! Зрозумійте, Бога рады, що се зъ ёго боку нахабно, неввичлыво, незвычайно!—роспалылася навсправжкы баронесса.

А тымъ часомъ сама господарка мало не плакала: вона не чула баронессыныхъ ричей, але серце вищувало ій безличъ непрыемныхъ наслидкивъ видъ цёго несподиваного выпадку зъ вчытелемъ.

— Хто впустывъ ёго? Хто зважывся провесты ёго до тіеи кимнаты?—допытувалася розлютована пани своихъ наймытивъ.

— Я!—обизвалася нарешти Приська. Лакей одлучывся на хвылыну, а винъ саме увійшовъ, я й провела ёго до васъ.

— Божевильна! прышелепувата! Не бачыла хыба, кого ты проводышъ? Зъ глузду зъйихала, ошалила?—накынулася на неи пани.

— Чого вы лаетеся? Хыба я знала?—образылася молодыця.

— А! такъ ты ще балакаты, змагатыся? Геть! геть зъ моеи господы! Щобъ твого и духу не було у моёму двори!—гримнула на неи пани и побигла заспокоюваты баронессу, котра доводыла Сергіеви, що не всякому прыемно сыдиты поручъ зъ якымсь вчытелемъ, котрого недавнечко выратувано видъ голоднои смерты.

XI.

Приська побигла шукаты пидводы, щобъ перевезты свою скрыню до Сохвіи Трохымовны.

— Эй! Чуешъ? Слухай сюды! Гапко! Марье! Степаныдо! Молодычко, якъ тамъ тебе прозываютъ? Постій трохы, пожды!— гукнувъ хтось биля крамныць.

Приська обернулася: за нею бигъ Лейба.

— Це жъ, здается, тая молодычка, що я до Куракыной водывъ! Ну, що? Якъ тоби? Якъ жывется? Може обрыдло вже? Куды ты йдешъ?—запытавъ ій Лейба.

— Пидволы шукаты, щобъ перевизъ мою скрыню до Сохвіи Трохымовны; я вже тамъ розсчыталася...

— Навищо тоби та Сохвія Трохымовна, навищо тоби на той белебень забываться? ходимъ—я тебе зразу найму.

— До кого?—запытала Приська.

— До кого? Побачышъ до кого: поганои посады тоби не дамъ. Ходимъ! Це таки паны... що дай Боже тоби и повикъ у такыхъ служыты... Це тоби не тая горда та пышава пани Куракына...

— А вы жъ ій выхвалялы!—нагадала Приська.

— Чому жъ мени не выхваляты, якъ твоя родычка схотила тебе туды наняты?—мовывъ Лейба.

— Яка родычка?—запыталася Приська.

— Сохвія Трохымовна.

— Вона мени не родычка.

— Не родычка?—здывувався и немовъ ажъ зрадивъ Лейба.— А скилькы воны взялы зъ тебе за те, що ты нанялася до тіеи пани?—запытавъ винъ.

— Ничого. Вернула ій того карбованця, що вона дала вамъ, та за пидводу заплатыла...

— Теперъ не взяла, то визьме,—мовывъ зъ певнистью Лейба. Ты, не вирь Сохвіи Трохымовни... Ты молода, мисця не знаешъ, а тутъ всяки паны бувають.—Ты, якъ тоби чого треба, до мене звертайся—я тебе повсякъ часъ найму. Ходимъ!

— Яка жъ у тыхъ панивъ плата?—запыталася Приська.

— Почуешъ сама. Може воны й бильше тоби дадуть, нижъ всимъ платять, може и ти сами грошы, але ты на ту плату не звертай увагы: схочешъ, то матымешъ тамъ заробитокъ добрый.

— Звидкиля?—здывувалася Приська.

— Розумна будешъ, то побачышъ!—видмовывъ Лейба.—Ходимъ!

— Що жъ воно за паны?—допытувалася зацикавлена ричамы Лейбы молодыця.—Може я ще й не погожуся туды?

— Не погодышся?—перепытавъ Лейба... Хыба я не знаю, якымъ панамъ якыхъ наймычокъ постачаты? Овва! Ты мене спытай, що у тому будынку сёгодни на обидъ варять, я й те знаю!

— А може й я не схочу?—сказала молодыця.

— Ты не схочешъ до панивъ Боголюбовыхъ? Таки речы я вперше на своёму вику видъ наймычкы чую. Ой—ой! Хотивъ бы я побачыть ту покоянку, що не схотила бъ тамъ служыты!—засміявся Лейба.

Приська пишла. Пани була не дома: вона выйихала зъ дитьмы на все лито, и наймавъ покоянку самъ панъ.

Це бувъ огрядный, трохы сывый вже панъ. Винъ зробывъ досыть гарне вражиння на молодыцю и тыхымъ голосомъ, и ричамы, и обихидливистью..

На плату та де-яки обставыны жыття у господи панивъ Боголюбовыхъ було, звычайно, гирше, нижъ у пани Куракыной, за те наймыты почувалы себе далеко вильнише, нижъ тамъ, и працювалы до схочу.

Покоянци окремои хатыны тутъ не давалы, але Присьци вже обрыдло сыдючы насамоти у закапелку пани Куракыной, и вона охоче оселылася у просторій, свитлій кухни зъ гладкою куховаркою Тытьяною, жинкою рокивъ пьятыдесяты, та безкраю балакучымъ дворныкомъ—москалемъ Степаномъ.

Наймытамъ мало було роботы. Приська прыбырала вранци горныци, чыстыла одягу та чоботы и, выпрадывшы пана до суду, де винъ займавъ якусь посаду, йшла пособляты куховарци. По

обиди Тытьяна лягала спочыватъ, Степанъ ходывъ зъ дорученнямы пана, або за покупкамы, а Приська гуляла за воритьмы, або вытягала свои шыткы.

Такъ проходывъ довгый та нудный день; за те у-вечери почыналося дійсне жыття.

Тытьяна надъ усе любыла гостей. Не вважаючы на те, що ридко якый ранокъ верталася вона зъ торгу, не посварывшысь зъ кимъ-небудь, мала вона прыятеливъ безличъ и помижъ служкамы, и помижъ прыкащыкамы та перекупкамы. Стравы тежъ николы за-для гостей не бракувало, бо Тытьяна наготовляла іи утрое бильше, нижъ потрибно було панамъ та ихъ двирни; здачы вона тежъ зродà-вику не мала звычаю виддаватъ и про коштъ мяса та масла никому не казала. Пры такыхъ умовахъ що-денни бенькеты доходылыся ій, звычайно, на дыво легко.

Що вечора збиралыся до неи гости. Иноди хто прыносывъ зъ собою и пляшку горилкы, але Тытьяна того не любыла, бо боялася, щобъ Степанъ не напывся та не побывъ іи, и прыймала до складчыны тилькы ласощы та церковне выно.

Найбильшои цикавости за-для Прискы додавалы цимъ бенкетамъ не такъ ти дешеви та немицни вына, не такъ ти ласощи, якъ незвычайно гостри, весели оповидання Степана та самои Тытьяны.

Степанъ за пъять рокивъ свого слугования у Варшави за денщыка поручыкови Петрову набачывся и людей, и свиту, наслухався и правды, и брехни и мавъ що оповидаты. Тытьяна не выходыла у своихъ оповиданняхъ за межы мійского торгу, але жъ и ій не бракувало николы цикавыхъ новынъ. Вона все знала, все чула и вмила добре розсказаты про жыття миськыхъ панивъ.

Сама Приська не прыймала участи у тыхъ бéсидахъ: вона не мала чого ни додаты, ни зауважыты до певныхъ ричей Тытьяны, Степана та ихъ гостей. Вона тилькы слухала, але слухала пыльно, бо розмова доторкалася цикавыхъ ричей. И яке то справди цикаве жыття було у городи, поривняючы до хлиборобського! Никому не спадало и на думку гудыты ёго. Тытьяна

судыла то ту, то иншу наймычку, то одну, то другу господыню, але жъ чы осудыла вона хочъ разъ саме життя наймычкы, чы помъянувъ хто добрымъ словомъ становыще сильскои господаркы? Иноди бесиды ци робылыся занадто бучнымы: часто почыналы жартуваты, пустуваты и разъ якось молоденька перекупка, Галька, зважылася заспиваты...

— Не такъ бо голосно—панъ гниватымутся!—спынила ii Приська, щильно прычыняючы двери зъ кухни.

— Панъ? здывувалася Тытьяна.—Якь разъ! Панъ оце бъ и самъ прыбигъ сюды, якъ бы знавъ, що у насъ така вродлыва гостя. Ось пиды-бо навмысне, Галько, за чымъ-небудь до пана.

— Ще що выгадають?—зареготалася Галька.—Шидить сами.

— Шкода! Панъ такыхъ гладкыхъ, якъ Тытьяна, не любыть. Ёму щобъ и зростомъ высоченька и станомъ тонесенька, щобъ и губы повни, и очи голуби,—обизвавсь Степанъ.

— И неправда!—залылася на всю хату Галька; у Санькы очи булы кари.

— Кари, кари,—пидтрымала ii Тытьяна. Отъ зъ кымъ пороскошувала я: николы було у кухни не прыбыраю. Загадаю Саньци—вона вразъ и перемые и вымете... Ажъ шкода дивчыны... Вона вже мала и замижъ йты.

Ой горе, лыхо, лыхо:
Полюбывъ я ковалыху,
Мавъ за себе ii браты
Та прыйшлося кумивъ зваты—

заспивала Галька.

— Цытьте-бо!—спынила ii вдруге Приська:—панъ щось пышуть.

— Яка намъ корысть зъ того,—що панъ пыше? Спыше, та намъ не прочыта, а мы ось якъ заспиваемъ, то й винъ послуха.

Ой горе, лыхо, лыхо,
Полюбывъ я ковалыху...

заспивавъ и соби Степанъ, прысуваючысь блыжче до Приськи. Тытьяни здалося, нибы навить винъ пидморгнувъ молодыци...

— Навидайся лышень до пана! Може вже часъ и лижко перестылаты, а ты тутъ вытрышкы справляешъ!—несподивано накынулася Тытьяна на Приську.

Приська глянула здывовано на куховарку, хотила нагадаты ій, що панъ самъ дзвонить, якъ чого треба, але роздумала и пишла до пана.

Панъ сыдивъ за велыкымъ столомъ и выводывъ щось пером по билому блескучому паперу. Якъ тилькы увійшла молодыця, винъ знявъ окуляры, одкынувся на спынку стульця и ставъ прыдывлятыся до неи. Приська переслала лижко, прыставыла кругленькый столыкъ до ёго, наготовыла воду и надійшла блыжче до пана, щобъ взяты на велыкому столи свичку; панъ прытягнувъ іи до себе и мицно поцилувавъ въ губы.

Молодыця спалахнула, якъ жаръ, хотила було щось ёму сказаты, але панъ, немовь то и не винъ, немовъ ничого й не було, вже складавъ книжкы на полыци.

Якъ виднестыся до того поцилунка?—думала сама соби молодыця.—Жартъ це?—звычка безкраю ласкавого пана? Пожаливъ винъ іи, якъ батько дочку, чы....?—Але Приська не хотила навить и думаты щось погане про свого пана. Вона швыдко выйшла зъ покоивъ и повернулася до кухни. Гостей вже тамъ не було, и Тытьяна лаялася зъ Степаномъ.

— Чого це ты такъ розчервонилася? Улучывъ хто по ныци?—покынула вона Степана, та напалася на Приську.

— Хто бъ мене бывъ?—запыталася Приська, мымоволи опускаючы до долу очи.

— Чого ты вовкомъ дывышся? Чого одвертаешся?—не стыхала Тытьяна...

— Чого вы прычепылыся? Выннa я, що краска на выду заграла?—обизвалася Приська.

— Вже я даремно не прычеплюся! Я тебе наскризь бачу! Знаю я тыхъ молодыць, що чоловикивъ кыдають! Трывай, трывай: пани прыйидуть,—все розскажу.

— Що я заподіяла? Що вы розскажете?—запыталася молодыця мало не зъ плачемъ.—Чого воны напалыся?

— Плюньте на оту гладку тетерю. Знаю я, чого вона лютуе, та не поможется!—обизвався Степанъ.

Сихъ сливъ було досыть, щобъ вкрай роздратуваты куховарку. Вона вже не разъ прымичала, що Степанъ накыдае окомъ на Приську, але тилькы теперъ впевнылася, що парубокъ не жартуе.

— Знаю я й не пытаючысь тебе, чого ты така червона! Не дурно такъ довго лижко панови перестылала.—Знаю я ёго норовы!—Пожды, волоцюго никчемный, розскажу я й про тебе, якъ ты и сино и овесъ у шынку переводышъ! Не довго справлятымешъ вытришкы зъ цією банькатою совою,—обохъ выжену! Я тутъ дванадцять рокивъ служу,—мени пани швыдче виры ноймуть, мое право буде!—лютовала Тытьяна.

Приська спочатку видповидала ій, змагалася, але згодомъ, впевнывшысь, що куховарка й не слухае іи, замовкла и заснула.

На другый день прыйихала пани. Се була вродлыва, але дуже пышава жинка рокивъ трыдцяты пъяты. Панъ зустривъ іи и дитей на порози, розцилувавъ, роспытавъ про дорогу, здоровья и все це тыхенько та ласкаво. Пани видповидала нервово, въ голоси іи почувалася досада: вона пидставыла знехотя свою щоку панови до поцилунка и подалася зразу до своеи кимнаты. Бонна одвела дитей у прызначену имъ кимпату; панъ пишовъ до себе, и симья зразу розчалылася на тры зовсимъ окреми, самостійни частыны. Пани прыймала своихъ гостей, панъ, повернувшысь зъ суду, йшовъ до своихъ знаёмыхъ, або зачынявся у своёму кабинети; диты бачылы вчыталивъ та бонну, и нихто никому не завважавъ, нихто никому не перечывъ жыты по своій охоти. Въ кухенни порядкы тежъ не мишався нихто, и Тытьяна знала, що казала, якъ обищалася выгнаты Приську зъ двору. Не выгнала вона та не допекла до краю тилькы зарады тіеи прыхыльности пана до молодыци, що зъ кожнымъ днемъ побильшувалася. Тытьяна николы не перечыла панови и не змагалася зъ ёго полюбовныцямы: за це ій перепадало не мало; на

сей же разъ вона здатня була и сама заплатыты Присьци, абы вона видносылася прыемнише до пана и тымъ одвернула видъ себе серце Степана. Але молодыця не подавалася ни на улестливи слова пана, ни на умовляння Тытьяны „буты веселенькою“ та „не дывытыся на пана вовкомъ“.

Такъ пролынувъ мисяць. Разъ якось зибралася пани пойихаты до знаёмыхъ. Панъ провивъ жинку ажъ до брычки, помигъ ій систы, обгорнувъ ногы теплымъ платкомъ, поцилувавъ затягнуту у рукавычку руку и повернувся у сины.

Тамъ стояла Приська. Панъ обнявъ и прошопотивъ ій щось.

Приська почервонила, одипхнула видъ себе пана и выбигла на двиръ. Тытьяны не було дома, а Степанъ гулявъ на воротяхъ зъ сусидськымъ кучеромъ. Приська надійшла до ныхъ. Черезъ яку хвылыну сусидського кучера поклыкалы, и Приська та Степанъ зосталыся вдвохъ. На двори було тыхо, зоряно, людей вешталося по вулыци багацько. Приська задывылася, забалакалася и не прымитыла, якъ повзъ ихъ пройшла Тытьяна.

— Гей, ты, Присько! Чого ты швендяешъ тамъ, по вулыци? Пыталася ты дозволу гуляты?—гримнувъ несподивано у видчынене викно панъ.

Приська схопылася, метнулася у кухню, але тамъ ій сподивалася вже Тытьяна.

Чого вона ій тилькы не наказала, якыхъ прызвыщъ не надавала? Обурена ревнистю та пересердьямъ куховарка не памъятала гараздъ, що каже, и Приська зрозумила тилькы, що вже ій тутъ жыття не буде, що треба добуваты другого мисця та тикаты звидциль.

Одже Присьци не довелося дотягты тутъ останнёго тыжня.

Панъ зважывся пожартуваты зъ молодыцею ще разъ.

Приська не стерпила.

— Якъ же вамъ пане, не грихъ, та не соромъ мене чыпаты? У васъ и жинка и диты йе,—мовыла вона. Панъ засміявся и хотивъ ій ущипнуты.

— Не вьязнить!—гримнула на ёго молодыця.

Панъ погодывъ трохы, покы молодыця пересердыться, и въ ту хвылыну, колы вона найменьше цёго сподивалася, ущипнувъ іи.

Ображена, безъ краю роздосадована Приська, штовхнула пана у груды.

— Пфу!—плюнувъ панъ зъ такою огыдою, немовъ то передъ нымъ стояла не Приська, не вродлыва молодыця, а якась потороча...

— А що? диждалася? Заплювалы очи?—почала дратуваты Тытьяна молодыцю.—Думаешъ—я не бачыла? Я весь часъ пидъ дверыма простояла, все чула.

— Колы чулы, то й не брешить, бо я и вамъ очи заплюю!—скыпила Приська.

— А ну, а ну, спробуй!—взялася у бокы Тытьяна!—Наблызься лышень!

— Що це за галасъ! Хто тутъ крычыть!—убигла пани въ кухню.

— Розсчытайте мене, пани! спасыби вамъ за хлибъ-за силь! прослужыла дванадцять рокивъ та мабуть вже обрыдла, що вы мене на поталу останній волоцюзи виддаете. Служыла я у васъ дванадцять рокивъ, служыла-бъ и покы вику мого, та...—заголосыла на всю хату Тытьяна.

— Ахъ, Боже мій! Що таке? У чимъ ричъ? Чого вы плачете?—схопылася пани за голову.—Не мучьте мене,—у мене голова болыть. Що тутъ скоилося?

— Розсчытайте мене, панійко, безъ гнива безъ клопоту, шукайте соби иншои куховаркы. Не можу я дали терпиты, не можу дали зносыты!—заголосыла изнову Тытьяна.

Пани здавыла ще дужче голову рукамы. И де та правда на Божому свити? Вона и такъ сёгодни нещасна: стилькы перемучылася, стилькы попоплакала, покы вырядыла за-кордонъ молоденького ликаря, що такъ добре вмивъ пользуваты іи видъ якоись незвычайнои хвороби, а тутъ ще ци кухнянськи турботы...

— Розсчытуйтесь, що хочете робить, тилькы не гвалтуйте, не турбуйте мене!—ажъ попрохала пани.

— Це-жъ вона, це-жъ все черезъ неи. Поки не було ии, то й все благополучно було, а теперъ життя никому немае... Роботы зъ неи не пытай, сама за неи все робы, а вона тебе ще й лае—поскаржылася Тытьяна на Приську.

— Я свое дило роблю, ще й вамъ пособляю,—обизвалася Приська.

— Ся Приська,—справди нездатня никуды покоянка,—обизвався на дверяхъ панъ.

Молодыця, наче ужалена, круто повернулася всимъ станомъ до пана и глянула на ёго: винъ бувъ спокійный, якъ и завжды.

— Ничогисенько не хоче робыты!—пидтрымала пана Тытьяна.

— Чого-жъ вы мовчалы доси? Хто васъ прыневолювавъ терпиты нездатню наймычку? Чому вы мени доси не сказалы, що вона не хоче робыты?—запытала зъ видчаемъ пани Тытьяну.—Чого вы сами не прогналы ии доси, колы вона вамъ не довподобы?—звернулася вона до пана, все дужче та дужче стыскуючы свою голову.—Скилькы вамъ слидъ грошей?—запытала вона Приську.

— Тры карбованци,—видповила Приська.

Пани кынула ій тры карбованця на стилъ, и незабаромъ молодыця мусыла податысь знову до Сохвіи Трохымовны.

XII.

Сохвія Трохымовна ажъ рукамы сплеснула, якъ побачыла Приську та ій хвурмана на своёму подвиррю.

— И тамъ не выбула?—запыталася вона докирлыво.

— Снагы не постачыло дотягнуты и сёго тыжня до мисяця. У тіеи пани наймычокъ за собакъ мають, а у цихъ и того гирше,—поскаржылася молодыця.

— Вередлыва-бо ты, якъ бачу, та балувана дуже. Теперъ не знаю, що зъ тобою робыты, куды тебе и диты. Ту хату,

що черезъ сины, займають кватыранткы, а у моій кимнати, сама бачышъ, тисно. Не можу я тебе пустыты, нема у мене кутка про тебе,—мовыла Сохвія Трохымовна, и не дывлячысь на Приську.

Молодыця не знала, що робыты: куды вона подинется, до кого звернется, де перебуде той часъ, покы Степанъ знайде ій яке прыстановыще? Лейба перестрывавъ ій на дорози, радывъ йихаты до паныча якогось, обицявъ по симъ карбованцивъ на мисяць,—але вона побоялася, не схотила. Чы то-жъ ій ночувaты середъ вулыци, чы стукатыся у двери до незнаёмыхъ людей?

— Перебуду-бо я у васъ хочъ одынъ день,—попрохала вона несмилыво.

— Тисно у мене, сама бачышъ, а чоловикови сёгодни ще й прянykы пекты...

— Мени абы хочъ перночувaты,—попрохала Приська.

Сохвіи Трохымовни стало шкода молодыци.

— Внось скрыню—ничого робыты, тилькы памъятай, що це въ остатній разъ.

— Я задурно не схочу..., я заплачу вамъ, скилькы звелыте... у мене йе грошы,—поспишылася заспокоиты Сохвію Трохымовну видразу повеселивша Приська.

— Звычайно: даровани шматкы тилькы старцямъ не вадять. Та я-бъ не схотила ни грошей твоихъ, ни платы, абы ты тилькы не зайиздыла до мене,—мовыла перекупка, все скоса та непрывитно поглядаючы на молодыцю.

— Ой, чогось-то вы мене, титусе, та й не злюбылы!—зитхнула Приська.—Може вамъ що набалакано про мене?

— Ничого я не чула про тебе, а сама бачу, що не буде добра зъ тебе, по правди тоби кажу. Побачыла було я, якъ ты на сели жывешъ, пожалила, зглянулася на твои слёзы, прывезла въ городъ, а теперъ же и каюся,—мовыла Сохвія Трохымовна, скыдаючы верхню спидныцю.

— Чому?—здывувалася Приська.—Хыба я що погане заподіяла? Вы гниваетесь на мене, що я оце Боголюбовыхъ по-

кынула, а колы-бъ вы тилькы зналы черезъ вищо, то ще-бъ и похвалылы мене.

— Ничого я, молодычко, прыкрого про тыхъ панивъ не чула, а знаю, що выбувають тамъ наймычкы и рокы, не то тыждни. Тытьяна вже тамъ, гляды, чы не дванадцять рокивъ прожыла; Санька бильше року була и служыла-бъ тамъ и доси, якъ-бы не ии грихъ.

— То-жъ то й горе! Я вамъ розскажу про Саньку,—мовыла Приська.

— Добре, добре, розскажешъ колысь, а теперъ мени николы: треба бигты у лёхъ та пособыты доньци сыръ покрышкамы перемиряты; накупыла вчора пивъ-пуда та не продала й половыны. Не дай Господы, якъ ще й завтра не продамъ!— заклопоталася перекупка.

Приська залышылася сама у хати. Довго просыдила вона самитня биля виконця, встыгла вже чымало передуматы и прыгадаты, вже й смеркаты почало, вже-бъ вона выпыла охоче й склянку чаю, а хазяивъ все не було.

Нарешти, якъ смеркло вже чысто, прыйшовъ Петро Купрыяновычъ зъ своимъ наймытомъ. Винъ у питьми не спостеригъ Прискы и, гадаючы, що самъ зъ хлопцемъ въ хати, почавъ гриматы, та лаяты, та проклынаты всихъ, почынаючы зъ жинкы, що чорты десь розносылы у таку пору, колы треба свитло свитыть, та хлопця, що не зумивъ роспродаты прянык ивъ, и кинчаючы спасеннякамы, що, говіючы, шкодилы шага на его макивныкы выкынуты. Колы-жъ винъ чыркнувъ сирныка, та угледивъ молодыцю, то ще дужче посатанивъ и хочъ прывитався до гости, але такъ вызвирывся на неи та ии скрыню, що молодыця мала вже тикаты зъ хаты.

— И самоварю доси нема! Прокляте жыття! Цилый день выстоишъ на тій куряви, або на морози, а прыйдешъ до-дому, никому й нагодуваты. Бижы мени зразу по Сохвію, де вона сыдыть? Скажы, щобъ чаю мени дала—я й не обидавъ доси!— звернувся хазяинъ до хлопця.

— Воны у лёху сыръ миряють. Дайте мени самоварь, я сама настановлю,—обизвалася Приська.

Петро Купрыяновычъ видразу помьягчавъ.

— Хай хлопець настановыть,—мовывъ винъ.—Гей, ты!—моторнише!—гримнувъ винъ на наймыта и сивъ крутыты цыгарку.

Незабаромъ прыйшла и Сохвія Трохымовна зъ донькою. Вона була сердыта не меньше за чоловика, бо сыръ почавъ снядиты, одначе не давала соби воли, не лаялася, а навпакы бильше мовчала та нышкомъ зитхала.

Донька—высока, голубоока, струнка та проворна, якъ въюнъ дивчынка рокивъ пьятнадцаты—жваво налагодыла що слидъ до чаю, вытягла зъ скрыни вязку бублыкивъ, достала зъ судныка десятокъ чорствыхъ прянykивъ, подала самоварь, набыла сахарю и, доручывшы все господарство матери, накынула платокъ.

— Куды ты?—запытавсь строго батько.

— Пиде до Катри—пособыть сестри ракивъ перебираты, бо вона не роспродала вчора.

— Хай имъ чортъ, тымъ самымъ ракамъ! Блызькый свитъ ажъ на Олійныци бигты! Хай сыдыть дома!—мовывъ Петро Купрыяновычъ.

— Катерына сама не управыться,—обизвалася Дунька.

— Управыться!—не подавався хазяинъ.

— Якъ то можно сказаты „управыться“? Накынулы-бъ оце тоби четверо дитей манесенькыхъ та звелилы за ничъ визъ ракивъ перебраты—чы управывся-бъ ты? Колы Дуньку не пускаешъ, то я сама пиду, а ты, якъ хочъ, такъ и управляйся безъ мене,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— И управлюся,—одризавъ Петро Купрыяновычъ.

Сохвія-Трохымовна вырвала зъ Дуньчыныхъ рукъ платокъ и, не допывшы и блюдця чаю, побигла. Приська выпыла одну склянку и подякувала. Петро Купрыяновычъ выпывъ зо тры, тоди поклыкавъ наймыта, звеливъ ёму швыдче пыты чай та вносыть дрова. О десятои годыны затопылы пичъ. Петро Ку-

прыяновычъ, слабый на ногы та на груды, дуже стомленый, ледве ходывъ. Безъ Сохвіи Трохымовны ёму прыйшлося скрутно; коныкы, куколкы та пивныкы, що выроблявъ винъ, выходылы чогось неривнымы та крывобокымы, маковныкы занадто велыкымы.

— Кыдай все у помыйныцю! Хай вона задавыться! У пекли краще, на каторзи легше, нижъ отутъ!—крыкнувъ винъ, вырываючы зъ рукъ хлопця вже выроблени пряныкы.

— Таточку, таточку!—спынила его перелякана Дунька.— Погодить краще, не печить сёгодни, хай маты завтра.

— Маты завтра? А йистымешъ ты що завтра? А подинешся ты куды завтра, якъ оцю хатыну банкъ продасть? Що ты скажешъ, якъ опынышся безъ прыстановыща? Батько, скажешъ, ледачывъ? Про те забудешся, що батько пьятнадцять рокивъ въ клуби за поваря одпикъ, здоровья тамъ загубывъ, пряныкы пьять рокивъ тыривъ на торгъ, покы васъ выгодувавъ та грунтъ прыдбавъ? Те все забудется, а памьятатымете тилькы мою лайку!—казавъ Петро Купрыяновычъ, выбываючы зъ усіеи сылы важке тисто объ стилъ.

Дунька знала добре вдачу свого батька и мовчала. Швыдко-не швыдко, але нарешти попеклыся пряныкы. Петро Купрыяновычъ повыймавъ ихъ зъ печи и пишовъ у сины спаты.

Дунька хотила помостыты Присьци и на сей разъ на лижку, але молодыця не схотила и лягла поручъ зъ Дунькою доли.

Натомлени дивчына та наймытъ жыво заснулы. Петро Купрыяновычъ довго ще кашлявъ та зитхавъ, а Приська ворочалася до самого свиту зъ боку на бикъ: розмова Петра Купрыяновыча, его речи не йшлы у неи зъ думкы. Чы то справди жыття сіеи симьи таке сутужне, чы то тилькы Петро Купрыяновычъ зъ пересерди скаржыться на ёго? Якъ подывыться на цю кимнату, на обставыны, на одягу, на зйижу, та прыривняты до сильского жыття, то и въ голову не прыйде никому спытаться: чы Трохымови, Данылови, Максымови, чы оцёму бидолашнёму Петру Купрыяновычу легше та краще на свити жы-

вется? А адже не солодко й ёму хлибъ доходытся, не дуже мицно стоить та госпо́да, збудована на пряныкахъ та макивныкахъ! Хыба може винъ бреше, або Сохвія Трохымовна переводыть грошы марно?

Мынавъ день, другый, а Степанъ все не сповищавъ молодыцю про мисце, и Приська жыла у Сохвіи Трохымовны. Перекупка, довидавшысь зъ певныхъ джерелъ, що про Приську ще не ходыть худои славы, видразу зминыла свои видносыны до неи и стала поводытысь краще, але вона и доси не роспыталася іи, черезъ вищо вона покынула и Куракыну, и Боголюбовыхъ, що ій тамъ було не до вподобы, бо не мала на балачкы вильного часу. Приська іи бачыла тилькы на хвылыну-на дви, за обидомъ, або у вечори. Сохвія Трохымовна вставала у-досвита, вытопляла пичъ пры свитли и потимъ мало не до пивъ-дни сыдила биля рундучкивъ. По обиди вона перемывала масло, перебирала крашанки, солыла сыръ, важыла, миряла, бигала на пораду до иншыхъ перекупокъ, йиздыла по селахъ, купувала щось, продавала и не сыдила николы дома. Дунька пособляла то матери, то замижній сестри, перекупци рыбы та ракивъ, перебирала, прала, шыла, доглядала господарства, навидувалася до кватырантокъ—одно слово крутылася тежъ увесь день, якъ муха у окропи. Приська сыдила за шыткамы та прыдывлялася до всёго, и зауважыла вона немало цикавого. Насампередъ кынулося ій у вичи те, що тутъ дуже велыке значиння додавалы грошамъ-копійкамъ. На тыхъ копійкахъ, що прыносыла Сохвія Трохымовна та Петро Купрыяновычъ зъ торгу, будовалося все жыття всіеи симьи, але-жъ... то не булы ти „готови копійкы“, про котри марыла молодыця—ци копійкы доходылыся перекупкамъ ще тяжче, нижъ хлибъ селянынови, прынаймни вымагалы видъ ныхъ далеко бильше турботъ, клопотивъ та пыльнування, колы не праци, и Приська побожылася сама соби, що й до вику не буде перекупкою.

— Недобрый борщъ сёгодни,—мовывъ якъ-то Петро Купрыяновычъ.

— Недобрый торгъ бувъ,—видповила Сохвія Трохымовна.— Уторгувала всёго двадцять копіёкъ, купыла хлиба та до хлиба, а мняса тилькы хвунтъ взяла.

— Отъ сёгодни я пообидавъ усмакъ,—мовывъ другымъ разомъ Петро Купрыяновычъ.

— Бо добре масло продала,—видмовыла Сохвія Трохымовна.

Ни, така непевнисть, така залежнисть людыны видъ тіеи щоденнои копійкы, була не до вподобы Присьци—становыще жинкы мійского наймыта або хочъ и самои наймычкы здавалося далеко кращымъ.

—

У пьятныцю раненько прыбигъ Степанъ до Приськи. Винъ сповистывъ ій, що вже найшовъ гарну посаду и звеливъ ій, щобъ вона выходыла сёгодни у обидню пору до крамныць, звидкиль вже винъ поведе ій до панивъ Рыбалкиныхъ. Тилькыщо молодыця хотила похвалытыся Сохвіи Трохымовни та простяглася до лёку, колы видчынылыся ворота и вйихавъ якыйсь возокъ. Приська глянула и ажъ злякалась: то прыйихавъ дядько Максымъ.

— Хвалыты Бога, такы утрапывъ! Здорово, Присько, чы прызнала?—звернувся винъ до небогы.

— А якъ-же! Ще-бъ не прызнала?—мовыла молодыця и, чы то зъ переляку, чы зъ несподиванкы, цмокнула ёго въ руку.

Скучыла, мабуть; обрыдлы чужи люде, зрадила родычови!— промайнуло у голови дядька.

— Се ты въ гости прыйшла, чы може тутъ служышъ?— запытався Максымъ, сидаючы на стульци.

— Ни... такъ...,—вагалася молодыця.

— Мабуть мисце утеряла?—догадався дядько.

— Оце четвертый день безъ мисця,—мовыла, увиходячы та витаючысь до Максыма, Сохвія Трохымовна.

— Гм...—мовывъ про себе Максымъ. Робыты мабуть не схотила? Годыты роботою не вмила?

— За роботу мене нихто не лаявъ,—видповила молодыця.

— Такъ чого-жъ ты розсчыталася?

— Трохы ти паны булы не до вподобы, а трохы и я на ныхъ не потрапыла.

— Хыба воно въ городи наймытъ до панивъ прыстановляется, а не до роботы? Вже колы-бъ робыла гаразд та знала свое дило, то и катови догодыла-бъ. Ледачила мабуть и тутъ у холодочку такъ само, якъ и на сонци?—допытувався Максымъ.

— Ни, таки це правда, за роботу ій нихто не осудыть: гарна зъ неи покоянка,—заступылася за молодыцю Сохвія Трохымовна.

— Вона вамъ бреше, а вы ій виру ймете. До гарного робитныка ніякый господарь не прысикается,—мовывъ зъ певнистью дядько.

— Балакайте!—скыпила молодыця. Спробувалы-бъ у пани Куракынои або у того Боголюбова, хай винъ сказыться, выбуты!

— Що-жъ тоби тамъ за лыхо було? Хай вже на сели тебе жныва, харчы, та недостатки зайидалы, а тутъ-же и кумедіи, и театры, и музыкы, и мьяса, и все, чого такъ твоя ненажерлыва душа бажала. Чого ты, напрыкладъ, оту першу пани покынула.

— Я не кыдала,—вона мене сама прогнала,—видповила Приська.

— Завищо?

— Якъ я вамъ розскажу завищо? Розсердылася, тай прогнала.

— То-бъ то дала у потылыцю та дрючкомъ зъ двору, якъ собаку? Розумна пани: бачыть, що собака покынула свій двиръ та блукае по чужыхъ закуткахъ, та й прышанувала, якъ слидъ.

— Се вы и въ городъ за тымъ прыйихалы, щобъ дратуваты мене?—розсердылася Приська.

— Про те, чого я въ городъ забывся, я тоби розскажу потимъ, а теперъ ты мени скажы ще, черезъ вищо ты у другыхъ панивъ не схотила служыты?—запытався Максымъ.

— Черезъ те, що панъ хотивъ мене зробыты своею полюбовныцею!—одризала Приська и одвернулася до викна.

— И панъ той не дурный: бачыть, що молодыця покынула свого чоловика, законъ поламала...

— Тётю!—заступиться хочъ вы за мене; чого вонѣ нападаются на мене?—заплакала Приська.

— Ты не плачъ, а скажы мени краще: що ты думала, якъ тикала въ городъ, яки у тебе думкы булы? Вжѐ-жъ ты намирылася служыты; а служыты—треба годыты, а кожному якъ годыты, то треба и душу и тило занапастыты. На селѣ ты-бъ жыла, якъ Богъ, та вси люде велять, а тутъ „плыгаты-мешъ, враже, якъ панъ скаже", бо у городи скилькы будынкивъ—стилькы и звычаивъ, скилькы панивъ—стилькы й обычаивъ. Пойидьмо, дочко, до-дому, то краще буде! Маты за тобою побывается, сестра тежъ... немовъ ій хто зъ помыйныци умывъ: соромно ій передъ сусидамы за тебе; Трохымъ—сердытся та лае тебе. Зайихавъ до Даныла—винъ и хату обмазавъ, и хлибець звизъ, кабана купывъ,—все тебе сподивается.

— Хай не сподивается!—перепынула дядькову ричъ Приська.—Хай краще самъ иде въ городъ та служыть...

— Хай-же ты того й не диждешъ!—розгнивався Максымъ.—Чоловикъ тилькы що за розумъ взявся; до роботы кынувся, на господарську стежку выйшовъ, а вона ёго у мандры тягне... Збирайся краще ты та пойидьмо безъ сварки.

— Я не пойиду.

— А може-бъ ты й справди йихала до-дому?—обизвалася Сохвія Трохымовна.—Тоби, серденько, щось нещастыть: который день вже сыдышъ, та й доси не знайдешъ мисця.

— Вже йе!—мовыла Приська.

— Хто-жъ тоби знайшовъ?—здывувалася перекупка.

— Степанъ.

— Ось бачъ! Вже якыйсь и порадныкъ Степанъ знайшовся,—пидхопывъ Максымъ.

— Знаёмый дворныкъ—бильше ничого,—мовыла Приська.

— Та воно такъ завжды бувае: спочатку познаёмлятся, потимъ служать вкупи, а потимъ и злыгаются. Гляды, Присько! не було у нашому роду непутящыхъ молодыць, не попустымо

и тебе волочытыся: прочую—то не подарую!—погрозывся Максымъ.

Приська образылася.

— Покы ще я ничого такого не заподіяла, то й не дорикайте,—мовыла вона.

— И тикай до-дому, покы нечыста сыла до гриха не прызвела. Шкодію, що не потягъ хочъ сыломиць Даныла до тебе. Казавъ ёму: „йидьмо, тебе жинка повынна послухаты". Не скотивъ: „своею волею пишла", каже, „то своею хай и вертается", а самъ сердешный тилькы що не плаче. Йидьмо, Присько! Скилькы тутъ не служытымешъ—чужымъ попыхачемъ помрешъ, а на сели будешъ сама соби господынею,—пораявъ ще разъ Максымъ.

— Не буду я и тутъ попыхачемъ. Не умовляйте мене, бо не пойиду; скажить и Данылови, щобъ не сподивався,—видповила молодыця, накыдаючы на голову платокъ.

— Куды-жъ ты?—запыталыся у одынъ голосъ Максымъ та Сохвія Трохымовна.

— Свитъ-за-очи,—буркнула Приська въ синяхъ.

— Не вернется?—запытавъ трохы згодомъ Максымъ перекупкы.

— Повынна-бъ повернутыся: ось-же и скрыня ій и одежа,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— Не повернется; ажъ покы я не пойиду звидциль. Ховатымется видъ мене, якъ вивця видъ вовка, а не прыйде и попрощатыся... Пропаща молодыця на вики... Я такы гадавъ, що вона вже опамьяталася та покаялася, та й прыйихавъ за нею, колы-жъ воно не тее... Ну, хай-же бильше не сподивается мене, хай пропадае черезъ свою дурну голову!—мовывъ Максымъ и пишовъ напуваты коня.

Черезъ часъ мисця винъ выйихавъ зъ двору, а Сохвія Трохымовна побигла изнову до лёху важыты масло.

Л. Яновская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Замѣчательный кладъ велико-княжеской эпохи.

Въ „Археологической Лѣтописи“ за январь н. г., перечисляя случайныя находки прошлаго года, мы вскользь упомянули о замѣчательномъ кладѣ княжеской эпохи и дали обѣщаніе познакомить читателей съ его содержаніемъ впослѣдствіи. Теперь исполняемъ данное обѣщаніе, благодаря любезности Б. И Ханенко, владѣльца этого художественнаго сокровища, предоставившаго намъ возможность подробно ознакомится съ кладомъ. Найденъ кладъ, по всей вѣроятности, осенью прошлаго года; гдѣ найденъ и при какихъ обстоятельствахъ—прежній владѣлецъ клада отказался указать; но, судя по характеру предметовъ и по ихъ богатству, скорѣе всего можно думать, что онъ найденъ въ Кіевѣ.[1]) Почва Кіева дала уже очень много цѣнныхъ находокъ княжеской эпохи, [2]) казалось-бы, что трудно ожидать новаго, но кладъ, о которомъ рѣчь, затмилъ собой всѣ предыдущіе: никогда еще въ одномъ мѣстѣ не было найдено такой массы предметовъ, представляющихъ верхъ техники того періода. Матеріалъ предметовъ—главнымъ образомъ золото и притомъ золото въ художественной обработкѣ; лишь незначительная часть предметовъ

---

[1]) Есть однако факты, указывающіе на городище «Дѣвицу», возлѣ с. Сахновки, Каневск. у., какъ на мѣсто находки клада.

[2]) Находки эти послужили главнымъ матеріаломъ для капитальной работы проф. Кондакова—„Русскіе клады“ (т. I, Спб. 1896 г.), хотя почтенный ученый использовалъ и не весь имѣвшійся матеріалъ.

сдѣлана изъ серебра. Но, несомнѣнно, главную цѣнность клада составляетъ цѣлый рядъ предметовъ, украшенныхъ изображеніями, исполненными перегородчатой эмалью: въ кладѣ оказались почти всѣ типы извѣстныхъ до сихъ поръ предметовъ подобнаго рода.

Составляютъ кладъ почти исключительно предметы личнаго убора и затѣмъ монетные знаки. Среди послѣднихъ есть и византійская монета, опредѣляющая болѣе или менѣе точно эпоху клада, [1]) именно:

1) Золотая византійская монета императора Мануила I Комнена (1143—1180), въ видѣ чашечки съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя по грудь, а на другой—Богоматери, вѣнчающей императора (фигуры въ ростъ).

Такимъ образомъ, кладъ можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ XII ст. или даже скорѣе къ концу его,—къ той эпохѣ, когда мѣстное ювелирное искусство достигло высокой степени совершенства, давая чудные образцы сканного дѣла и, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—перегородчатыхъ эмалей. Не опасаясь впасть въ ошибку, можно утверждать, что и весь настоящій кладъ—работа южно-русскихъ мастеровъ.

Остальные монетные знаки—мѣстные:

2) Золотой брусочекъ, которому сплющиваніемъ придана четырехгранная форма, одинъ конецъ его закругленъ, другой обрубленъ; длина 3 стм., ширин. 0,8 стм., толщ. 0,6. стм., вѣсъ 20 граммовъ. Очень возможно, что это часть золотой монетной гривны; въ 1899 г., въ усадьбѣ Л. И. Бродского, по Екатерининской ул., было найдено два подобныхъ-же предмета, но имѣвшихъ видъ цилиндрическихъ палочекъ; [2]) вѣсъ одной изъ нихъ (меньшей), сохранившейся цѣлой,—95 грам., вѣсъ другой, съ обрубленнымъ концомъ,—141 грам. Повидимому въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ небольшой частью гривны—остальная заразъ или по частямъ отрублена.

---

[1]) По словамъ первоначальнаго владѣльца клада въ немъ находилась и другая византійская монета, къ сожалѣнію затерявшаяся.

[2]) См. Кіевск. Стар., октябрь 1899 г.

3) Восемь серебряныхъ шестиугольныхъ монетныхъ гривенъ, вѣсомъ: 1) 160½ грам., 2) 159 гр., 3) 158½ гр., 4) 157 гр., 5) 156½ гр., 6) 154 гр., 7) 149½ гр. и 8) 147 гр.; сравнительно небольшой вѣсъ послѣдней гривны объясняется тѣмъ, что одинъ изъ концовъ ея немного обрубленъ; никакихъ нацарапанныхъ или нарѣзанныхъ знаковъ на нижнихъ поверхностяхъ гривенъ не замѣтно.

Всѣ остальные предметы, какъ уже сказано, представляютъ изъ себя различнаго рода украшенія и, какъ можно судить, украшенія преимущественно женскія. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ:

4) Золотая княжеская діадема, состоящая изъ 9 пластинокъ. Изъ нихъ, семь имѣютъ видъ кіотцевъ, длиной: 6 боковыхъ—5,4 стм., и средній—5,7 стм., шириной 4 стм.; по краямъ кіотцевъ помѣщены 2 трапецовидныя пластинки высотой 2,7 стм. и шириной 1,5—2,9 стм. Въ вершинахъ кіотцевъ и въ углахъ, образуемыхъ вырѣзами верхнихъ частей, припаяны крючечки, на которыхъ укрѣплялся жемчугъ. У основанія каждаго кіотца имѣется по двѣ петельки, служившія для подвѣшиванія жемчужныхъ пронизей или какихъ-ниб. другихъ привѣсокъ, спускавшихся на лобъ. Къ краямъ пластинокъ придѣланы узкіе ободки съ отверстіями, въ которыя пропускались нитки, соединявшія отдѣльныя пластинки діадемы въ одно цѣлое, но исподней подпайки нѣтъ, такъ что діадема помѣщалась на головѣ, привѣпленной къ какой-ниб. матеріи, скорѣе всего, къ парчевому головному убору.

Каждая пластинка украшена разноцвѣтной перегородчатой эмалью. Цвѣта эмали: бѣлый, синій, зеленый, бирюзовый, желтый и кирпично-красный. Сохранность эсмали не на всѣхъ пластинкахъ одинакова: на однихъ она нисколько не пострадала отъ времени, сохранила цвѣтъ и блескъ, на другихъ-же сильно потускнѣла, иногда совершенно измѣнивъ первоначальную окраску.

Центральный кіотецъ занятъ поясным изображеніемъ мужской фигуры, одѣтой въ синее платье, съ оплечьемъ и лорономъ, украшенными разноцвѣтной эмалью, изображающей цвѣтные камни; на головѣ высокая корона желтаго цвѣта; руки

разставлены въ стороны и въ каждой изъ нихъ по скипетру или знамени, состоящему изъ ручки и укрѣпленнаго на концѣ ея четыреугольника; на четыреугольникахъ по крещатой лиліи, ручки богато орнаментированы разноцвѣтной эмалью. Фигура помѣщена на шарѣ, по бокамъ котораго, какъ-бы поддерживая его, очень пестрой эмалью изображены два грифона, занимающіе и всю нижнюю часть пластинки; фигуры грифоновъ очень неуклюжи—длинныя, на коротких ногахъ. Композиція эта должна изображать Александра Македонскаго, поднимающагося на небо на колесницѣ, влекомой двумя грифонами, согласно средневѣковой легендѣ.

Извѣстно нѣсколько подобныхъ композицій. Укажемъ напр. на барельефъ, вставленный въ стѣну собора св. Марка въ Венеціи,—здѣсь еще ясно виденъ раковинообразный передокъ колесницы и два колеса ея; барельефъ этотъ, имѣющій аналогіи со скульптурными произведеніями Персіи, а также съ греческими сюжетами, нужно отнесть къ произведеніямъ византійскаго искусства. Затѣмъ, тотъ-же сюжетъ повторяетъ одинъ рельефъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (построенъ въ концѣ XII ст.); композиція изображенія здѣсь очень близко подходитъ къ нашей, съ той лишь разницей, что фигура Александра помѣщена не на кругѣ, а на четыреугольникѣ, въ которомъ сплелись хвосты грифоновъ, и въ рукахъ у него, на палкахъ, согласно первоначальной композиціи, помѣщено по животному (въ барельефѣ собора св. Марка—зайцы).

Остальные шесть кіотцевъ украшены одинаковымъ орнаментомъ: посрединѣ кругъ съ орнаментальнымъ крестомъ двухъ рисунковъ, по четыремъ сторонамъ круга—четыреугольники, причемъ, верхніе снабжены еще исходящими отъ нихъ тремя стилизованными вѣтками, а нижніе—такими-же двумя.

Трапѣцовидныя боковыя пластинки украшены такими-же какъ и на кіотцахъ кругами, немного лишь большихъ размѣровъ, и 5-ью треугольничками: четырьмя по угламъ и по одному съ боковъ.

Среди кладовъ княжеской эпохи подобнаго рода діадема встрѣтилась второй разъ. Первая находилась въ кладѣ, открытомъ въ 1889 году въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ Гребеновскаго (хранится въ Эрмитажѣ). Состоитъ она изъ такихъ-же семи кіотцевъ и двухъ придатковъ по бокамъ; но на кіотцахъ, перегородчатой эмалью, изображенъ Денсусъ (Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча, архангелы Гавріилъ и Михаилъ и апостолы Петръ и Павелъ). [1])

Другой видъ украшенія собственно головы, украшенія, довольно распространеннаго и извѣстнаго по прежнимъ находкамъ, составляетъ:

5) Золотая головная повязка, состоящая изъ 18-ти дужекъ или лоточковъ, имѣющихъ въ поперечникѣ 2,8 стм. Каждая изъ нихъ снабжена съ одной стороны двумя петельками, ширина каждаго 0,95 стм. Два лоточка, помѣщавшіеся въ повязкѣ по краямъ, имѣютъ сплошные полукруглые щитки съ овальными камнями по срединѣ и съ петельками, въ которыя продѣвались низки жемчуга вокругъ камней.

Спускаясь ниже, мы имѣемъ въ кладѣ:

6) Четыре золотыхъ проволочныхъ височныхъ кольца, не представляющихъ никакого интереса въ художественномъ отношеніи.

Но за то для ушей есть цѣлая серія роскошныхъ украшеній, въ видѣ серегъ продѣвавшихся въ ухо и въ видѣ ушныхъ подвѣсокъ, именно:

7) Одиннадцать золотыхъ серегъ кіевскаго типа (на проволокѣ по 3 шарика). Изъ нихъ, шарики двухъ сплошь усѣяны мелкой зернью, у одной зернь обведено кружечками, у 3-хъ—шарики покрыты только кружечками, у 3-хъ шарики украшены разводами, исполненными сканью и образующими концентрическіе кружки и кресты, у одной—шарики полуажурные и у одной—ажурные.

---

[1]) Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VIII.

8) Золотая серьга, состоящая изъ проволочнаго кольца съ надѣтой на него круглой гладкой бусиной.

9) Двѣ золотыя ушныя подвѣски (колты), украшенныя перегородчатой эмалью. Подвѣски, полыя внутри, состоятъ изъ двухъ, немного выгнутыхъ, почти круглыхъ, пластинокъ, припаянныхъ къ круговому ободку. Края пластинокъ немного выдаются надъ ободкомъ; такимъ образомъ, получились кругомъ подвѣсокъ желобки, въ которыхъ помѣщены петельки; въ эти петельки продѣвались нити или проволочки съ нанизаннымъ жемчугомъ и кораллами. Въ верхней части подвѣски имѣютъ полукруглые вырѣзы, надъ которыми на шарнирахъ укрѣплены проволочныя дужки, служившія для подвѣшиванія. Высота подвѣсокъ—5,2 стм., ширина 6,2 стм., толщина посрединѣ 1,4; вѣсъ $41^1/_2$ и 43 грамма.

Эмалевыя изображенія, покрывающія обѣ стороны подвѣсокъ, совершенно тождественны какъ на одной, такъ и на другой подвѣскѣ. Лицевые щитки заняты двумя птицами сиринами, онѣ въ круглыхъ сарацинскихъ шапочкахъ, головы окружены нимбами; посрединѣ птицъ—круглая розетка. Середину оборотныхъ щитковъ занимаетъ кружокъ съ вписаннымъ въ него орнаментальнымъ крестомъ; по сторонамъ круга—два сегмента съ вѣтками аканфа; внизу, подъ кругомъ, городчатый треугольникъ.

Эмаль въ общемъ сохранилась превосходно, не потерявъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже блеска, за то въ другихъ краски немного выцвѣли. Лица сириновъ блѣдно-тѣлеснаго цвѣта; шапочки—бѣлыя, орнаментированныя кружкомъ посрединѣ и сегментами по бокамъ—кирпично-краснаго цвѣта; нимбы—зеленые съ краснымъ обводомъ; такой-же красной линіей обведены и всѣ контуры, за исключеніемъ крыльевъ: опереніе—пестрое. Орнаменты оборотныхъ сторонъ также обведены кирпично-краснымъ ободкомъ; въ кружкахъ по зеленому фону, вписанъ синій крестикъ, въ него—бѣлый, затѣмъ идетъ красный, фонъ, на немъ центальный бѣлый крестикъ изъ крещатыхъ лилій (криновъ), концы (цвѣтки) лилій зеленые, въ срединѣ крестика—зеленый кружокъ. Въ сегментахъ, по синему фону,—бѣлыя

вѣтки съ красными цвѣтами у завитковъ. Треугольный отрѣзокъ состоитъ изъ городковъ краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣта.

Точно такія-же подвѣски, лишь съ разницей въ цвѣтахъ эмали, находились въ кладѣ, найденномъ въ 1887 г., въ Михайловскомъ монастырѣ (теперь въ Эрмитажѣ). [1])

10) Двѣ серебряныя ушныя подвѣски. Состоятъ изъ двухъ спаянныхъ выпуклыхъ кружковъ; по ободку припаяно по 13-ти полыхъ шариковъ (сохранилось по 12-ти). Верхнія части срѣзаны и здѣсь на шарнирахъ прикрѣплены проволочныя дужки. Поперечникъ серегъ—5 стм., поперечникъ среднихъ щитковъ, безъ шариковъ—3,5 стм., толщина посрединѣ 1,5 стм. Щитки украшены одинаковымъ рисункомъ: посредствомъ штампа на каждомъ помѣщено по двѣ птицы съ обернутыми другъ къ другу головами; между головами спускается книзу крещатая лилія. Птицы и лиліи воспроизведены выпуклымъ штампомъ, углубленія между и вокругъ нихъ, составляющія фонъ, заполнены чернью.

Аналогичныя серьги, съ тѣмъ-же мотивомъ рисунка, были найдены въ 1887—8 г. при раскопкахъ городища Старой Рязани; отличаются онѣ лишь болѣе крупными размѣрами и еще тѣмъ, что тамъ шарики не припаяны, а нанизаны на проволоку, которая прикрѣплена къ ободку серегъ петельками. Очевидно, что этотъ типъ серегъ образовался изъ первоначальной замкообразной подвѣски, ободокъ которой былъ украшенъ ниткой жемчуга. Жемчугъ былъ затѣмъ замѣненъ нанизанными серебряными бусами (какъ на рязанскихъ экземплярахъ), впослѣдствіи-же бусы прямо припаивались къ ободку.

По своей грубости, данныя подвѣски рѣзко отличаются отъ остального состава клада (кромѣ браслетовъ, о которыхъ ниже).

Затѣмъ слѣдуютъ украшенія шеи:

11) Золотая шейная подвязка, состоящая изъ 50-ти штампованныхъ полуцилиндриковъ съ припаянными донышками. По-

---

[1]) Изданы Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VI.

луцилиндрики украшены тремя рядами штампованныхъ рубчиковъ; длина 2,2 стм., шир. 0,6 стм. Каждый изъ полуцилиндриковъ снабженъ 4-мя отверстіями, въ которыя пропускались нитки.—У двухъ изъ нихъ сбоку придѣланы плетеныя изъ тонкой проволоки цѣпочки, дл. 4,5 стм., у одной изъ цѣпочекъ на концѣ небольшое колечко, у двухъ другихъ,—также сбоку,—петельки, въ которыя продѣвались колечки, и такимъ образомъ соединялись концы повязки. Въ виду того, что цѣпочекъ съ колечками и петелекъ имѣется по парѣ, повязка по всей вѣроятности, раздѣлялась на двѣ части, по 25 полуцилиндриковъ на каждой.

12) Электроновая шейная гривна изъ пластинки, скрученной продольной частой спиралью; концы сходятъ въ круглую проволоку, кончики которой расплющены и завернуты трубочками; длина въ развернутомъ видѣ 44 стм., вѣсъ 135 граммовъ.

13) Такая же шейная гривна, но золотая; здѣсь скрученъ продольной рѣдкой спиралью золотой четырехгранный прутъ; длина $42^1/_2$ стм., вѣсъ 177 грам.

14) Золотая шейная гривна, состоящая изъ пластинки, толщиной въ 1 мм., шириной посрединѣ 1,5 стм. и къ концамъ постепенно съуживающейся; пластинка свернута густой спиралью такимъ образомъ, что образуетъ трубку, діаметромъ посрединѣ 1,7 стм., къ концамъ съуживающуюся и заканчивающуюся сплошной проволокой; длина 52,3 стм., вѣсъ $207^1/_2$ грам. Этотъ типъ гривны встрѣчается впервые.

Особенно богаты и разнообразны украшенія для груди. Выдающійся интересъ представляютъ четыре образка—Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи и архангела, составляющіе Деисусъ:

15) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя. Образокъ круглый, раздѣленъ припаянными золотыми проволочками, имитирующими скань, на 4 концентрическихъ круга. Первый, крайній, кругъ имѣетъ видъ узкаго лоточка съ петельками—предназначался для низки мелкаго жемчуга; слѣдующій, болѣе широкій, заполненъ крупной зернью и въ промежуткахъ

мелкой; эти два круга раздѣлены на 8 частей восемью шестигранными щитками, съ гнѣздами, въ которыхъ помѣщены зеленыя и красныя овальныя стекла; щитки эти немного выдаются за края образка. Третій кругъ—такого-же рода какъ и первый и также служилъ для помѣщенія жемчуга, но уже въ формѣ сплошной круговой низки. По краю четвертаго круга идетъ небольшой ободокъ, немного загнутый; загибъ придерживаетъ вставленный центральный кружокъ, на которомъ и помѣщено изображеніе Спасителя. Вверху, на шарнирахъ, укрѣплено четыреугольное ушко, лицевая часть котораго представляетъ изъ себя гнѣздо съ почти круглымъ камнемъ или стекломъ. Діаметръ образка—6 стм., края щитковъ выдаются еще на 3 мм.; діаметръ центральнаго кружка съ изображеніемъ—3,5 стм. Вѣсъ—36 грам.

Изображеніе Спасителя почти поясное, лицо очень широкое, съ небольшой раздвоенной бородой, голова въ нимбѣ; по бокамъ шеи — $\overline{\text{Гс}}$. — $\overline{\text{Хс}}$. Правая рука — благословляющая, лѣвая скрыта подъ гиматіемъ и поддерживаетъ помѣщенное сверху евангеліе. Эмаль сохранилась въ общемъ хорошо, у шеи немного выкрошилась. Цвѣта ея также неособенно потускнѣли. Лицо—густо-розоваго цвѣта, нимбъ—зеленый, раздѣленный тремя бѣлыми полосками съ синими ромбиками посрединѣ каждой; нимбъ и раздѣленія его обведены кирпично-красной полоской. Нижняя одежда (хитонъ)—зеленаго цвѣта, съ красными поручами и красной наплечной полосой, верхняя (гиматій), закрывающая лѣвую часть тѣла,—синяя; евангеліе бѣлое, съ краснымъ крестикомъ посрединѣ и съ зелеными кружками по угламъ, обрѣзъ евангелія, обращенный внутрь,—краснаго цвѣта.

16) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Іоанна Предтечи. Величина и конструкція совершенно такая-же какъ и у предыдущаго.

Изображеніе Іоанна также почти поясное; голова въ нимбѣ, лицо съ длинной бородой, оно обращено немного вправо, туда-же направлена и приподнятая правая рука—по направленію къ Спасителю; лѣвая рука покоится на груди; съ правой стороны головы надпись $\overline{\text{Іω}}$. Вѣсъ 36 граммовъ. Эмаль сильно окислилась,

такъ что, напр., нимбъ, бывшій первоначально зеленаго цвѣта, принялъ грязно-желтый оттѣнокъ, онъ также обведенъ кирпично-красными ободками; нижняя одежда зеленая, верхняя—синяя.

17) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Богоматери. Образокъ такого-же устройства, какъ и предыдущіе, но немного меньше—діаметръ его 5,3 стм., кромѣ того, два крайніе кружка раздѣлены не 8-ью щитками съ камнями, а всего лишь 6-ью.

Вся фигура Богоматери имѣетъ направленіе въ лѣвую сторону: сюда немного наклонена голова, сюда-же направлена и приподнятая лѣвая рука; правая на груди; по бокамъ головы—$\bar{\text{м}}\text{р}$—$\bar{\text{ѳ}}\text{у}$. Вѣсъ $26^1/_2$ граммовъ.

Эмаль потускнѣла, нимбъ и одежды повидимому такихъ-же цвѣтовъ, какъ и на образкѣ Іоанна Предтечи; у нижней одежды поручи кирпично-краснаго цвѣта.

18) Золотой образокъ съ изображеніемъ архангела. Величина и конструкція такія-же какъ и образка Богоматери.

Голова архангела въ нимбѣ, лицо круглое, молодое, обрамленное длинными вьющимися волосами; глаза обращены вправо, въ лѣвой рукѣ архангелъ держитъ скипетръ, въ правой—державу. Вѣсъ $28^1/_2$ граммовъ.

Эмаль—очень хорошей сохранности; нимбъ—бирюзово-зеленый, обведенъ красной линіей; одежда синяя, оплечье и лоронъ—бѣлые, украшенные синими и красными ромбиками и зелеными треугольниками; держава бѣлая, въ красномъ кружкѣ, посрединѣ ея синій крестикъ.

При помѣщеніи на груди, образки раздѣлялись бусами. Въ кладѣ ихъ найдено нѣсколько видовъ; къ данному назначенію болѣе всего подходятъ нижеслѣдующіе два:

19) Восемь золотыхъ боченкообразныхъ бусъ, дл. 2,6 стм., толщ. 1,5 стм. Бусы гладкія, но имѣютъ 4 продольныхъ желобка и одинъ поперечный вокругъ бусы, посрединѣ ея; желобки образованы припайкой тонкихъ золотыхъ нитей и предназначены для низокъ мелкаго жемчуга, для этой-же цѣли въ нихъ

помѣщены петельки. Украшенныя жемчугомъ, эти бусы имѣютъ очень изящный видъ.

20) Четыре золотыхъ круглыхъ бусы, діам. 2 смт. Бусы ажурные, исполнены сканью, иммитирующей зернь. На трехъ изъ нихъ, въ четырехъ кружкахъ—кресты, съ полушариками въ углахъ, кружки и кресты—изъ крупной зерни; пространство между ними занято четырьмя парами птицъ съ распущенными крыльями, птицы помѣщены одна подъ другой и соприкасаются головами; птицы исполнены мелкой зернью. На одной, въ кружкахъ,—четыре пары животныхъ съ головами, повернутыми назадъ—мелкая зернь; пространство между кружками раздѣлено линіями изъ крупной зерни, образующими кресты. Бусы этого рода встрѣтились среди кладовъ княжеской эпохи впервые. Своей массивностью они выдаются среди другихъ типовъ бусъ и отчасти напоминаютъ капители византійскихъ построекъ.

Роскошью отличается и другое нагрудное украшеніе:

21) Золотая цѣпь, состоящая изъ 20-ти звеньевъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью. Звенья имѣютъ видъ крестовидныхъ пластинокъ, 2,75 стм. шириной и длиной. Пластинки немного выгнуты и снизу подпаяны гладкими золотыми пластинками, такъ что общая толщина ихъ равна 3 мм. Каждое звено соединено съ другимъ шарнирами, въ которыя продѣвалась проволока, снабженная по концамъ жемчужинами. Цѣпь по всей вѣроятности была раздѣлена по двѣ части, по 10-ти звеньевъ въ каждой, которыя соединялись посредствомъ сохранившихся двухъ цѣпочекъ и двухъ колечекъ,—совершенно такъ же, какъ и въ шейной цѣпи или повязкѣ (№ 11). Каждая пластинка занята эмалевымъ изображеніемъ или орнаментального креста (16 звеньевъ), кресты четырехъ видовъ, или птицы (голубя). Цвѣта эмали: бѣлый, зеленый, синій и кирпично-красный. Сохранилась эмаль въ общемъ хорошо, хотя цвѣта ея потускнѣли.

Прошлой зимой, въ собраніе М. П. Боткина въ Петербургѣ, поступилъ другой экземпляръ такой цѣпи—есть полное основаніе предполагать что и онъ происходитъ изъ настоящаго

клада. Совершенно такая-же цѣпь найдена въ Кіевѣ, въ 1827 г., въ усадьбѣ Августиновича по Львовской ул. [1])

Еще одно нагрудное украшеніе, имѣвшее видъ ожерелья и предназначавшееся для верхней части груди, составляли, какъ можно предполагать, слѣдующіе предметы:

22) Шесть золотыхъ крещатыхъ лилій съ ушками для привѣшиванія. Лиліи исполнены штампомъ, снизу подпаяны пластинками; длина 4,2 стм. Подобныя украшенія встрѣчены уже нѣсколько разъ, напр. въ кладѣ въ усадьбѣ Лѣскова, на углу Десятинной ул., на Княжей Горѣ, и т. д.

23) Золотой медальонъ, состоящій изъ круглой пластинки, діам. 3,9 стм., обведенной рубчатымъ жгутикомъ; середину медальона занимаетъ большой овальный граненый горный хрусталь въ гнѣздѣ изъ такого-же жгутика; по четыремъ сторонамъ его, въ гнѣздахъ, два треугольныхъ и два круглыхъ камня. Медальонъ этотъ—пока единичная находка.

24) Десять золотыхъ рубчатыхъ боченкообразныхъ бусъ; длина 2,2—2,5 стм., толщина посрединѣ 1,2—1,9 стм.

Кромѣ золотыхъ, въ кладѣ имѣется еще:

25) Шестнадцать круглыхъ сердоликовыхъ бусъ, діам. 0,7—1 стм.; онѣ, по всей вѣроятности, также входили въ составъ 1-го или 3-го нагруднаго украшенія.

Особнякомъ отъ другихъ предметовъ клада, отличающихся тонкостью и изяществомъ работы, стоятъ два браслета, массивныхъ, грубой, такъ сказать, кузнечной работы:

26) Серебряный браслетъ изъ сплющенной толстой проволоки; концы утоньшены и заложены одинъ за другой; толщина проволоки посрединѣ 0,8 стм., діам. отверстія 6,5 стм.

27) Серебряный браслетъ, витой изъ двухъ проволокъ и также сплющенный; концы не сходятся и заканчиваются львиными головками; толщина браслета 0,8 стм., діам. отверстія 6,3 стм.

---

[1]) Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. X.

Кромѣ перечисленнаго, въ кладѣ имѣются еще кусочки тонкаго листового золота, четыреугольныя маленькія стекляныя пластинки, круглая тонкая перламутровая бусина, четыре перламутровыхъ рѣзныхъ крестика (велич. 1,9—2,1—2,3 стм.), вѣроятно прикрѣплявшихся въ концѣ жемчужныхъ пронизей, и, наконецъ, много жемчуга и отчасти коралловъ, осыпавшихся отъ украшеній.

Присутствіе въ кладѣ діадемы, значительное количество предметовъ, украшенныхъ эмалью, и вообще богатство клада, даютъ основаніе сдѣлать предположеніе, что настоящій кладъ принадлежалъ кому-нибудь изъ княжеской семьи.

Н. Вѣляшевскій.

КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.

Сцены зъ XVII вику у 4-хъ дiяхъ и 7-мы одминахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Князь Романъ Четвертынськый,—старый, немощный дидъ, володарь замку „Княжа Крыныця".

Ядвыга,—ёго дочка.

Тереза,—покоёва панна.

Крыштофъ Корецькый,—ротмыстръ татарськои корогвы гетмана Калыновського.

Панъ Вацлавъ,—маршалокъ . }
Панъ Юлiанъ,—пидчашiй . . . } князя Четвертынського.
Панъ Казимиръ,—пидскарбiй }

Янъ Дембинськый,—капитанъ затяжного нимецького регименту Крейца.

Дитрыхъ,—сержантъ у ёго компанiи.

Данило Татарчукъ,—запорожець, сотникъ надвирнои сотни князя Четвертынського.

Марко Метелыця,—побратымъ ёго, обыдва емиссары Хмельныцького.

Щербаченко,—осаулъ Данила.

Онысымъ }
Павло . . } Дытяренкы,—браты, диды-селяне.

1
2 } парубкы.
3

1
2 } запорожци, немолоди люде.

Грыцько,—коваль
Селянынъ.
Надвирный козакъ.
Селяне, надвирни козаки, 2 нимци, пахолкы.

Дiется у замку Княжа Крыныця и у околыци ёго у квитню 1648 року, въ Брацлавщыни.

ДІЯ І.

(Недиля. Поляна у лиску, у глыбыни выдко лисъ, поле, яры. Ядвыга сыдыть пидъ деревомъ).

Ява І.

Ядвыга и Данько.

Ядвыга. Ой втомылась... та й биглы-жъ! ну добре хочъ усихъ козакивъ покынулы и Терезу... а Яна не мае ще, хочъ вже мабуть йе пивдня (*крычыть по-за кинъ*) Данько!—а ты доси зъ киньмы водышся! чомъ не вьяжешъ?

Данько (*зправа зъ-за сцены*). Заразъ, панночко. Не можно було доси, бо дуже гналы, та знову гнидый укачався-бъ и сидло поломывъ, якъ ото, що безъ мене йиздылы.

Ядвыга. Та вьяжы отутъ на горбочку до сухого береста (*вказуе направо*).

Данько. Щобъ муха бы́ла, чы що?

Ядвыга. То звидцы буде выдко, якъ урвутся.

Данько. Съ чумбуривъ щобъ урвалысь! Хыба дыки кони?

Ядвыга. Балакай, робы що кажу (*на бикъ*). Бида зъ дурнымъ хлопомъ! Янъ и не побачыть, де я (*поглядае направо*).

Добре, що хочъ послухавъ (*зправа Даныло зупыняется пидъ деревомъ осторонь видъ Ядвыгы*).

Ява II.

Ядвыга. А козакивъ твоихъ усихъ розгубылы?

Даныло. Та въ насъ у усій сотни и жадного козака не мае, щобъ за ясною панною вгнався, якъ панна Соколомъ пойиде.

Ядвыга. А ты жъ того Змійчукомъ перейнявъ.

Даныло (*згорда*). То то Змійчукъ!

Ядвыга. Тоби, здается, чымало дававъ за ёго небижчыкъ панъ ловчый; чому не продавъ?

Даныло. Бо не продажный.

Ядвыга. Чому такъ?

Даныло (*усмихается*). Бо краденый.

Ядвыга. Молодый ще? Видколы винъ въ тебе и де ты ёго взявъ? Щось ты брехавъ, та я вже й забула (*сміется*).

Даныло (*усмихается*). Чого-жъ я маю брехаты? Собака нехай бреше. Якъ ще змалку мене пидъ Переяславомъ узято Крымцямы, то усе бувъ у неволи въ Ахметъ-бея коло табуна, а якъ побылы торикъ орду козакы на Тавани, то я на ёму-жъ такы й утикъ зъ табуна. Добрый кинь! И нащо мени ёго продаваты? Зъ ласкы пана й яснои панны, досыть маю, що служу.

Ядвыга. Служышъ добре, колы роззява. Отъ на тымъ тыжни піймавъ коваля, що пана ловчого вбывъ, та такъ добре пыльнувавъ, що й самъ на тимъ хутори вшывся, и козакы повшывалысь, и той утикъ (*сміется*). Добри вартови! Якъ розгнивався панъ князь, казавъ, що тебе замисть коваля повисе, та вже я почала просыты за тебе, що ты мене порятувавъ, якъ Сокилъ мене носывъ, але хтивъ панъ князь хочъ зо сто баторивъ тоби даты, та я такы впрохала.

Даныло (*уклоняется*). Спасыби, панночко ясна, добре серце панна мае (*дывыться у-право, выймае пистоля зъ-за пояса, оглядае панивку*).

Ядвыга. А чого се ты на пистоли дывышся?

Даныло (*поглядае у право*). Бижыть щось сюды... конемъ бижыть... хутко... и не зъ нашыхъ козакивъ, бо Чорнымъ Яромъ... Може, панночко, на коней сядемо?

Ядвыга. Де, де бижыть? Не бачу (*устае, пидходытъ до Даныла*).

Даныло. Чорнымъ Яромъ (*вказуе пистолемъ*).

Ядвыга (*сміется*). Якъ то ты бачышь? кризь лисъ?

Даныло. Гавы переполошылысь, онде выдко... а онъ теперъ тамъ (*вказуе пистолемъ*) ось и зъ лису выбигъ (*ховае пистоль*); одынъ тилькы... и не татарынъ... на сирому кони, мабуть чы не панъ Янъ зъ Оративки... Добрый кинь... просто до насъ подався... Ото жене, тежъ коня не жалуе.

Ядвыга (*жваво*). А добрый йиздець справди?

Даныло. Бачылы мы й кращыхъ.

Ядвыга. Брешешъ, де воны кращи?

Даныло. У Сичи-бъ на ёго й не дывылысь.

Ядвыга (*незадоволена*). Колы-жъ ты тамъ бувъ, що кажешъ?

Даныло (*понуро*). Хочь и не бувъ, то видъ такыхъ чувъ, що бувалы.

Ядвыга (*на бикъ*). Цёго дурня й не переслухаешъ (*голосно*). Але й спека яка... у лощыни вода бижыть,—хутко прынесы, козаче (*вказуе у ливо, Даныло видходытъ у-право*).

Ява III.

Ядвыга (*ходытъ по сцени зворушена*). Янъ, Янъ йиде... чы добру-жъ звистку несе? Ой Маты Божа! И любыть мене тато, и керую нымъ якъ схочу, але боюсь... Якъ не добувъ ничого видъ князя Яремы, то що тоди... що тато скаже? До Четвертынськои свататысь? бидный шляхтычъ! худопахолокъ!

Голосъ Яна (*зъ правого боку по за конюмъ*). Визьмы коня, хлопче!

Голосъ Даныла. Немае часу, пане.

Голосъ Яна. Коня визьмы заразъ, та выводы, вражый сыну, бо шаблею якъ потягну!

Голосъ Даныла. Овва! злякавъ! Гляды щобъ самому...

Голосъ Яна. Тривай, пся кревъ! (*бренькитъ шабель поза кономъ*).

Ядвыга. Маты Божа! Янъ! Назадъ, проклятый! (*бижытъ у-право, черезъ хвылыну ворочается*).

Ява IV.

(*Ядвыга зправа держытъ за руку Яна, у его въ руци вломана шабля, черезъ хвылыну зправа Даныло, шабля въ пыхви, у руци порожня кабакова пляшка, осторонь йде у-ливо*).

Ядвыга. Не поранывъ тебе, Ясю? (*до Даныла*). Здуривъ, проклятый лугарь, чы що? Киньмы тебе звелю розирваты. (*Даныло зупыняется*).

Даныло (*понуро*). Хыба я крипакъ усякому пидпанку коней водыты?

Янъ (*кыдается до нёго*). Але й зухвальство въ хлопа!

Ядвыга (*удержуе ёго*). Ясю, тыхо! (*до Даныла*). Геть звидцы, гайдамако! Де козакивъ розгубывъ? Заразъ знайды и панну Терезу знайды, щобъ сюды йихалы!

Даныло. Та воны й сами слидомъ прыйидуть, а то якъ же воно панна сама зостанется?..

Ядвыга (*пидходытъ до ёго, тупае*). То сыды жъ тутъ и чекай, а якъ прыйидуть, веды на пана пидчашого пасику—розумiешъ? (*выбывае зъ рукы пляшку*). Панъ Янъ зо мною пойиде, коня панського онъ-де ловы. Чекай, скажу князеви, буде тоби, ватажко! (*Даныло понуро видходытъ у-право*).

Ява V.

Ядвыга и Янъ.

Янъ (*вкладае шаблю у пыхву*). Де це узявся такый татарынъ? Одынъ зъ панною?

Ядвыга. То сотникъ новый въ пана князя. Выйихалы мы сёгодни зъ замку: панна Тереза зо мною и надвирныхъ десять; та я якъ пустыла Сокола у ходъ, то вси взаду позоставалысь... А панъ Сокола одразу пизнавъ?..—Тилькы видъ цёго вже не втечешъ, справди що татарынъ, Татарчукомъ ёго й дражнють... Ой, та й перелякалась я! Ледве стою.

Янъ. Зовсимъ нызовець. Небезпешно зъ нымъ панни.

Ядвыга. Ни, пане, слухняный хлопъ и смырный; якъ сказаты що, мыттю зробыть... Сокола мени такъ выйиздывъ, що голосу слухае. Чы не впывся сёгодни зранку, що такый каженый, бо николы зъ нымъ того не було, щобъ навить гнивалась я на ёго.

Янъ. Звидкы-жъ винъ узявся?

Ядвыга. Та оцiеи весны... на полюванни було, якъ зъ соколамы пойихалы. Чувъ и панъ навить, що Сокилъ мене носывъ, мало не вбывъ у лиси, десь винъ тоди узявся на воронимъ, перейнявъ, спынывъ коня, то князь ёго сотныкомъ узявъ.

Янъ. То заразъ замисть Демка?—памьятаю.

Ядвыга (*сумно*). Не згадуй краще про того бидного хлопа. Винъ мене того самого ранку просывъ, щобъ не йихала я Соколомъ: ще винъ неукъ, казавъ, панночко, не сыла буде держаты, то-жъ полювання! А я нымъ вже кильлы разъ йиздыла. Ще тутъ панъ Грохоцкый бувъ молодый, почавъ зъ мене сміятысь, а я розсердылась, пойихала такы, а другого дни каже мени Тереза, що звеливъ тато доты старого нагаямы быты, докы жывый буде... Вирышъ, Ясю, що я два дни плакала! А тато злякався, та вже щобъ мене перепросыты, самъ прыйшовъ, каже: нехай, доню, того вже на тимъ свити Господь помылуе, а той, що тебе вызволывъ, нехай тоби служыть; винъ, каже, й самъ пробыться: зъ неволи, каже, утикъ, тамъ и вырисъ.

Янъ. У неволи, каже, бувъ змалку... а шаблею такъ бьется! Шкода, що пистоли зосталысь у ольстри.

Ядвыга. А ну ёго, ще тато довидався бъ, що мы тутъ бачылысь. Та щожъ панъ мени доси не розскаже, що у Лубняхъ?

Янъ. Якъ Бога кохамъ! то черезъ того божевильного хлопа. Панно Ядвыго, полковникъ я!

Ядвыга (*радисно*). Невже!?

Янъ (*поважно*). Переяславського козацького полку! (*Жваво*) Дуже прывитавъ мене князь воевода: власнои, казавъ, корогвы отакому блазневи не дамъ, але ось поки що листъ пану до пана комисара Зацвилиховського: якъ побудешъ кильки часу, побачу, чы по батькови пишовъ.

Ядвыга. Мабуть, чувъ князь Ярема, якъ панъ торикъ зъ татарвою воювався.

Янъ. Може й такъ (*сміється*). А може й те воно, що казавъ и князь воевода и панъ Мыколай, що не буде у тимъ полку багато морокы полковникуваты, бо якъ прыйде Хмель, то уси козакы до ёго пидуть.

Ядвыга. А панъ такы полковникъ?

Янъ. Ниде правды диты (*обое сміются*).

Ядвыга (*протягае руку для поцилунку*). Оце-жъ пану полковникови (*Янъ стае на колино, цилуе руку; Ядвыга раптомъ нахыляется, цилуе его*). А оце Ясю Дембинському (*уныкае, бижыть у право; Янъ за нею*). На коней, на коней, пане полковныку! (*обое видходять у-право*).

Ява VI.

Черезъ хвылыну зправа Даныло обертается, дывыться у слидъ понуро.

Даныло. Пойихалы на пасику... И той разъ, казавъ осаулъ, на тій пасици до вечера ій чекалы... (*тупае*). И князь ничого не знае (*усмихается*). Що жъ, Даныло, пиды уклонысь князеви та й скажы... або за нымы бижы слидомъ... за тымъ тебе й выправывъ Хмель зъ Сичи, щобъ ты добре доглядавъ, до кого панна Четвертынська у лисокъ выйизжае... Ну, колыбъ я зустривъ десь того вражого ляха... у ночи! (*замысленый*). Панночка не скаже, добра вона... и ляхъ мовчатыме, а якъ ни... разъ маты родыла! (*Стоитъ понуро, зправа зъ глыбыны*

сцены зъ-за деревъ Марко вдаряе рукою по плечу. Розмова— Даныло понуро, Марко весело).

Ява VII.

Даныло и Марко.

Марко. А оглядайсь, козаче, бо на аркани будешъ... Здоровъ!

Даныло. Здоровъ, брате.

Марко. Чого се биглы такъ зъ панною неначе видъ татарвы? Добре, що хочъ не далеко бувъ я отутъ. А чый то сирый, що ты ловывъ?

Даныло (*неохоче*). Дембинського, що зъ Оративки.

Марко. То зъ нымъ вона й пойихала, а сюды не повернутся?

Даныло. Мабуть, що ни.

Марко. Гаразд, бо маю тоби щось казаты. А ничого у замку не чуты?

Даныло. А на сели мабуть бильше.

Марко. Эге-жъ.

Даныло. А вже-жъ.

Марко. А чого се я до тебе прыбигъ?

Даныло. Скажешъ.

Марко. Тютюнъ йе? Давай (*набывае люльку*). Оце бида, брате, й тютюну вже нема и меду вже не дае жыдъ набиргъ, каже: самому нема за що купуваты.

Даныло. Дурный винъ нызовцямъ набиргъ даваты, колы вже Хмель зъ Сичи пиднявся.

Марко. Та якъ бы то тилькы пиднявся, а то вже й лыхивъ побывъ.

Даныло (*жваво*). Гетьманивъ.

Марко. Ну, цыхъ то може ще колысь побье, а молодого Потоцького.

Даныло. А побывъ и зъ гусарамы?

Марко. Побывъ геть, до ногы выризалы.

Данило. То добре! А на сели та по хуторахъ якъ воно?

Марко. Та де-яки хочъ и заразъ: йе тутъ такыхъ, що вже лучалось имъ спысамы ораты. Сотъ изъ пьять вже й спысы мають, бо якъ застукавъ отой вражый ловчый Грыцька коваля, та винъ теперъ у лиси кузню постановывъ, нихто й не знае де, та й куе тамъ. Якъ бы пиднятысь, то, кажуть, и килькы тысячъ може бъ знайшлось парубкивъ по хуторахъ, такъ треба початы.

Данило. Не можна теперъ. Козакы вже мои, але нимцивъ у замку региментъ, то не здержымо.

Марко. Щось ты, брате, смутный неначе... Ну ёго къ бисовому батькови изъ замкомъ, треба почынаты! Не визьмешъ, то загономъ пидемъ по селахъ, або до Хмеля. Вже правда, що й мени остогыдло у сиряку велычатысь та по городахъ ховатысь. Збирай надвирныхъ, та товарыства тутъ йе вже чоловика зъ десять, та може ще яка сотня охочекомонныхъ буде, та й гайда! А хто пишый, то нехай Хмеля чекае.

Данило. Якъ сюды насъ Хмель выправывъ, то треба сыдиты.

Марко. Про мене, Семене, абы я Иванъ (*дывытся у-ливо*). А чого се Дигтяренкы сюды йдуть? Уси зибралысь зъ хлопцямы.

Данило. То бувай... (*хоче йты*).

Марко. Тривай, нема чого тыкаты; нехай побачышъ старого Оныська. Певне, що винъ тутъ полковныкуваты буде завзятый старый и поважають ёго у околыци дуже. А що, папиръ добувъ?

Данило (*выймае велыкый папиръ, дае*). А ось вже зъ тыждень тягаю. Якъ пылы зъ нимецькымъ копытаномъ, то вкравъ у ёго. Гляды тилькы, якъ прыйде колы панъ-отець на раду... бо Богъ его святый знае, що тамъ напысано.

Марко (*розкрывае папиръ, дывытся*). Не прыйде, боится старый, и людямъ переказуе, щобъ мене не слухалы... Бачъ, ще й добре якъ напысано, и печать йе (*ховае*); а якъ треба буде прочытаты, то вже й я буду пысьменный.

Ява Ш.

(*Тижъ, злива увиходятъ Онысымъ, Павло и килькы парубкивъ*).

Марко. Добрыдень, панове громадо, зъ недилею васъ!

Голосъ. Спасыби... будьте й вы здорови, добрыдень... поздоровъ Боже!

Марко. А добра, я бачу, озымына цёго року!

Онысымъ. А ничого, хвалыты Бога.

Марко. Буде коло чого працюваты, та чы буде кому?

Онысымъ. Абы було коло чого, то буде й кому.

Марко. То добре; а якъ йе кому робыты, нема чого часу гаяты.

Онысымъ. Якъ дасы добру раду, козаче, то може хто й послухае.

Марко. Не треба, диду, рады даваты, а треба рады збираты.

Онысымъ. А то хто зъ тобою, козаче?

Марко. Козакъ щырый.

Онысымъ. Що козакивъ на аркани на панськый двиръ тягае?

Марко. Годи, диду! винъ Грыцька піймавъ, та винъ ёго й пустывь а то высивъ бы й теперъ Грыцько на майдани. (*До усихъ*). Отаманы—товарыство! не есть це сотныкъ надвирный, а есть це побратымъ мій вирный Даныло Татарчукъ, стебліевського куриня товарышъ, и того винъ теперъ у замку ляхамъ служыть, що якъ прыйде часъ, то й надвирни козакы до насъ прыйдутъ, та зъ намы будуть.

Голосъ. Спасыби добродію... щырый козакъ!.. запорожець!.. Ото добре!

Онысымъ (*до Даныла*). Просты, голубе! (*До всихъ*). Та що жъ, браття, довго ще намъ чекаты? Оце йдемо до церквы, помолымось та й гайда!

Даныло. До церквы йдете? Хыба Беркови хто грошы виддавъ?

Павло. Ба ни; казалы, прыбигъ Берко сёгодни до пан-отця у ранци та й виддавъ ключы, каже, що грихъ ёму церкву Божу на оранди держаты, тымъ-то й служба сёгодни йе.

Марко (*голосно*). Панове козацьство, чы сказаты вамъ, що таке у свити Божому робыться, що вже й жыды про Бога згадалы?

Голосъ. Кажить... кажить, дядьку...

Марко. А те робыться, що вже высыпався Хмель зъ мишка, наробывъ ляхамъ шкоды, вже лежать ляхы выщирывшы зубы, жовтои водыци напывшысь, и йидять ихъ собакы и сири вовкы (*пидыймае у-гору папиръ*). А оце вамъ, панове громадо, видъ пана гетмана славного вiйська запорозького нызового унывeрсалъ!

Голосъ. Щасты Боже... Невже?... Довго чекалы! Знову вильнымы козакамы будемъ... Нехай жыве Богданъ Хмельыцькый, гетманъ запорожськый, на погыбель ляхамъ!

Марко. Якъ зъ церквы выйдемо, то въ старого Макогона у клуни оце вамъ и прочытаю.

Голосъ. Господы!.. Ще й пысьменный! Слава тоби Боже!

Онысымъ (*выходыть напередъ уклоняется запорожцямъ*). Велыке вамъ спасыби, паны браття, за добру звистку; не гайте теперъ часу, щобъ довелось и мени старому хочъ доты дожыты, колы князеви и кодлу ёго виддячу.

Павло. Гляды, брате, не квапся!

Онысымъ (*зъ гнивомъ*). Що кажешь, схаменысь! Добре тоби обережно ходыты, що твоихъ сынивъ на поли не повбывано, та зъ дочкою того не було, що зъ моею Олесею (*видвертается*). Ну, гаразд: нема сына въ князя, але дочка йе... то вже моя буде (*Даныло здригается*).

Марко (*смiется*). А на що вона тоби старому?—подаруй молодшымъ.

Онысымъ. Э, ни, моя буде... Кажуть, татары зъ Хмелемъ йдуть. Щобъ тилькы давъ Господь старого собаку жывцемъ узяты, щобъ и винъ побачывъ, якъ дочку ёго на аркани поведуть, та побусурманять, щобъ и на цимъ и тымъ свити

спасенія ій не було, а тоди вже... тоди можно буде й на ясного пана мылостывця червону сорочку надиты.

Голосъ. Добре, диду! що такъ, то такъ... треба швыдче братысь. Та вже скоро, мабуть!

Даныло (*гостро*). Ну годи! Якъ до церквы йты, то йдить, бо надйидуть сюды надвирни... не уси воны безпешни. Прощавайте!.. онъ чы не йидуть... щаслыво! (*уси помалу вклоняются Данылови и видходять у-право; Марко и Онысымъ попереду усихъ*).

Ява IX.

Даныло (*дывыться у слидъ*). Боже жъ мій, Боже! Панно, зоре моя!

Ява X.

Даныло и Марко. (*Зправа Марко, у руци видломаный кинець шабли*).

Марко (*крычыть направо по-за сцену*). Идить самы, въ мене туть кинь йе у лиси прывьязаный. (*До Даныла, показуючы шаблю*). А що воно за знакъ, брате?

Даныло. Шабля—не що.

Марко. Се й я, скажемъ, бачу, що не коса, але може скажешъ, якъ ій вломано?

Даныло. Дембинського се шабля.

Марко. Що не твоя, и те бачу, але не того мени треба. Вже будь ласкавъ, скажы, якъ ото ій перебыто? (*водыть рукою по лезу*). Дрова, може скажешъ, рубалы?

Даныло. Бывся винъ зо мною тутъ.

Марко. И це добре знаты: онде якъ траву вытолочылы! Та не того я до тебе повернувся.

Даныло. То якого-жъ дидька?

Марко. Оце вже спасыби, брате ридный, за щыру правду! Выдно, давно те було, явъ на Тавани шаблямы минялысь,

братамы сталы, поручъ рубалысь, усяке лыхо й усе добре бачылы, а теперъ навить важко тоби й слово щыре до побратыма промовыты (*сердыто*). Що тутъ наробывъ? Що то, жарты тоби, що на шляхтыча шаблю выйнявъ? Пизналы тебе, може? То на що пустывъ жывого?

Данило. Панна була отутъ та обороныла, промижъ шабель такъ и кынулась.

Марко. То обохъ було зарубаты.

Данило. Кого!? сказывся!? за що жъ ии бидну, чымъ вона выння?

Марко (*пауза, поглядае на его по воли*). Чымъ, кажешъ выння?.. Такъ... Чуешъ, брате Даныло, чудный ты сёгодни, лякивъ жалуешъ... Але не забувай, голубе, що якъ пизналы, хто ты такый, то не твоя тилькы голова ляже, а й товарыства чымало; та й люде тіи, що оце до церквы пишлы, то може ще сёгодни ихъ нимци на майдани вырижуть. Теперъ або тоби тикаты, або заразъ за спысы братысь... а мовчышъ, то бувай здоровъ! (*хоче йты*).

Даныло. Тривай, брате... Усе йиднаково, мавъ тоби сказаты... Просты мене! Мабуть гришныкъ я велыкый, чы може батько въ мене такый, бо й не знаю, хто винъ бувъ, що покаравъ мене такъ Господь... Не пизнають мене! Хочъ бы й жылы тягнулы, не буде того, щобъ я тоби зрадывъ и товарыству. Але покохавъ я панну и не можу теперъ звидцы йты.

Марко. Ото божевильный! То оце, може, й бывся за неи?! То мерщій тикай до обозу. Чы хочешъ подывытысь, чы высока шыбеныця въ князя?

Даныло. Не бійсь, мовчатымуть, бо сами воны, мабуть, видъ князя ховаются, а якъ ни—байдуже: не можу я ии Дигтяренкови покынуты!

Марко. Добре, добре... дуже цикаво, а що зъ того дали буде? Кажы!

Даныло. Багато говорыты, та нема чого слухаты.

Марко. Мабуть, скоро старостивъ будешъ до князя засылаты? Мене попросышъ?

Даныло. А скоро вже, мабуть, пидемъ зъ старостамы, и чымало ихъ буде, и весилля зробымо гучне, щобъ багато такъ впылысь, щобъ не повставалы... Не смійся тилькы, брате, зъ мого лыха.

Марко (*поважно*). Ни, це вже, бачу, не жарты тоби. Але що жъ дали робытымешъ?

Даныло. Поможешъ мени—у зымивныкъ завезу до старого Кажана.

Марко. Такъ, и вже й самъ оселю заведешъ, вивчаремъ зробышся, а товарыство славне и Сичъ-маты то нехай и такъ будуть, а за Марка то й гадкы немае!

Даныло. Не гнивайся, брате! Богъ ёго святый знае, яке ще пыво буде зъ того хмелю. Але не на те я іи бидну рятувавъ, щобъ Оныськовы на помсту, а татарви на ганьбу виддаты. Теперъ тебе маю просыты: якъ щырый ты мени побратымъ, перекажы братчыкамъ, що якъ будемъ замку добуваты, щобъ за мною йшлы; вже буду знаты, кудою весты, щобъ я іи узявъ, а не хто другый.

Марко. Та чомъ не сказаты, стари товарышы—не зрадять... Ой, Даныло, Даныло!—тебе жъ за куринного мало не обралы, тилькы що до Крыму зъ Хмелемъ тебе понесло, якъ вмеръ Покотыло... Та що тоби казаты! Не поможе... бачывъ я вже, чымало козакивъ добрыхъ (*махае рукою*)... Мабуть ще мало лыха у свити, то Господь ще бабу сотворывъ... Ну, гараздъ... Усе зроблю, якъ хочешъ... Якъ бы не ты, сыдивъ-бы я доси у Лубнахъ на пали, та выглядавъ, звидкы витеръ вie... Не бійсь вже, визьме облызня Онысько.

Даныло. Спасыби, брате... Отъ и надвирни и ляшка зъ нымы... Велыке тоби спасыби... Ну, бувай (*видходыть у-право*).

Марко. Бувай! (*поглядае у слидъ*). Гей, и казавъ я тоби Даныло, якъ ще зъ Сичы выйизжалы та Змійчукъ спиткнувся,—вернысь брате! Не послухавъ! (*Махае рукою, видходыть у глыбыну сцены за дерева*).

Зависа.

ДІЯ II.

Одмина перша.

Понедилокъ. Замкове подвирья. Наливо чоло палацу; велыки двери. Передъ дверыма ганокъ, на ёму лавы, вкрыти кылымамы. Сходци на сцену. Зправа въ глыбыни вежа; коло дверей деревяный ослинъ. Въ глыбыни сцены высокый шанець, по котрому колы-не-колы проходыть вартовый нимець, зъ-за палацу видходыть за вежу и знову назадъ. На авансцени зъ правого боку садокъ.

На ослони, коло вежи, Рамберъ и Даныло зъ кубкамы у рукахъ; промижъ нымы на ослони джбанъ. Розмовляючы пьють, налять люлькы, изъ дверей палацу колы-не-колы выбигають пахолкы и бижать або у-право, промижъ садкомъ и вежою, або у-ливо по-за палацъ.

Ява I.

Даныло и Рамберъ.

Рамберъ. А ну бо, пане сотныку, пьешъ, та не веселый. Медъ добрый, пыймо. Чы до пана каштеляна у обозъ хочется? Тамъ теперъ наша гусарыя, мабуть, добру венгжыну тягне!

Даныло. Отакъ бы я тои венгжыны напывся, якъ и ты, пане Жылю.

Рамберъ. А кажешъ ни? То тилькы отутъ у замку панцерныкы кирпу деруть, а якъ табору запорозського добуваты треба, то й мени нызько вклонятся, а якъ языка треба, або йисты нема чого у обози, то не бійсь, воны тоди й сотныка Даныла братомъ назовуть. Бувъ я зъ нымы пидъ Кумейкамы, та й де я не бувъ!

Даныло. А вписля?

Рамберъ (*сміется*). Ну, то вже друга ричъ... Кречовського полковныка чыгырынського знаешъ?

Даныло. Чувъ.

Рамберъ. То вже два роки, якъ ото Мустафа-ага до Тясмыну прыходывъ, то винъ зъ походу повернувся, дуже смiявся: „закимъ, повидае, на татарву йшлы, то ще добре було, а якъ до-дому поверталысь, то такъ закурылы попереду панцерни товарыши, що й продыхнуты не можно було (*смiются*). Ще за це слово зъ паномъ Оджывольськымъ шаблямы былысь.

Даныло. Ну, не такъ воно й легко проты гусарыи у поли.

Рамберъ (*усмихается*). А ты звидкы знаешъ?

Даныло. А хыба я не чувъ? (*пье*).

Рамберъ. А я то й самъ такы бачывъ и тилькы те тоби скажу, що якъ здуріе Хмель та скаже гетманамъ, що ось вамъ поле и на цимъ поли завтра у-ранци васъ чекатыму, то погана буде ёго справа; але на вiйни не такъ робытся; ты, мабуть, того не чувъ, пане Даныло, бидный невольныку, тилькы й знаешь, що за панною пахоломъ йиздыты... Пыймо! (*смiется*; *пьютъ*).

Даныло. Але-жъ не може того буты, щобъ не побылы гетьманы Хмеля.

Рамберъ. Хто те може знаты! Отъ якъ-бы гетьманомъ короннымъ, та не панъ Мыколай Потоцькый, а панъ Жыль Рамберъ, то було-бъ запорозцямъ, що до новыхъ винькивъ памьяталы бъ.

Даныло (*усмихается*). Якый ты, бачу, хытрый на голову.

Рамберъ. А такый, що немае у свити а ни замку такого высокого, а ни панны такои гордои, щобъ не узявъ, колы схочу!

Даныло (*неймовирно*). То вже теревени!

Рамберъ (*поважно, крутыть вуса*). Не вирышъ? Молодый ще ты, козаче. Може колы трапыться тоби у Кагори буваты, то спытай, хто такый Жыль Рамберъ, то й мала дытына тоби скаже, що бувъ тамъ такый аркебузьеръ, що уси кули видъ ёго видвертало, а усихъ дивчатъ прывертало!

Даныло. То ты й характернык?

Рамберъ. Характерныкъ?.. а вже-жъ; ось бачышь (*выймае ладанку*): якъ оце носыты, усяка дивка тебе покохае, тилькы схочешъ.

Даныло (*хутко бере, дывыться*). Усяка, кажешъ... и пляхтянка?

Рамберъ. Хочъ королева.

Даныло. А що... пане Жылю... якъ бы за ци чары... га?

Рамберъ. То ты бъ що давъ, чы що?

Даныло (*выймае зъ-за халявы киндженалъ увесь у самоцвитахъ, дае Рамберови*). А ось хочъ бы й цёго запоясныка.

Рамберъ. Sacrebleu! та чы видаешъ, пане Даныло, щобъ за ци каминня далы жыды у Амстердами?

Даныло. Ще, скажемъ, що не знаю, бо тамъ не бувъ, але такъ миркую, що не носывъ бы Ора-бей перекопськый чортъ-зна чого за поясомъ; ще подывысь, якъ загартованый. А якъ скажешъ, що не вартъ минятысь, то ще пистоли въ мене йе турецькы у срибли и бьють добре.

Рамберъ. Ma foi! та й бравый ты кавалеръ, пане сотныку! (*поглядае на ёго*)... Беры соби за киндженалъ... Пыймо! (*налывае кубкы*). Отъ меду вже немае... Здровье пана!

Даныло. Здровье пана! (*пьютъ*).

Рамберъ. Добрый ты жовниръ, козаче (*здймае зъ шыи другу ладанку*). Чекай лышень, буде ще тоби видъ мене добра памьятка, оце ще носы (*дае Данылови*).

Даныло. А що се?

Рамберъ. А се не грихъ и носыты. Бернардынъ святый колысь написавъ мени у Рыми и чытавъ, що написано: hoc est meum corpus. Не розумiешъ?

Даныло. Ни. (*Зправа чуты сурму*).

Рамберъ. Значыть „оце мое тило“, и якъ це носыты, усяка куля мынае; вже литъ мало не трыдцять, якъ не здймавъ, и ось якъ бачышъ спысомъ тилькы добре у бикъ загородылы, це у Ла-Рошели, та ото якъ Байранъ-Казы до замку пидступавъ, то вже рокивъ изъ пьять, то стрилою (*вказуе плече*).

Ну, бувало часомъ, що де-не-де шкуру латалы, то то жарты; а щобъ кулею, то николы.

Даныло (*дывыться на ладанку*). Не помога, выходыть, проты зализа?

Рамберъ. А проте беры, кажу, тоби згодыться (*сміется*). Добрый ты кавалеръ и молодшый за мене, то згодятся тоби обыдва.

Ява II.

(*Зправа Дитрыхъ*).

Дитрыхъ. Пане копытане, ротмыстръ до пана князя видъ гетьмана.

Рамберъ. Diable! Може на ганку прыйматы буде? (*до Дитрыха*). Бижы до пана Вацлава. (*Дитрыхъ бижыть у палацъ, пахолъ входыть зправа*).

Рамберъ (*до пахола*). А ну швыдко, хлопче, забирай кубкы, та у ту башту, що коло брамы. (*Пахолъ бере кубкы и джбанъ, бижыть у-право; до Даныла*). Прыходь незабаромъ до брамы, та ще выпьемо; Гильфельдъ повыненъ скоро буты. (*Бижыть у-право, Даныло выходыть на авансцену, надивае обыдви ладанкы*

Ява III.

Даныло (*одынъ*). Ну, може й грихъ воно, що бернардынъ вражый пысавъ, але нехай Богъ простыть (*здіймае шапку пидносыть руку, опускае*). Ни, не треба... ще пропадуть чары... Нехай!

Ява IV.

(*На ганокъ выходыть зъ палацу князь Романъ, Ядвыга пиддержуе ёго, за нымы Янъ и маршалокъ, позаду два пахолы. Князь сидае на лаву. Ядвыга стае коло ёго, други позаду, пахолы коло одвирквивъ*).

Князь. Гей, Даныло, поставъ тамъ кого за баштою, щобъ сюдою не вешталысь (*Даныло уклоняется, видходытъ у-право*). Оце, пане Яне, прыйихавъ до мене ротмыстръ зъ лыстомъ видъ гетьмана, панъ Крыштофъ Корецькый, та я казавъ, щобъ сюды велы просто. Може, сёгодни й побенькетуемъ, панове, бо я просывъ пана каштеляна, щобъ мени давъ звистку заразъ, якъ буде выкторыя, а вже якъ буде вертатысь, то щобъ Княжои Крыныци не мынавъ. (*Входытъ зправа Корецькый, за нымъ Рамберъ, стае коло сходцивъ; князь махае Рамберови, той видходытъ у-право; Корецькый входытъ на ганокъ, виддае лыста*).

Корецькый. Видъ пана воеводы черныговського лыстъ (*видступае*).

Князь. Памьятаю добре пана Крыштофа (*сидае, розпечатуе лыста*). Видъ пана Мартына лыстъ, а панъ гетьманъ коронный ничого мене й не пыше?

Корецькый. Велыке нещастя зъ паномъ гетманомъ короннымъ.

Князь. Що-жъ тамъ, Маты Божа? (*тре очи*). Отъ не бачу, старый; чытай Ясю!

Янъ (*бере лыста, чытае*). Мосци князю, мій пане й брате! Видъ начала temporum лучается, що середъ пшеныци бувае кукиль, и мылосердіе Боже попущае нещастю людському. И теперъ попустывъ Господь, що хлопське лукавство й зухвальство ще доси не есть покарано, а навить може теперъ надъ rei publicae гономъ згнущатысь, бо видомо намъ учынылось, що лыцарсьтву Речи Посполытои пидъ Жовтымы Водамы видъ татаръ и харцызивъ запорозськыхъ прыйшлося буты повоёвану...

Князь. Маты Пресвята!

Ядвыга. Ой Боже!

Янъ (*чытае дали*) ...и навить самъ панъ Потоцькый junior або вбытый есть, або captivus, бо ніякои звисткы доси не маемо. И за-для того по старому прыятельству и знаючы добре, що вашмосць завжды бувъ de re publica meritus, и теперъ уси панцерни корогвы и драгонію до пана гетьмана ко-

роннаго у обозъ прыславъ, то й я зъ суплыкаціею до пана обертаюсь, що хоча й numero et virtute лыцарства Речи Посполытій дуже contentus, але памьятаючы, що Mars duplex бувае, прошу якъ найскорійще до насъ у обозъ регыментъ Крейца прыслаты, у якимъ регыменти вашои мосци, мабуть, потребы не мае. И якъ буде вашои мосци ласка, то прыслаты ёго зъ особлывымъ вашои мосци лыстомъ, щобъ отой регыментъ до власного мого полку мавъ прыстаты, бо якъ сами вашмосць повынни добре знаты, велыки нелады въ мене завжды зъ паномъ гетьманомъ коронным бувають. Чоломъ бью вашій княжескій мосци. Зъ обозу пидъ Черкасамы, сёго року Божого тысяча шистьсотъ сорокъ восьмого, квитня 23-го. Вашои мосци слуга Мартынъ Калыновськый, воевода черныговськый, гетьманъ польный (*уклоняется, виддае лыстъ князеви*).

Князь (*устае*). То за грихы нашы кара Божа! Пане Вацлаве, панъ Крейцъ у замку?

Маршалокъ. На передзамчу, вашмосць. Сёгодни пана Рамбера компанія у замку.

Князь. Якъ буде пана ласка, треба, щобъ хто заразъ по пана Крейца побигъ. Нехай бере Майделя, Костку, Гильфельда и Валля, щобъ заразъ у походъ збиралысь; чого буде треба, нехай панъ зробыть и до пана пидскарбія обернется. Рамберова компанія у замку буде, а козакы на передзамчу; (*маха рукою, маршалокъ уклоняется, видходыть у палацъ до Корецького*). А пана Крыштофа маю просыты, щобъ лыстъ видъ мене узявъ до пана воеводы (*Корецькый уклоняется*). Піду до покою... Велыке нещастя!.. Ядвыго, панъ ротмыстръ чоловикъ подорожній, то вже прыймай! Нехай выбачыть бидну шляхецьку хату (*Корецькый уклоняется*); хлиба-соли нехай не цурается; може й панъ Янъ буде ласкавый, та тоби поможе (*уклоны; князь видходыть у палацъ, спыраючысь на пахола, другый пахолъ ззаду*).

Ява VI.

Тижъ, безъ князя й пахоливъ.

Янъ. И що то ёго мосць выгадавъ! Одынъ регыментъ зостався, та й той посылае?

Ядвыга. А ще жъ йидна компанія зостается и козакы.

Янъ. Бійся Бога, панно! нехай пожалуе панъ князь себе и панну: яка жъ на тихъ хлопивъ надія?—ще й сотныкомъ той, що...

Ядвыга (*показуе на мыгахъ, щобъ мовчавъ; весело*). Але й лыцарь панъ молодый полковныкъ! Колы пану такъ небезпешно у Княжій Крыныци, то нехай у Оративку йиде, або у Переяславъ. Чы уси таки и у війску, пане Крыштофъ?

Янъ (*зъ запаломъ*). Панъ Крыштофъ старый жовниръ, ёму не соромъ буде правду казаты.

Корецькый. А панъ де полковныкомъ?

Янъ. У Переяславськимъ полку.

Корецькый (*уклоняется*). Не знаю, якъ воно на Задныпровьи, бо князь Ярема велыкый воинъ, але що въ насъ робытся, то якъ бы мене спытавъ ёго мосць, то те бъ саме повидавъ, що й панъ полковныкъ.

Ядвыга (*весело*). Маешъ пане помичъ у пани Крыштофови, але може якъ пана ротмыстра почастую зъ дорогы, то панъ повеселишае. Прыходьте, панове, згодомъ до покою (*видходытъ у палацъ; Янъ и Корецькый уклоняются*).

Ява VII.

Янъ и Корецькый.

Янъ. А якый, пане ротмыстру, humor у війську?

Корецькый. А то якъ у кого: йе, що бенькетують вже недили зо дви у Черкасахъ та похваляются, що запорожцивъ нагаямы поженуть, а шабли у табори покынуть... а йе й инши.

Янъ. А за Хмельницького що чуты?

Корецькый (*понуро*). А якъ панъ хоче те знаты, то нехай по усихъ усюдахъ пытае, тилькы не у нашому обози. Вирышъ, пане, що ничого не знаемо? Хочъ бы йидного доброго шпыга послаты, такъ ни! Жалуе, бачъ, панъ гетьманъ дукатамы, усе по языка посылае, кони тилькы помучылы й людей, та усе гусарыю, бо якъ пиде легка корогва, то вростичъ идуть до Хмеля кляти хлопы. А якъ спіймаешъ языка—та ще спіймай ёго запорожця панцернымы—то отакъ, якъ на тимъ тыжни, усю шкуру зъ харцыза злупылы, а винъ свое бреше, що двадцять тысячъ козакивъ у Хмеля, и Тугай-бей перекопськый, и билгородци сорокъ тысячъ орды, и хана самого отъ-отъ чекають. Та якъ почулы це въ насъ, то зъ каневського й чыгырынського полку вже й йидного козака у обози не мае... А прыбигъ бувъ до гетьмана війтъ зъ Кленовои, та просывъ, щобъ заступывся, плакавъ, що татаре ёго жинку узялы и хату спалылы, та цилый день ходывъ по обози, а у-ночи счезъ. Колы на другый день звидты жъ саме жыдъ прыйихавъ; ёго пытаты—а винъ божыться, що татаръ и не було, а за того войта казавъ, що не було ёго на сели вже зъ тыждень; чы не до Хмеля йиздывъ. Послалы туды заразъ корогву панцерну, та якъ оточылы ій хлопы саме на гребли, то зъ тои корогвы повернулысь позавчора у обозъ тры товарыши та пьятнадцять шереговыхъ... Отъ що, пане, у війську робытся.

Янъ. Якъ бы на мене, то пійшовъ бы заразъ зъ панцернымы на запорожцивъ! Не сыдивъ бы у Черкасахъ, докы уси хлопы пидіймутся!

Корецькый (*понуро*). Такъ и хоче панъ Мартынъ, та що зробышъ? Якъ що скаже, то заразъ панъ гетманъ коронный: „колы ксёндзъ, каже, у парафіи, то викарый мовчы!“—а самъ бенькетуе, вже ажъ опухъ. (*Стыха*). А у середу опивночы волоською корогвы вартови огненный мечъ бачылы на неби и одрубани головы.

Янъ (*тежъ зтыха*). А у якій сторони?

Корецькый (*маха рукою*). Надъ обозомъ просто.

Янъ (*хыта головою*). Ходимъ! панна до покою просыла. (*видходятъ у палацъ*).

Ява VIII.

(*Зправа входятъ Рамберъ и Даныло*).

Рамберъ. Нема чого журытысь, пане Даныло. Така наша доля жовнирська, що не вгадаешъ, де лучче. Перве дило, що венгжыну у обози вже мабуть усю выпылы, то будуть нашы молодци може ще й водычку пыты; а що здобутысь, то зъ запорожця хыба якъ зъ святого турецького; а що на печи лежаты докучыло, то ще побачышъ, що може й намъ не прыйдется... Пивтораста чоловика зъ твоимы пьяныцямы, та сей замокъ и предзамковья боронысы!.. Чекай, якъ зберуть хлопы добрый загинъ, то буде й намъ чубъ мокрый. То поставъ заразъ вартовыхъ по валахъ, та нехай добре гарматъ пыльнують, щобъ не поворожывъ коло ихъ якый чортяка. А я вже у замку буду (*йде у башту, на порози обертается*). Теперъ, пане сотныку, якый медъ тутъ у замку йе та плахты, то тилькы намъ зъ тобою! (*сміется, иде у башту. Колы почынае говорыты, здалека чуты, якъ на предзамчу бьютъ у тулумбасъ, потимъ у другый, тыхше, у третій ще тыхше*).

Ява IX.

Даныло (*идучы, потимъ осаулъ*). Радіе нимець, биды не чуе... Радивъ бы й я, ще й не такъ... та покаравъ мене Господь за грихы (*зправа осаулъ*).

Осаулъ. А що, нимци сёгодни йдуть?

Даныло. Може й сёгодни.

Осаулъ. Тилькы шкода, пане отамане, що не мы будемъ у замку. Переказувавъ Марко, що якъ будуть за спысы братысь, то комусь треба коло замку гасло даты, щобъ зъ насъ тутъ кого не застукалы. Бильше за тебе боится.

Даныло. А гасло яке?

Осаулъ. Гукнуты треба, що въ Макогона на гармани горыть.

Данило. Добре. Казавъ усимъ?

Осаулъ. Казавъ.

Данило. То йды заразъ, вартовыхъ розведы, та щобъ добре брамы пыльнувалы и по валахъ, щобъ не подався якый дидько у обозъ, якъ замокъ оточымо.

Осаулъ. Гаразды! Добре це знаемо (*видходятъ обыдва управо*).

Ява X.

(*Зъ палацу выходытъ Ядвыга, за нею Янъ*).

Ядвыга. Якъ мае панъ Янъ отакъ коло мене сумуваты, то нехай хочъ и заразъ до Переяславу йиде, а не то що у-завтра.

Янъ. Не хоче панна вирыты, що серце болыть отакъ ій покынуты: ще пидіймутся хлопы, то що буде?

Ядвыга (*замыслена*). Не бійсь за мене, Ясю! Ничого хлопы замку не вдіють; пойидешъ до князя Яремы, лыцарськои славы добудешъ, тоди вже й татови можно буде вклонытысь.

Янъ (*вдаряе по шабли*). Ну, нехай же стережутся козакы и хлопы, буде имъ!

Ядвыга. Жаль мени ихъ дуже, Ясю; не на таку бъ війну я тебе выправыла. Хочъ и не дивоче це дило, але дай мени, Ясю, слово лыцарське, що не будешъ ты зъ хлопамы того выробляты, що я бачыла, якъ ще малою була... Не дай Боже, щобъ прыйшлося ще разъ побачыты! (*здригается*).

Янъ. Дуже добре серце въ панны и не знае вона, що то за народъ клятый!

Ядвыга (*незадоволена*). Отакъ уси кажуть, а чого воны косы беруть, чого йдуть на погыбель свою, чого имъ треба? Нихто того сказаты не може, а скилькы пытала! Нызовци, оти гультяи, мабуть и имъ спокою не дають. Хочъ бы у Крымъ ихъ загналы чы що, то й тыхо було бъ!

Янъ. Але тоди не бувъ бы я полковныкомъ!

Ядвыга (*сміется*). Справди! то чого жъ, пане, смутный ходышъ? Подывився бъ хочъ на пана Рамбера, ото кавалеръ! Походъ—то добре ёму, нема походу—ще краще; хочъ бы ёго сёгодни побачыты, може бъ посміялась.

Янъ (*поглядае на Ядвыгу*). Не кохае никого панъ Рамберъ, то ёму й легко.

Ядвыга. Ото такъ! Ще мабуть бильше видъ пана!

Янъ. Кого жъ то такъ?

Ядвыга Я й пытала ёго колысь, то казавъ, що завжды зъ якою панною размовляе, то у неи й закоханый (*обое сміются*).

Янъ. Бувъ бы й я веселый, щобъ хочъ заразъ мени зъ паномъ Рамберомъ долею поминятысь.

Ядвыга. Що бъ вже бувъ вусъ сывый у пана, та нимцивъ компанія, та палашъ пры боци и бильшъ ничого у свити?

Янъ. (*зъ запаломъ*). Що бъ зъ тобою, панно моя, зостатысь, тебе бороныты, голову зложыты.

Ядвыга (*незадоволена видступае*). Та що то справди? Ще наврочыть панъ!.. Неначе безъ пана и вийська тутъ немае?.. А що панъ Крыштофъ ничого пану не казавъ за нашу гусарыю, якъ имъ у обози?

Янъ. Ничого, не объ тимъ ричъ була.

Ядвыга. Тереза усе по покояхъ якъ на варти ходыть, мабуть, хоче ротмистра побачыты, щобъ пану Станыславу яку звистку даты.

Янъ. Щаслывый панъ Станыславъ, а я якъ пойиду, то чы буде хто за мною журытысь?

Ядвыга. Не знаю.

Янъ. А я такы знаю йидну пану у замку, що може хочъ трохы посумуе.

Ядвыга. Хто жъ то?... Ніякъ не вгадаю..

Янъ (*пидступае стыха*). А сказаты панни?

Ядвыга (*видступае*). Тато йдуть! (*На ганокъ выходыть князь, спыраючысь на пахола, сидае на лаву; пахоль стае коло одвирка*).

Ява XI.

Тижъ и князь.

Князь. А що панъ Крыштофъ?

Янъ. Втомывся дуже, заразъ пійшовъ видпочыты, просывъ що якъ буде вашмосци ласка, щобъ сёгодни у вечери рушаты дозволылы холодкомъ, бо пихоти легше.

Князь. Добрый жовниръ, себе не жалуе. Якъ бы не лита та не подагра, то й я бъ...

Ядвыга (*сміется*). Та куды вже вамъ, татуню! Огъ выгадалы на старисть!

Князь (*поглядае на Яна*). Не зъ мене бъ треба сміятысь, доню, а зъ иншыхъ кавалеривъ, що зъ соколамы гасаты та зъ паннамы спиваты добре знають, а якъ треба у поле выйты, то тоди тилькы на коня сидають, якъ посполыте рушення мылостывый панъ король объявыть и вже безъ инфаміи вдома сыдиты не можна.

Янъ (*ступае крокъ упередъ*). Дозволь мосци князю слово сказаты (*князь кывае*). Сёгодни мавъ вашмосци сказаты, що позавчора повернувся я зъ Лубенъ, що дуже мене тамъ прывитавъ князь воевода й давъ мени лыстъ до пана комысара вийська запорожського, а панъ Мыколай полкъ мени давъ козацькый и взавтра мени треба до Переяславу йихаты.

Князь (*устае, обіймае Яна*). Прости мене, Ясю, старого! то мене пана Мартына лыстъ вразывъ; прости (*усмихается*), мосци полковныку! я жъ тебе завжды якъ сына любывъ и щыро за тебе радый (*весело*). Теперъ треба венгжыны выпыты до пана полковныка за выкторію надъ ворогамы и за ту панну, що винъ мабуть скоро у Оративку прыведе (*плеще у долони, пахолъ стае передъ нымъ*). До пидчашого, щобъ венгжыны столитнёи заразъ! (*пахолъ бижыть у палацъ*).

Янъ (*зворушеный*). Панъ князь мени завжды бувъ мылостывець, то маю надію, що й якъ свататысь буду, то допоможе.

Князь. Зъ дорогою душею; самъ сватомъ пойиду.

Янъ. По смерть буду вдячный пану добродію и слово даю, що не соромъ буде вашмосци за мене сватомъ буты, бо хочъ бидный я шляхтычъ, але ось війна почалась—або старостою буду, або зъ війська не повернусь.

Ядвыга. Бійся Бога, пане Яне, що выгадуешъ!

Князь. Ничого, доню, не вдіешъ; такый и батько пана бувъ, завзятый старый... Колысь мы зъ нымъ... э, чого згадудуваты! не вернется... А за тебе хочъ у Варшаву пойиду до сенаторськои дочкы.

Янъ. Недалечко мосци князю й йихаты прыйдется.

Князь (*сміется*). Добре, що зухъ такый молодый полковныкъ часу не гаявъ; мени старому то ще краще (*зъ палацу пахолъ несе кубокъ на блюди, за нымъ підчашій зъ пляшкою, на кланку налывае кубокъ, пахолъ підносыть до князя, князь устае, підіймае кубокъ*). Здоровье пана полковныка! (*Янъ уклоняется*).

Зависа.

ДІЯ II.

Одмина друга.

(Вивторокъ уранци. Лаштунки ти жъ сами. Даныло сыдыть на ослони коло башты зправа, входыть осаулъ).

Ява I.

Даныло. Не выходывъ ще князь. Нехай хлопци коней коло брамы на поводи тримають,—може скоро пойидемъ.

Осаулъ. На підйиздъ, мабуть, посылае?

Даныло. Мабуть (*усмихается*). Багато довидается. Хыба Дембинськый схоче пойихаты, то той може що побачыть.

Осаулъ. Якъ козамъ рогы правлять... Та й зъ цимы чого чекаты? Хочъ заразъ до гарматъ: вже нимци не почують.

Даныло. Якъ Марко скаже та Онысько,—винъ тутъ полковникомъ. Гайда до брамы! (*осаулъ видходыть направо*). Ой скоро вже почнется... и що зъ того буде!? Що ёго робыты!? (*замыслывся*).

Ява II.

(*Ядвыга выходыть на кганокъ, обертается, говорыть у сины; Даныло устае, здіймае шапку*).

Ядвыга. А панъ Янъ ще спыть?

Голосъ (*зъ сиией*). Ни, сыдять зъ паномъ княземъ у дальнимъ покои.

Ядвыга (*на бикъ*). Ото добре, пане Яне: обицявся зрання на кганку чекаты, у садокъ питы. (*Голосно*). Не треба ничого казаты, а нехай панна Тереза у садокъ прыйде, тилькы не сюдою (*обертается, Даныло уклоняется*). Добрыдень, пане сотныку, а йдить лышень вашець сюды... блыжче, блыжче (*Даныло пидходыть до схидцивъ*). Ядвига (*жартовлыво суворо*). Я ще й не бачыла вацпана зъ позавчорашнёго, може й сёгодни сердытый, може й на мене заразъ шаблю выймешъ?... кажы, чого мовчышъ?... Ну!

Даныло. Грихъ, ясна панно, такъ казаты... Щыро я служу.. и служывъ бы панни докы свита сонця.

Ядвыга. Отакъ щыро панамъ служышъ, що зъ шаблею выдаешся?

Даныло. Адже сама ясна панна казала мени по воду бигты... Зустрився той панъ... вылаявъ мене, зъ шаблею кынувся... Я жъ панни слуга, а не пана Дембинського.

Ядвыга. Ачъ гоноровыты якый! Гляды, козаче, якъ не будешъ шыю гнуты, то зломаешъ хутко! (*не жартуючы*). Щаслывый ты дуже, що гныватысь довго не можу, а якъ бы хочъ заразъ пишла, та пану князеви за тебе сказала, що бъ тоби було?... кажы!...

Даныло (*мовчыть, усе дывыться на неи*).

Ядвыга (*тупае*). Чомъ языка не розвъяжешъ!? Кажы зразъ, отъ упартый!

Даныло (*спокійно*). Повисылы бъ мабуть, чы що.

Ядвыга (*сплеснувшы рукамы*). Чы ты такы божевильный, чы вже зранку пъяный! Повисылы бъ, каже, и байдуже ёму! (*поважно*). Тоби воно дурному може й байдуже, а мени шкода було бъ тебе, бо вирный слуга и добрый, и ще за те тебе люблю, що видъ смерти мене порятувавъ.

Даныло (*береться за ладанку*). Що? що кажешъ, панно моя?!... Що порятувавъ, то...

Ядвыга. Не розумієшъ? люблю тебе, що служышъ добре...

Даныло (*хапае за рукы хутко*). Панно, ясочко моя, люблю тебе, згыну за тебе... покохай мене... увесь свитъ и Сичъ...

Ядвыга (*сылкуется вырватыся*). Що? що? Збожеволивъ хлопъ мерзеный, цыганъ, прыблуда!

Даныло. Не хлопъ... не цыганъ... козакъ запорозькый...

Ядвыга. Бунгаръ, гайдамака! Рятуйте! (*Даныло пускае ій, вона бижыть у палацъ*).

Даныло (*мовчыть, дали скажено*). Збрехавъ нимець проклятый, зрадывъ!.. Що жъ теперъ?!.. (*видскакуе на середъ сцены, гука*). Въ Макогона горыть! (*бижыть направо, за кономъ ёго голосъ*). На коней! (*Кильо голосивъ за кономъ*). Въ Макогона горыть! (*Тупотять кони, свыстять и гукають на коней*).

Ява III.

(*Зъ башты выбига Рамберъ; зъ палацу, зъ-за палацу и зправа, зъ-за саду выбигають пахолы и кильы нимцивъ*).

Рамберъ (*хапае пахола за комиръ*). Halt! (*уси зупыняются*). Sacrebleu! ты гукавъ? Де горыть?

Пахолъ (*переляканый*). Не знаю, пане!

Рамберъ (*трусыть ёго*). Чого жъ гвалтуешъ? mille diables!

Пахолъ. То козакы гукалы.

Рамберъ. Яки козаки, canaille!?

Пахолъ. Пана сотныка козаки; булы отутъ коло брамы, падалы на коней тай подалысь на передзамча.

Рамберъ (*пускае пахола, бижыть на шанець, пахолы зтыха гомонять промижъ себе по куткахъ, нимци видходять управо*). Ну, ще якъ тамъ, то ничого (*на шанцы*)... Де жъ воно горыть?... Скачуть черезъ майданъ... сотныкъ шаблею маха... Пойихалы за схызмацьку церкву, сховалысь... Ничого не бачу... Що воно таке?.. (*здвыгае плечыма*). Якъ повернется сотныкъ, то будемъ знаты... а про те покы що (*гука*). Гей Дитрыхъ?

Дитрыхъ (*выходытъ зъ башты*). Hier!

Рамберъ. Браму зачыныты и десять чоловика зъ мушкетамы (*заходыть зъ шанця, гука до вартового, що на шанци*). Макъ-Найль!

Нимець (*выходыть зъ-за палацу на шанци*). Hier!

Рамберъ (*на подвирьи*). Якъ що побачышъ, що горыть, чы що, то гукны заразъ (*йде до башты, сидае на ослонци*). Щось сёгодни спозаранна гвалтують, чы не буде чого.

Ява VI.

Тижъ, Янъ, дали Ядвыга.

Янъ (*выбигае зъ палацу безъ шапкы, зъ шаблею у руци, поглянувшы навкругъ, гука скажено*). Де Даныло? сотныкъ де?

Пахолъ. Ось заразъ побигъ зъ брамы и козаки зъ нымъ, пане.

Янъ. Коня! (*тупае*). Мыттю! (*пахолъ бижыть управо*). Пистоли заразъ мени!... у покою! (*маха рукою на другого пахола, той бижыть у палацъ, зъ палацу выбигае Ядвыга*).

Ядвыга. Ясю, куды!? Ясю! (*пидбигае, хапае за руку*). Куды побигъ!?

Янъ (*зворушеный*). Панна ще пытае!? Та за тымъ гультяемъ, хлопомъ зухвалымъ.

Ядвыга (*хутко*). Не треба, не треба, покынь!

Янъ (*видступае, Ядвыга усе держыть за руку*). Якъ то!? Щобъ отакъ ёго пустыты!?

Ядвыга (*хутко*). Боюсь, боюсь... нехай хто другый... козакы... та ни, не треба... Побигъ и не вернется... Нехай соби... Тилькы ты, Ясю... ну на що тоби!?

Янъ (*скажено*) Ни, я не послухаю (*гука*). Коня!

Пахолъ (*выбигае зправа, вказуе рукою направо*). Заразъ сидлають, пане, тилькы браму нимци зачынылы й вартують.

Ядвыга (*до Рамбера*). Пане Рамберъ!

Рамберъ (*зъ того часу, якъ выбигла Ядвыга, стоить, трыма капелюхъ у руци; на ii слово уклоняется*). Слуга панны.

Ядвыга (*хутко*). Зъ брамы никого не пускаты, а надто пана Яна, чуе панъ?

Рамберъ (*уклоняется, ввичлыво*). Якъ ясна панна скаже, то й самого князя навить не выпустю.

Янъ (*хоче йты до Рамбера*). То панъ копытанъ...

Ядвыга (*держыть за руку, перепынае*). То я прыказала и моя воля, а панъ Янъ мене заразъ мае до покою проводыты.

Рамберъ. Пане, то соромъ дали пручатысь, не по кавалерськи.

Ядвыга. И справди що такъ... пане Яне?

Янъ (*сердыто*). Панно, вже я разъ того зухвала проклятого выпустывъ, а теперъ мени панна зновъ прыказуе ёго пустыты!? Та що-жъ я, не шляхтычъ—чы що!? Колы у мене передъ очима отакъ надъ панною згнущаются!

Ядвыга (*ласкаво*). Ясю, не прыказую тоби, а попросыты можно? можно пана Яна просыты? Першый разъ тилькы (*кладе руки на плечи ёму, дывыться у очи*).

Янъ (*понуро*). Панна добре видае, що усима може верховодыты.

Пахолъ (*выбигае зъ палацу, гука на другого*). Панъ князь хоче на кганокъ выйты—пытается, що то за гвалтъ (*бижыть назадъ у палацъ, другый пахолъ зъ подвирья за нымъ*).

Ядвыга. Иды, Ясю, до тата. Хутко, та не турбуй ихъ: воны теперъ нездужають, не можно имъ казаты за того хлопа

поганого, не вартъ винъ того, щобъ зъ-за ёго тато гнивалысь, та знову-бъ захорувалы... Иды, Ясю, я тебе тутъ почекаю (*Янъ понуро йде у палацъ, ховае шаблю у пыхву*). Иды хутко (*на бикъ*). Слава Богу, заспокоила Яна, бояласъ дуже, щобъ винъ на того гайдамаку самъ не кынувся... Така звирюка!... Козакъ запорозькый, каже. (*Голосно*). Пане Рамберъ! (*зворушена, ходыть по сцени; Рамберъ пидходыть, уклоняется, ходыть поруч*).

Рамберъ. Слуга яснои панны.

Ядвыга (*усмихается*). А видае, панъ, хто ёго прыятель велыкый, панъ сотныкъ? Запорожець—отъ що!

Рамберъ. Я ще якъ уздривъ, то одразу побачывъ, що жовниръ.

Ядвыга (*дывуется*). То то пану й байдуже?!

Рамберъ. А що жъ? Бывся я зъ запорожцямы не разъ—добри жовниры и до бытвы, и до усёго.

Ядвыга. А я то ще не бачыла запорожцивъ, але той Данило... Ни, не можу, скажу такы пану, що то за зухвальство... Повирышъ, пане, щобъ у мене козакъ закохався и деклярацыю навить зробывъ?

Рамберъ. То не слипый, выходыть, запорожець.

Ядвыга. Панъ навить жартуе! (*сердыто*). Щобъ отакъ мени хлопъ смилыво въ вичи прызнався!

Рамберъ. Панно, то не козакъ бидный выненъ, а краса панны (*на бикъ*). Diable! ото встругнувъ сотныкъ!

Ядвыга. Бо-зна-що панъ розсказуе!... Пану абы жартуваты! (*сміется*).

Вартовый (*на шанци*). Горыть!

Рамберъ Горыть такы! (*бижыть на шанець*).

Ядвыга. А де горыть?

Рамберъ (*на шанци*). Шынкарева хата!... та то ничого витру немае и людей йе коло шынку (*на кганокъ выходыть князь, спыраючысь на Яна; позаду пахолъ*).

V.

Князь. Чого тутъ гвалтувалы? Горыть десь, чы що?

Рамберъ. Въ шынкаря горыть... а ось и въ Берка... и школа жыдивська... и гарманъ пана ловчого... Tonnerre de Dieu! (*тупае*).

Янъ (*бижыть на шанець*). Справди... усюды горыть... що жъ воно?

Рамберъ. А панъ не чуе ничого? (*павза*) Стриляють коло будынку пана ловчого.

Князь. Що каже панъ копытанъ?

Рамберъ. Хлопы пиднялысь, пане князю.

Князь (*хытается, Ядвыга пидтримуе єго*). Не може буть!.. А надвирни?!..

Рамберъ. Мабуть зрадылы... бо помижъ хлопствомъ выдно коло шынку червони жупаны.

Князь (*береться за голову*). Ще сёго треба!

Ядвыга. Татуню заспокойтесь! (*до Рамбера*). Пане Жылю... се ничого? Обороныте замокъ? справди?

Рамберъ (*ухиляется*). Ясна панно, брама зачынена, компанія у замку, хочъ и зубасти хлопы, а стинъ не вгрызуть.

Князь. Нещастя, нещастя!... Ой, тяжко менѣ. (*Хытается. Ядвыга и пахолъ пидтримують єго, Янъ бижыть зъ шанця*).

Рамберъ. Идить до покою, мосци князю! вже усе буде, якъ слидъ (*Янъ и Ядвыга ведуть князя у палацъ, пахолъ позаду*).

Ява VI.

Рамберъ (*иденъ на шанци*). Мабуть уся сотня зрадыла... Погане дило!... Дитрыхъ!

Дитрыхъ (*выходыть зъ вежи*). Hier!

Рамберъ. Люде не обидалы?

Дитрыхъ. Ще ни, пане копытане.

Рамберъ. Нехай швыдче пойидять... роздай порохъ и кули... поклычъ покы що тихъ, що на брами,—ще йе часъ. (*Дитрыхъ видходыть управо, зъ палацу выходыть пидскарбій, стае на кіанку*).

Пидскарбій. Пане Жылю! а що, пидуть хлопци на замокъ?

Рамберъ. Якъ захтять, то пидуть.

Пидскарбій. А воно намъ безпешно? Якъ наше дило? (*на ганокъ выходитъ Янъ*).

Рамберъ. А ничого. Днивъ зо-три ще будемъ жыви... Diable!

Янъ (*гостро*). То жартуе панъ комендантъ!

Рамберъ. Добри жарты!

Янъ (*зъ гнивомъ*). Та що жъ панъ заразъ отутъ казавъ, колы панна Ядвыга пытала?

Рамберъ (*спокійно*). А на що квапытысь? хыба то що поможе; я такъ миркую, що усимъ колысь треба вмыраты, але не треба наперед знаты, колы воно буде. На що жъ було ясновельможну панну лякаты, колы ще три дни, кажу, маемо.

Янъ. Чого-жъ то три дни!? а дали!?.

Рамберъ. А йды, пане, сюды на часъ (*Янъ бижыть на валъ*). Бачышъ, пане, якъ захтять хлопы заразъ замку добуваты, то прыймемо ихъ добре—у другe не полизуть; але бачыть панъ добре отого щовба, що выще шынку?

Янъ. Ну, дали!?..

Рамберъ. А дали отъ-що. Сёгодни хлопы розибьють шынкы и выпьють усю горилку. Взавтра, або взавтра у-ночи, на тымъ щовби вже будуть покопани шанци и гарматы туды повытягають; писля того, у четвергъ, розибьють башту, що на кутку, и замкову браму, а у пьятныцю що тутъ буде робытысь, то вже мени байдуже буде, тай тоби, мабуть, пане. Розумієшъ?

Янъ. А у замку немае гарматъ?!

Рамберъ. Йе гакивныци маненьки, по дви у башти, а велыки гарматы уси по валахъ на передзамчу, але то вже не Жыль Рамберъ такъ добре выгадавъ. Якъ-бы учора, колы пійшовъ регыментъ, та зробывъ мене князь комендантомъ, якъ панъ каже, то булы-бъ отутъ ци гарматы, або въ кожнои хочъ по доброму цвяху сыдило-бъ; то була-бъ друга ричъ.

Пидскарбій (*тымъ часомъ стоявъ на подвирьи, слухаючы, йде у палацъ на бикъ*). Чекайте-жъ отутъ, панове, до пьят-

выци, кому те до вподобы, а я сёгодни у-ночы до Кыива, вже добре знаю, кудою звидцы выбратысь (*видходыть у палацъ*).

Янъ (*сумно*). Що-жъ робыты теперъ?

Рамберъ. Що робыты? Венгжыны выпыты, и моимъ овечкамъ по гарцю доброму даты—менче хлопамъ зостанется; тилькы не треба имъ лёху видчыняты, бо перепьются, тай дурно ихъ хлопы порижуть, а такъ ще на останне добре пограемось. Жовнирська доля—не до вподобы, молодый пане полковныку?

Янъ (*зворушеный*). Пане Жылю! не боюсь я смерти, бо шляхтычъ... але не знае панъ и нихто не знае, що кохаю я щыро панну Ядвыгу, що позавчора тильки я зъ нею заручывся.

Рамберъ. Sacrebleu!.. Шкода панны, та що-жъ... буває й такъ! (*павза*) Ма vie, е способъ, тилькы це пана дило!

Янъ. Кажы, хочъ у вогонь заразъ!!

Рамберъ. Сёгодни не пійдуть хлопы на замокъ, бо имъ дила багато: жыдивъ ризаты, раду збыраты, та горилку пыты. Якъ у-ночи не уси вартови пьяни будуть, то може зъ хуторянъ хто буде на варти, що пана николы навить и не бачылы. Одягнется панъ у хлопську одежу, тай у-ночи може якось зъ замку проберется, а тамъ просто до обозу.

Янъ (*кыдается, обіймае Рамбера*).

Рамберъ. Тилькы панъ це може зробыты, другыхъ заразъ пизнають, а пахолы—то зрадять, сучи сыны. Панъ визьме киндджалъ и пистоли; якъ добуде коня, то до Черкасъ не такъ воно й далеко.

Янъ. А вже-жъ недалеко!... Йидно, що боюсь: отакъ панну у замку покынуты; панъ князь щось заслабъ.

Рамберъ. Ма foi! Объ тимъ не турбуйся, пане: слово жовнирське пану за тры дни.... не бильше, бо тоди мени ва мого камарада пана Даныла соромъ буде, якъ винъ до пьятныци замку не визьме.

Янъ. Хлопъ мерзеный! Колы-бъ винъ мени у рукы тилькы попався!

Рамберъ. Э, пане, чого доброго жовнира лаяты!... Ну, нехай, це вже ваше дило... Але якъ зустринетесь може сёгодни

у ночи, то не забувай, пане, шапку изняты, та ще й чуба треба буде по козацькы выголыты (*сміется*).

Янъ. Ну, годи... Пиду вклонюся панни и ёго мосци (*хоче йты*).

Рамберъ (*зупыняе его*). Якъ хоче панъ мене послухаты, то ничого панни казаты не треба, бо якъ не схоче пана пустыты, и мени прыкаже, то й я тоди пану не дамъ утекты, хочъ-бы й звязаты мусывъ. А сёгодни ще до пивночи хочъ звидцы на аркани пана спустымо; а якъ вбьють, то хыба не одынъ чортъ сёгодни, чы у четвергъ? Жывцемъ тилькы не треба даватысь.

Янъ. То маю-жъ слово пана копытана (*стыскае руку*).

Зависа.

Ѳ. Пильченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Несостоявшійся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи.* Городской голова Архангельска, Поповъ, внесъ въ 1805 г. въ думу предложеніе о назначеніи мѣстному городскому духовенству опредѣленнаго жалованья, освободивъ его отъ обычныхъ хожденій по домамъ съ крестомъ и молитвою передъ праздниками Рождества и Пасхи. Дума признала, что обычай такого хожденія противорѣчитъ указу 1724 г. и, кромѣ того, «отнимаетъ къ духовнымъ уваженіе, ибо многіе дома иногда святыни съ подобающимъ благоговѣніемъ не пріемлютъ и священниковъ съ должною честію не пускаютъ подъ разными предлогами»; поэтому дума согласилась съ предложеніемъ головы и ассигновала: соборному причту 500 рублей въ годъ жалованья, а причтамъ остальныхъ городскихъ церквей отъ 250 до 100 руб. По донесеніи объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ и по докладѣ послѣдняго императору Александру I, архангельскимъ военнымъ губернаторомъ Форстеномъ былъ полученъ, въ сентябрѣ 1805 г., слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Объявите градской думѣ и всѣмъ, участвовавшимъ въ семъ положеніи гражданамъ, что, пріемля съ искреннимъ участіемъ каждый опытъ общественнаго къ церкви уваженія и взирая съ удовольствіемъ на всѣ тѣ случаи, гдѣ духовенству оказывается достодолжное вниманіе и преграждаются поводы, могущіе подвергнуть его какому-либо и самомалѣйшему въ народѣ нареканію, я по всѣмъ симъ отношеніямъ признаю поступокъ архангельскаго градского общества весьма похвальнымъ и заслуживающимъ особенную мою при-

знательность и благоволеніе». Такимъ образомъ мѣра, принятая городской думой Архангельска, была Высочайше одобрена и поощрена, какъ образецъ, достойный всеобщаго подражанія; поэтому со стороны министерства внутр. дѣлъ, а равно и св. Синода, были повсемѣстно разосланы указы относительно предложенія городскимъ обществамъ послѣдовать примѣру Архангельска и назначить духовенству постоянное жалованье взамѣнъ предпраздничнаго хожденія его по домамъ прихожанъ.

Получивъ такой указъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ немедленно оповѣстилъ о томъ всѣ городскія думы ввѣренныхъ ему полтавской и черниговской губерній и предложилъ обсудить данный вопросъ и донести ему, какое послѣдуетъ о немъ постановленіе.

Результаты этого предложенія по полтавской губерніи были таковы. Въ восьми городахъ (въ Переяславѣ, Прилукѣ, Золотоношѣ, Лохвицѣ, Пирятинѣ, Глинскѣ, Кобелякѣ и Константиноградѣ) думы не признали нужнымъ назначить своему духовенству постоянное жалованье, находя существующій обычай хожденія по домамъ съ крестомъ и молитвою вполнѣ умѣстнымъ и удержаніе его на будущее время весьма желательнымъ. Такъ, обыватели Кобеляка въ собраніи, созванномъ городничимъ, высказались, что они «очень довольны благонравіемъ и добрымъ поведеніемъ духовенства и считаютъ для себя пріятнымъ временемъ посѣщеніе ихъ въ домахъ по праздникамъ приходскими священниками, которые съ подобающимъ благоговѣніемъ, имѣя при себѣ крестъ, обходятъ своихъ прихожанъ. Самобѣднѣйшій хозяинъ вмѣняетъ себѣ въ немалую обиду, если приходскій священникъ въ опредѣленное праздникомъ время не посѣтитъ со святынею его дома». Прилуцкіе граждане также находили существующій обычай хожденія съ молитвою и крестомъ весьма хорошимъ, особенно въ праздникъ Богоявленія, «ибо вода (читаемъ въ ихъ постановленіи) освящается, по положенію церковному, не только къ одному только ея въ питье употребленію, но и для освященія домовъ». Пирятинцы отозвались, что они «за удовольствіе считаютъ» посѣщеніе ихъ домовъ духовными. Такъ же мотивировали свой отказъ и другія городскія думы. Роменская дума сначала отклонила отъ себя созваніе гражданъ для обсужденія предложеннаго вопроса и предложила это сдѣлать полиціи, но послѣдняя не рѣшилась на это, не имѣя предписанія начальства. Завязалась переписка. Князь Куракинъ пред-

писалъ думѣ созвать собраніе, находя, что «положеніе сіе (т. е. назначеніе жалованья) должно быть основано на добровольномъ согласіи общества, а потому полиціи не нужно». Послѣ этого вопросъ о жалованьѣ духовенству рѣшенъ думой въ утвердительномъ смыслѣ, для чего постановлено обложить городскихъ жителей небольшимъ налогомъ (по 23—24 коп. съ души, различно по приходамъ) и деньги эти вносить «ктиторамъ» (церковнымъ старостамъ). Подобное же постановленіе состоялось и въ Хоролѣ, гдѣ прихожане были обложены налогомъ по 20 коп. съ двора. Какъ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ остальныхъ шести уѣздныхъ городахъ—неизвѣстно, такъ какъ донесеній отъ нихъ не получено, или же они не сохранились въ дѣлѣ. Подобную же участь имѣло правительственное предложеніе и въ черниговской губ. Пять городовъ (Черниговъ, Козелецъ, Глуховъ, Конотопъ и Городня) совершенно его отвергли по тѣмъ же соображеніямъ, что и въ полтавской губ. Лишь въ двухъ городахъ [1]) состоялись постановленія о сборѣ въ жалованье духовенству—въ одномъ по 20 к., въ другомъ по 40 коп. съ души. Жители Стародуба также постановили сдѣлать сборъ въ пользу городского духовенства, но не въ формѣ опредѣленнаго налога, а въ видѣ добровольныхъ приношеній, чтобы каждый домохозяинъ вносилъ ту именно сумму, какую онъ платилъ духовенству при посѣщеніяхъ его дома, и собранныя такимъ способомъ деньги были распредѣлены между причтами. Достойно замѣчанія, что въ Стародубѣ въ то время было 16 церквей. Остальныя городскія думы не сообщили своихъ рѣшеній. [2])

Вообще можно сказать, что предложенная мѣра замѣнить доброхотныя подаянія духовенству опредѣленнымъ жалованьемъ не встрѣтила сочувствія въ Малороссіи и потому не имѣла никакого успѣха; даже и въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ состоялись постановленія о налогахъ въ пользу духовенства, эти постановленія остались мертвой буквой. Въ то время приходское духовенство въ Малороссіи было еще выборнымъ, а матеріальное его обезпеченіе, равно какъ и вообще правовыя отношенія причта и прихожанъ опредѣлялись путемъ свободнаго договора. Этими отношеніями, выработанными исторіей и общимъ строемъ жизни страны, обѣ стороны были

---

[1]) Въ какихъ именно—объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

[2]) Извлечено изъ архива Полт. Губ. Правленія; дѣло по описи № 273.

еще и въ началѣ XIX в. совершенно довольны и не видѣли нужды въ чемъ-либо измѣнять ихъ.

—

2. *Объ открытіи ртутной руды.* Помѣщикъ Константиноградскаго повѣта, маіоръ Бѣлуха-Кохановскій, увѣдомилъ въ 1805 году полтавскаго губернатора Муханова о находкѣ въ его имѣніи мальчиками-пастухами ртути. Не повѣривъ сначала мальчикамъ, самъ Бѣлуха пошелъ осматривать эти мѣста и дѣйствительно добылъ ртуть, которую и представилъ губернатору. Губернаторъ Мухановъ донесъ объ этомъ князю Куракину, которому и представилъ этотъ кусокъ ртути, „сіе новоизобрѣтенное ископаемое“, какъ выразился въ своемъ рапортѣ губернаторъ. Кн. Куракинъ послалъ эту ртуть, съ донесеніемъ, министру внутреннихъ дѣлъ, который поручилъ изслѣдованіе ея одному „изъ извѣстнѣйшихъ химиковъ“ (фамилія въ дѣлѣ не упоминается). О результатѣ этого изслѣдованія министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ кн. Куракина.

Сообщаемъ въ подлинникѣ результаты изслѣдованія, какъ это помѣщено въ бумагѣ министра. „По разслѣдованіи, читаемъ въ ней, оказалось: 1) что ртуть по всѣмъ пробамъ оказалась чистою и ни съ какимъ другимъ металломъ не смѣшанная; 2) что земля по наружному виду показываетъ находящуюся въ ней ртуть, какъ въ природномъ ея видѣ, такъ и въ соединеніи съ сѣрною и соляною кислотами; она нерѣдко также въ ртутной рудѣ бываетъ соединена съ сѣрою, которой, однакоже въ семъ случаѣ не было примѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ; на раскаленныхъ угольяхъ показывало ртутный паръ, но по причинѣ слишкомъ малаго количества ртутной руды, нельзя, было ни посредствомъ огня, ни посредствомъ раствора, опредѣлить количества ртути, содержащей въ оной.“

Этимъ исчерпывается все дѣло объ этой находкѣ. Судя по этому увѣдомленію министра, необходимы были дальнѣйшія изслѣдованія, но производились-ли они на мѣстѣ, изъ дѣла не видно. Имѣніе Бѣлухи-Кохановскаго давно перешло въ другія руки и обработки въ ней руды не было никогда. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, дѣло по описи № 260).

—

3. *О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ.* Въ 1804 году въ имѣніи жены капитана С. Н. Ковалевской, въ селеніи Надеждовкѣ (Константиноградскаго уѣзда) вода въ нѣсколь-

кихъ колодцахъ оказалась негодною для питья, изъ чего помѣщица заключила, что эта вода—минеральная, очень полезная при излѣченіи скорбута, о чемъ и донесла полтавскому губернатору. Помимо этого, въ томъ же донесеніи Ковалевская сообщаетъ, что въ имѣніи ея есть и глина, очень удобная для валянья суконъ, вполнѣ замѣняющая мыло. Губернаторъ сообщилъ объ этомъ кн. Куракину, который сейчасъ предписалъ доставить эту воду въ Полтаву, во врачебную управу для изслѣдованія. Химическій анализъ, за отказомъ завѣдывавшаго въ то время большой Лубенской казенной аптекой и ботаническимъ садомъ, Штаубе, порученъ былъ завѣдывавшему только что открытой, по иниціативѣ того же Куракина, первой аптекой въ Полтавѣ, провизору Ивану Сессу. Сессъ произвелъ химическій анализъ присланной воды, ѣздилъ въ имѣніе Ковалевской и нашелъ въ составѣ воды примѣси глауберовой соли, сѣрнокислой извести, углекислой магнезіи, горькой соли и проч. Но кн. Куракинъ не удовольствовался этимъ и отправилъ нѣсколько бутылокъ воды для изслѣдованія въ Харьковскій университетъ, гдѣ оно было поручено адъюнкту Гизе. Послѣдній счелъ необходимымъ побывать на мѣстѣ, куда и направился, пробывъ въ Надеждовкѣ довольно долго. Изслѣдованіе его сошлось съ анализомъ Сесса; онъ нашелъ тѣже примѣси, сообщивъ, что вода эта полезна при лѣченіи желудка и головныхъ болей. Заинтересованный этимъ кн. Куракинъ счелъ нужнымъ лично отправиться въ имѣніе Ковалевской и въ имѣніе С. М. Кочубея (по р. Орели), гдѣ открылась такая же минеральная вода. Вслѣдъ за открытіемъ воды въ имѣніи Кочубея, открылась вода съ тѣми же свойствами и у сосѣда Ковалевской, въ имѣніи отставного маіора Кулина. Наплывъ больныхъ въ Надеждовку, владѣлица которой продавала уже воду на сторону, по 2 к. за кварту и позволяла даже вывозить ее бочками, видимо, смутилъ маіора Кулина, который, не желая нарушить своего покоя, велѣлъ засыпать колодезь. Лѣченіе же у Ковалевской больныхъ продолжалось и количество ихъ все увеличивалось. Пользованіе этой водой, отъ которой многіе якобы излѣчивались, сдѣлалось извѣстнымъ далеко за предѣлами Полтавщины. Одесскій вольнопрактикующій врачъ, нѣкто Новакъ, нарочно прибылъ въ имѣніе Ковалевской, производилъ изслѣдованія и донесъ генералъ-губернатору о десяти случаяхъ исцѣленія этой водой отъ болѣзней. Характерно, что этотъ врачъ Новакъ никогда не былъ въ Одессѣ врачемъ, какъ онъ подписался на своемъ донесеніи. Кн. Куракинъ, желая сдѣлать его врачомъ

въ Надеждинскомъ курортѣ, обратился съ запросомъ о немъ въ Одессу, откуда увѣдомили, что такого врача въ Одессѣ нѣтъ и не было.

Наплывъ больныхъ и успѣшность ихъ лѣченія обратила вниманіе константиноградскаго маршала (уѣзд. предводителя), видимо, слѣдившаго за ходомъ этого дѣла, и онъ донесъ кн. Куракину, что вода эта производитъ „чудныя дѣйствія.“ Дѣйствительно, въ дѣлѣ находимъ многочисленный списокъ больныхъ, получившихъ исцѣленіе отъ пользованія этой водой, главнымъ образомъ, больныхъ желудкомъ, ревматизмомъ, головными болями, одышкой и проч. Эти свѣдѣнія заставили кн. Куракина отправить донесеніе обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Послана была для изслѣдованія и вода. Изслѣдованіе въ Петербургѣ затянулось и результаты его сдѣлались извѣстны только въ 1808 г., о чемъ кн. Куракинъ, бывшій тогда уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, и увѣдомилъ своего преемника по управленію Малороссійской губерніей, кн. Лобанова-Ростовскаго. Воду эту Медицинскій совѣтъ нашелъ полезною, похожею по свойствамъ своимъ, на Зейдшицкія воды въ Богеміи. Министръ вн. дѣлъ поэтому разрѣшилъ устроить въ Надеждовкѣ курортъ для лѣченія этой водой и приступить къ необходимымъ постройкамъ. (Кочубей уже, какъ видно изъ бумаги министра, приступилъ къ нимъ); кромѣ того, разрѣшено было назначить особаго доктора при этихъ водахъ, съ правами коронной службы. Продавать же воду на сторону, какъ это дѣлала Ковалевская, было запрещено. Долго ли просуществовалъ этотъ курортъ—неизвѣстно. Одно лишь можемъ сказать, что въ настоящее время никакого курорта въ константиногр. у. нѣтъ, не сохранилось и преданія о томъ, что онъ когда-то былъ.

Въ этомъ же дѣлѣ есть замѣтка Пиленка, служившаго въ то время на Луганскомъ заводѣ. Этотъ Пиленко, обозрѣвая горы по правой сторонѣ р. Орели, замѣтилъ такую же глину, какая была найдена въ имѣніи Ковалевской, для чего и рылъ небольшія копанки, которыя, какъ онъ доносилъ объ этомъ, скоро наполнялись соленовато-горькою водою, похожею на воду, открытую у Ковалевской и Кочубея. Изъ этихъ данныхъ (а рылъ онъ эти копанки въ разныхъ мѣстахъ) Пиленко и дѣлаетъ выводъ, что такую воду можно найти во многихъ мѣстахъ. Эта замѣтка Пиленка заставляетъ предположить, что вода въ имѣніяхъ Ковалевской и Кочубея едва ли была вполнѣ цѣлебной; на нее въ первое время набросились больные, а затѣмъ

наплывъ мало-по-малу сокращался, пока совсѣмъ перестали ею пользоваться. Что касается глины, то Пиленко, сообщившій, что такой глины много въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, былъ правъ; это былъ мергель, т. е. глина съ примѣсью извести. (Арх. Полт. Губ. Правл. дѣло № 233).

И. Фр. Павловскій.

Одинъ изъ колоколовъ новгородсѣверскаго спасскаго монастыря. *(Къ исторіи литейнаго искусства въ старой Малороссіи).* Исторія колокола видна изъ слѣдующихъ на немъ надписей. *На одной сторонѣ*: «Сей звонъ дѣлалъ в Новгородку Сѣверскомъ Иванъ Андриевичъ, людвисаръ (литейщикъ) новгородски». Подъ этою подписью гербъ Мазепы съ иниціалами: І. М. Г. В. Е. Ц. П. В. З. и стихи:

Иоанъ, гетманъ славный на Бжию хвалу,
Полагаетъ надежду и всю свою славу,
Возгласитъ и сей еще звунъ о его славѣ,
А придатокъ немалый будетъ к вѣчной хвали.

На другой сторонѣ: Гербъ архимандрита Михаила Лежайского, съ иниціалами: М. Л. А. М. В. С. Н. С., и стихи:

Вѣртъ (?) от Симеона гетъманича данимъ
Колоколъ Спсу зосталъ зепсованимъ,
В звонѣхъ же Спсу хвалу добре быти
Новопотщался звонъ тожъ переробити.

Вверху этихъ надписей, изображеніе Спасителя и кругóмъ слова: «краснѣйши добротою паче сыновъ человѣческихъ царь славы Гдь».

Кругомъ всего колокола надпись: «Року ҂ахун (1698), мца октотоврія дня а҃, за державу благочестивого нашего гдра цра и велико'о кнзя Петра Алексеевича, Великія и Малыя Россіи Самодержца, и при счастливымъ владѣніи ясневелможного его милости пана Иоана Стефановича Мазепы, гетмана войска его црского пресвѣтлого величества запорозкого. Изрядну же обители свтой всемлстиваго Спса новгородзкого строителю архимандриту сущу тогда Михаилу Лежайскому».

Кромѣ колоколовъ, въ старой Малороссіи лили и пушки. Въ артиллерійск. музеѣ, въ С.-Петербургѣ, хранится пищаль (вѣсъ 23

пуда 30 фунт.) съ такою надписью на казенной части: «За счастливого регимента ясновелможной (sic) милости пана Ивана Мазепы, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества запорозского, вылита сія армата въ Глуховѣ до города Кенетопа (т. е. Конотопа), року 1697. Карпъ Іосифовичъ дѣлатель». Въ Брянскомъ арсеналѣ имѣется мортира, вѣсомъ въ 50 пуд., съ слѣд. надписью на дульной части орудія: «За царства пресвѣтлѣйшого и великодержавнѣйшого государя царя, великого князя Петра Алексѣевича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, стараніемъ же и коштомъ ясневелможного его милости пана Іоана Мазепы, гетмана съ войскомъ запорозкимъ». На казенной части: «лилъ сей можчеръ [1]) Карпъ Іосифовичъ, людзисаръ глуховски, року 1698». (См. «*Обзоръ коллекцій артиллерійскаго отдѣла Московск. политехнич. выставки 1872 года*». Спб. 1872, 16°, стр. 29, 44).

Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ. «Милостивый государь Василій Григорьевичъ! Вы имѣете здравомысла. Поздравляю васъ, себя и благомыслящихъ соотечественниковъ нашихъ. Кто не порадуется, видя такого молодого человѣка, подающаго великіе о себѣ надежды?—О ежели бы у насъ было побольше здравомысловъ!

Возвращаю вамъ его труды. Благодарю вамъ за пріятные минуты, доставленные мнѣ чтеніемъ оныхъ. Простите мнѣ, что я умедлилъ возвращеніемъ. Я не могъ лишить моихъ пріятелей удовольствія, чтобы не сообщить имъ сего сочиненія для прочтенія.

Уже двѣ части маія прошло, а я не собрался выѣхать въ мой хуторъ въ роменскомъ повѣтѣ. По пріѣздѣ моемъ туда, надѣюсь найти (въ) Роменской почтовой конторѣ, у г. Палажченкова, ваше писаніе ко мнѣ и еще какіе-нибудь изъ книгъ и изъ бумагъ вашихъ.

Честь имѣю быть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда вамъ, милостивому государю моему, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепа.

Мая 19 д., 1810 года. Чепурковка». *(Съ подлинника).*

Кого разумѣетъ здѣсь Чепа подъ именемъ *здравомысла*—не догадываемся.—Въ это время Чепа жилъ, повидимому, въ отставкѣ въ пря-

---

[1]) См. у Линде: „Możdzierz—rodzay działa krótkiego, ale średnicy obszerney do rzucania bomb i różnych kul ognistych».

тинской деревнѣ своего тестя, мичмана Плевковскаго, Чепурковкѣ. [1])— Здѣсь же, для біографіи Чепы, сообщаемъ два свѣдѣнія. *Первое.* Подъ конецъ своей службы у Румянцова, Чепа занимался и частными дѣлами послѣдняго; онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсульта по имѣніямъ Румянцова и давалъ свое заключеніе, напр., по вопросамъ о возбужденіи судебныхъ процессовъ изъ-за имѣній Румянцова. Положеніе Чепы, среди персонала разныхъ управляющихъ Румянцова—видно изъ слѣд. письма одного изъ послѣднихъ (Подлузскаго), писаннаго къ Чепѣ въ іюлѣ 1792 г.—«Какъ я вамъ, любезный другъ мой, усердно преданъ, такъ и скажу правду, что въ Тополѣ и во Внуковичахъ не нашолъ (ничего?) къ лучшей ползѣ господской. Потщимся хотя мало чемъ отслужить нашему велнкому хлебодару. А что вы просили отлучится въ вашъ домъ, въ семъ васъ я не оправдаю. Я будучи при сущей моей семьѣ, желаю толко случая приказаніе его с—ва вездѣ исполнять волю его, а вы другова со мною расположенія...» *(Орфографія подлинника).*

Второе. Въ бумагахъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ Университетъ св. Владиміра, находится, между прочимъ, такая замѣтка о Чепѣ: «Ст. сов. Чепа, служившій въ канцеляріи Румянцова по гражданской части, человѣкъ начитанный, достигшій—посредствомъ упражненія—искусства писать превосходно и даже опередившій свое время. Человѣкъ тяжелый и вялый, отъ котораго трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды призываемъ малороссійскимъ генер.-губернаторомъ (кн. Репнинымъ) въ правители канцеляріи, но безъ успѣха».

Письмо гр. П. А. Румянцова къ Г. Я. Макарову. «Государь мой Гаврила Яковлевичъ! Получа сіе, пришлите сюда въ скоромъ времени находящихся въ Дѣвицѣ (село прилуцк. у.) моихъ музыкантовъ съ ихъ инструментами, гузаровъ двухъ, на ихъ лошадяхъ, съ уборомъ, птичника, егеря, поварскаго мальчика Петра Писарева и два цука лошадей чалыхъ и разношерстыхъ, съ надлежащимъ числомъ кучеровъ и форейторовъ.

---

[1]) См. „Извѣст. Таврич. Учен. Архивн. Коммиссіи", № 22, *Ордера кн. Пл. Ал. Зубова.*

Евграфа Украинцова пошлите въ Парафѣевку, приказавъ ему осмотрѣть тамъ всѣ мои вещи и уборы, также разные припасы и протчее, и ко мнѣ прислать всему тому реестръ съ прописаніемъ, въ какомъ состояніи что онъ найдетъ и причинъ, отъ чего что испортилось и не годится.

Изъ письма вашего вижу я, что вы не выдали жалованья и по сіе время моимъ людямъ въ Дѣвицѣ находящимся, и какъ у васъ мои деньги есть, то вы и можете употребить ихъ на то, и мнѣ послѣ дать знать, что кому выдано будетъ. Все прописанное въ семъ прошу васъ неукоснительно исполнить. Вашъ охотный слуга *Г. Румянцевъ-Задунайскій.*

10 декабря, 1783 года. Вишеньки». *(Съ подлинника. Собственноручная только подпись).*

Г. Я. Макаровъ завѣдывалъ борзенскими и прилуцкими имѣніями гр. Румянцова. Женатъ онъ былъ на дочери Н. Н. Матониса (владѣльца нѣжинскаго села Липова-Рога) Натальѣ Николаевнѣ. Позже Г. Я. М—въ былъ прилуцкимъ предводителемъ дворянства. Сынъ Г. Я. Макарова—Яковъ Гавриловичъ въ полов. XIX в. былъ предсѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда. [1])

Что значитъ слово „гомель?“ При описи батуринскихъ дворовъ ген. обознаго Ивана Ломиковскаго (послѣ его измѣны), замѣчено: «въ городѣ, въ замку, бывалъ третій дворъ Ломиковского, на которомъ былъ *гомель* каменной, а нынѣ разобранъ, а по сказкѣ дворника—съ погреба каменнова а в замку—з гомеля, кирпичъ сломали и свозили—госпожа Кочубѣиха къ себѣ на дворъ, и строила себѣ будинки, да мѣщанинъ Клименко, краморникъ, избудовалъ себѣ изъ того кирпича свѣтлицу». (Опись относится къ 1726 г.).

Для исторіи компанейскихъ полковъ. Компанейскими, иначе сердюцкими и охотницкими, полками въ гетманщинѣ назывались полки, набиравшіеся изъ охотниковъ, за плату; они были конные и

---

[1]) См. о немъ „*Ежегодникъ коллегіи П. Галагана на 1901 годъ*“, стр 98.

пѣхотные. Начало ихъ относится ко времени Дорошенка и Многогрѣшнаго. Нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія за перв. половину XVIII в. приводимъ здѣсь.

Въ 1722 г., генеральная старшина въ отвѣтъ на запросъ малороссійской коллегіи объ этихъ полкахъ, писала: «сердюковъ за бывшихъ гетмановъ, для службы государевой, было пять полковъ; компанѣйцевъ—такожъ пять полковъ; а были оные полки однакъ противъ другого комплектомъ неравны; однакъ ниже шестисотного числа козаковъ въ оныхъ полкахъ не было; которымъ давано окладу денежного, съ арендовыхъ войсковыхъ грошей, въ годъ, компанѣйцамъ: одному рядовому человѣку по 4 рубля; а кто съ молодикомъ служитъ, такимъ по 6 рублей, опрочь мѣсячного оброку; а мѣсячного оброку въ лѣтнихъ мѣсяцахъ, давалось имъ каждому, по 8 гривенъ, а въ зимнихъ, сверхъ того, придавано на овесъ для ихъ же коней, по 2 гривны и поболшъ, смотря по продажѣ овса; якое мѣсячное давалось имъ съ людей посполитыхъ, на которыхъ были имъ квартиры опредѣлены. А сердюкамъ на всѣ зимніе и лѣтніе мѣсяцы, равно по 8 гривенъ, а въ годъ по 2 рубля и по кунтушу суконному. Старшинѣ тоже ихъ компанейской и сердюцкой былъ окладъ денежный, каждому по ихъ чинамъ, погодно и помѣсячно; да имъ же были вездѣ по полкахъ, въ Малой Россіи, для довольствіа самыхъ и коней опредѣлены квартиры».

Назначеніе этихъ полковъ гетманъ Апостолъ, въ 1728 г., такъ опредѣлилъ: «охочекомонные и охочепѣхотные полки содержались въ Малой Россіи, для употребленія во всякихъ войсковыхъ оказіяхъ; ибо, покамѣстъ козаки городовые и реестровые съ полковъ выберутся отъ домовъ своихъ въ походъ, они, охотницкіе, всегда готовы на скорые поѣздки, ради добытія языка, для первой стражи и, въ часъ баталіи, первый фронтъ противъ непріятеля, выдержютъ. Сверхъ того, сердюки всегда ходили при генеральной артиллеріи и при гетманахъ, а компанѣйцы, когда походу нѣтъ, посылались въ мѣста пограничныя далные или форпосты».

Начало компанейскимъ полкамъ положено было козацкою вольницею вслѣдъ за Андрусовскимъ заговоромъ, когда заднѣпровская Малороссія отдана была Польшѣ: въ это время такіе удальцы, какъ Палій, Самусь и друг. собирали около себя «компанію», рядъ искателей приключеній, съ которою отбивали татарскіе набѣги или грабили польскую шляхту. Уже при Самойловичѣ были охотницкіе

полки, изъ которыхъ надъ однимъ начальствовалъ извѣстный Яовицкій. [1]) При Мазепѣ компанейскіе полки были въ особенной чести и, по свидѣтельству современника, состояли изъ однихъ поляковъ. [2]) Мазепа, уходя къ Карлу XII, защиту Батурина поручилъ сердюцкому полковнику Чечелю и есаулу нѣмцу Кёнигсеку; сопротивленіе ихъ Меншикову—извѣстно. Послѣ Мазепы, на компанейскіе полки русское правительство смотрѣло подозрительно и указомъ 14 іюля 1726 года было повелѣно: «компанейскихъ трехъ полковъ наличныхъ людей скасовать въ два полка и быть нынѣ по 600 человѣкъ въ полку, а впредь, смотря по нуждѣ, учинить по 1000 человѣкъ... А сердюцкому полку, кои служили во время походовъ, при гетманѣ—не быть, понеже за ними нынѣ въ Малой Россіи никакой службы нѣтъ». [3])

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство кіевскихъ гражданъ о выселеніи изъ Кіева евреевъ (1830 г.).* Его Высокопревосходительству, господину генералъ-лейтенанту, сенатору, кіевскому военному губернатору, управляющему гражданской частью и кавалеру, Борису Яковлевичу Княжнину 2-му. Кіевскихъ жителей гражданъ, купцовъ и мѣщанъ ниже-подписанныхъ прошеніе:

Волею Всемилостивѣйшаго Государя Императора послѣдовало благоволеніе переселить постоянное жительство евреевъ изъ сей древней столицы, какъ противное правамъ и привелегіямъ въ разные времена городу Кіеву дарованнымъ. Каковую волю Монархъ благоволилъ именнымъ указомъ предмѣстнику Вашего Превосходительства, господину кіевскому военному губернатору и кавалеру Желтухину, исполнить, постановляя въ ономъ, «что евреямъ неминуемо воспретить жительство въ Кіевѣ, яко вредное не только для города, но и для самой казны». Въ исполненіи онаго Высочайшаго постановленія, военный губернаторъ предписалъ губернскому правленію 1827 года декабря 2 дня. «1-е) Безослабно евреевъ иногородныхъ, имѣющихъ жительство по паспортамъ, совершенно черезъ 6 м-цей

---

[1]) Акты Зап. Рос., V, 134 и друг.

[2]) Соловьевъ, XIV, 317.

[3]) Арх. генер. к—ріи, по черниг. оп. № 3817.

вывесть изъ Кіева со дня полученія указа. 2-е) Записанныхъ въ Кіевѣ купцовъ и мѣщанъ, неимѣющихъ въ городѣ Кіевѣ недвижимости, обовязавъ ихъ подписями о немедленной переписке въ мѣста имъ дозволенные, вывесть чрезъ одинъ годъ. 3-е) Имѣющимъ домы чрезъ 1 годъ, воспретивъ имъ всякую промышленность, дозволя прожитіе единственно для продажи оныхъ, удалить чрезъ два года, за непродажею же недвижимости чрезъ три м-цы (каковой срокъ уже и окончился) продать съ авкціона и вырученные деньги обратить въ пользу хозяевъ».

Но какъ, за отсутствіемъ г. предмѣстника В. В., Высочайшая Монаршая воля оставалась не во всей силѣ соблюдена, и евреи своимъ непостоянствомъ въ нарушеніи всероссійскихъ купеческихъ постановленій, непрестанно вредя, удручаютъ христіянъ, лишая всѣхъ средствъ и способа разноскою товаровъ и прочимъ, постоянному промыслу съ ущербомъ казнѣ; о чемъ мы прибѣгали подъ защиту господина кіевскаго гражданскаго губернатора и кавалера, и г. губернскаго прокурора, съ прошеніями еще въ ноябрѣ м-цѣ истекшаго 1829 года, прося не лишить насъ Монаршей милости, повелѣть исполнить точность Высочайшаго указа. Но неудостоившись получить на то никакой резолюціи, и притомъ, видя не только не воспрещеніе жительства евреевъ въ Кіевѣ, ни прекращеніе торговли, ниже самой продажи имѣнія; но изъ за того еще и въ ново открываемые лавки и пріезди цѣлими семействами на жительство; а во время бывшихъ прошедшаго генваря сего 1830 года въ Кіевѣ контрактовъ, въ противность волѣ Монаршей, и въ отмѣну силы указа, допущена торговля, не только вѣрителямъ купцовъ 1-й и 2-й гильдій, но даже и самимъ иногороднымъ 3-й гильдіи евреямъ купцамъ и мѣщанамъ въ открытыхъ лавкахъ и разноска товаровъ.

Отягченные неповинными обстоятельствами, вынужденными заставленны при самихъ первыхъ порахъ утруждать Вашего Высокопревосходительства, покорно прося прынять угнѣтенныхъ подъ Ваше покровительство, дать мѣсто ослабляемой справедливости и повелѣть исполненіемъ указа оправдать сущее желаніе монаршей волп». (Слѣдуютъ подписи бургомистра Михайла Гоцаенка, именитаго гражданина Климента Терновскаго и др. (41) купцовъ, гражданъ, мѣщанъ).

Просителямъ чрезъ полиціймейстера объявлено, что надлежащія по сему дѣлу распоряженія сдѣланы прежде подачи ими прошенія.

2) *Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь.* Въ 1837 году Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ поселеніе евреевъ въ Сибири рѣшительно и навсегда прекратить; впредь поселеніе производить въ новороссійскихъ и, буде можно, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, и въ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено имѣть постоянную осѣдлость. Партіи евреевъ, направившихся въ Тобольскую губернію, или Омскую область, находящихся въ пути, или распродавшихъ имущество,—обратить въ Херсонскую губернію для водворенія въ тамошнихъ еврейскихъ колоніяхъ, съ дарованіемъ всѣхъ льготъ, ожидавшихъ ихъ въ Сибири, согласно правиламъ 20 ноября 1836 г. Изъ дѣла видно, что въ юго-западномъ краѣ не оказалось ни одного еврея, собиравшагося переселиться въ Сибирь, а потому Высочайшее повелѣніе не могло быть исполнено мѣстными губернаторами.

—

3) *Мѣры къ упорядоченію торговли и разсчетовъ евреевъ съ христіанами.* По требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, осенью 1845 г. городничимъ, обще съ исправниками и становыми Кіевской губерніи, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ предписано всемѣрно наблюдать: *а*) дабы евреи, при разсчетахъ съ сельскими обывателями по торговлѣ, или какимъ-либо обязательствамъ, не производили платежей съ начисленіемъ на каждый рубль серебромъ по 50 коп. ассигнаціями ложа, считая рубль серебромъ въ 4 р. ассигн., а 25 коп. серебромъ въ 1 рубль ассигн.; между тѣмъ какъ сами принимаютъ монету не иначе какъ по установленному курсу, т. е. 1 р. сербр. за 3 р. 50 к. ассигн.

б) Чтобъ въ городахъ и мѣстечкахъ не употреблялись въ торговлѣ неузаконенные вѣсы и не допускались перекупы, коими преимущественно занимаются евреи, между тѣмъ какъ мѣстная полиція не обращаетъ на это должнаго вниманія.

—

4) *Овруцкій археологъ 1840 г.* Въ январѣ 1840 года адвокатъ овручскаго уѣзднаго суда Иванъ Загоровскій, освѣдомившись, что предводители и мѣстныя полиціи, по требованію генералъ-губернатора, озабочены собраніемъ описаній памятниковъ стариннаго зодчества на Волыни, сообщилъ предводителю дворянства, что братъ его, адвоката Загоровскаго, приводя въ устройство архивъ овручскаго Базиліанскаго монастыря, между прочими документами отыскалъ лос-

кутокъ бумаги начала XV столѣтія, на коемъ польскими буквами было изображено:

«Обручи, мисто велике, оборонное, опалисадованы, отъ непамятныхъ литъ непріятелями зруйноване, осажене на около рогатынами, шарпетынами, гаковницами и другою бронью. Въ немъ княжечихъ и паньскихъ домовъ 400. Въ томъ мисти находится Васильевская золотоверхая церковь».

Баснословятъ, прибавляетъ отъ себя Загоровскій, «что предъ дверьми этой церкви была пещера, имѣющая комуникацію съ кіевскими пещерами, въ коихъ почиваютъ мощи святыхъ богоугодниковъ»...

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни. Волын. Епарх. Вѣдомости 1901 года въ статьѣ «Высокопреосв. Модестъ, архіеп. волынскій и житомірскій (по поводу 50-тилѣтняго юбилея, 1849—1899)» сообщаютъ нѣсколько резолюцій Высокопреосвященнаго по поводу мѣстныхъ обычаевъ. Резолюціи эти относятся къ 1890—1891 годамъ.

Одинъ священникъ просилъ о перемѣщеніи на другой приходъ въ виду того, что крестьянинъ Д. съ своей женой не допускалъ его съ погребальною процессіей въ новоустроенную церковь, а просилъ раньше совершить бракъ. На этого крестьянина священникъ подалъ жалобу въ судъ. Высокопр. Модестъ писалъ: «Священникъ затѣялъ нехорошее дѣло. Будучи образованнымъ, онъ не нашелъ нужнымъ снизойти къ немощи необразованныхъ, напередъ не объяснилъ имъ, въ чемъ тутъ дѣло... И развѣ дѣло хорошее, чтобы священникъ судился своихъ прихожанъ за такое желаніе, чтобы прежде было въ церкви радостное молитвословіе, а потомъ печальное? Откуда штунда, откуда ненависть къ духовному пастырю, какъ не отсюда,—отъ неумѣнія священника поставить себя предъ прихожанами на духовной высотѣ мудрости, снисхожденія и даже защиты. Нужно поправить дѣло. По моему желанію и желанію самаго священника, выраженному лично мнѣ, Духовная Консисторія снесется съ судебнымъ слѣдователемъ о прекращеніи дѣла».

Нѣкоторые изъ молодыхъ священниковъ, по неопытности своей, не слѣдовали давно установившимся обычаямъ въ приходѣ, и даже

старались (безъ всякихъ резонныхъ основаній) искоренить ихъ, чѣмъ вызывали недовольство, а иногда и безпорядки со стороны прихожанъ. Въ этихъ случаяхъ Владыка требовалъ обстоятельнаго распроса и провѣрки этихъ обычаевъ. По поводу доклада священника «объ упраздненіи заведенныхъ крестьянами разныхъ праздниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ церковностью», было поручено благочинному разслѣдовать путемъ распроса прихожанъ: «1) Когда и по какому случаю завелись обычаи праздновать не въ одни храмовые праздники, но и въ дни, избранные прихожанами? 2) правда ли, что будто только по желанію помѣщиковъ, неужели поляковъ? не эти ли помѣщики, наоборотъ, истребляли праздники? 3) не дѣйствительными ли причинами праздниковъ—бывшія въ этомъ приходѣ старыя церкви съ бывшими другими храмовыми праздниками, чѣмъ теперь? 4) не служатъ ли основаніемъ для праздниковъ чудотворныя или хвалебныя иконы, или лица святыхъ, которымъ по древнему преданію прихожане оказываютъ уваженіе?... Указываемые дни праздновались во всей Руси изъ древности. Зачѣмъ же уничтожать вѣру и усердіе къ храму при нынѣшнемъ вообще оскудѣніи благочестія? Бѣда только, что будто пьянствуетъ народъ. Но, во 1-хъ, проповѣдь постоянная рано или поздно возъимѣетъ свою силу; во 2-хъ, развѣ у священниковъ въ храмовые дни не бываетъ гостей и угощеній; а главное,—священникъ, желающій уменьшить пьянство, пусть вмѣсто корчмы дастъ народу что-либо другое, напр., пусть послѣ обѣда соберетъ въ какой-либо домъ прихожанъ и показываетъ имъ священныя изображенія и объясняетъ священную исторію, догматы символа вѣры, заповѣди и проч. Взять у народа праздникъ подъ видомъ упраздненія пьянства и не дать ему взамѣнъ этого ничего, этимъ не только не уменьшится пьянство, но быть можетъ заведется штунда... Въ народѣ часто лучше сохраняется преданіе о древнихъ обычаяхъ православной церкви на Волыни, чѣмъ у священниковъ, переселяющихся съ мѣста на мѣсто. Волынское православіе содержится тысячу лѣтъ, и народъ его сохранилъ,—нужно это помнить, чтобы поправкою не испортить чего».

Такое же внушеніе дѣлаетъ высокопр. Модестъ и другому священнику «за то, что онъ, будучи неопытнымъ, и недавно состоя на приходѣ, безъ совѣта благочиннаго самовольно измѣняетъ древніе обычаи братчиковъ приносить и дѣлать свѣчи изъ желтаго воска.. Священникъ долженъ подробно описать обычай братства. Если что у него худо, то можно исправить безъ нарушенія общаго обычая

и нужно выработать правила. Священникъ требуетъ поддержать его авторитетъ предъ прихожанами. Какъ же поддержать, если онъ неправильно дѣлаетъ, раздражаетъ прихожанъ, уничтожаетъ обычаи и требуетъ, чтобы братчиковъ было не столько, сколько хотятъ прихожане, а сколько священникъ безъ основанія хочетъ назначить. Братчиками должны быть всѣ прихожане».

Съ осторожностью относился Владыка къ ходатайствамъ о запрещеніи нѣкоторыхъ обычаевъ (свадебныхъ) и разныхъ пѣсенъ. «Истреблять посредствомъ полиціи мѣстные обычаи, писалъ онъ, неудобно; иначе можетъ зародиться какая либо секта. Духовенство обязано въ поученіяхъ изъ слова Божія и постепенно безъ насилія увѣщевать оставить грубые обычаи и вводить вмѣстѣ съ тѣмъ святые. Если допустить полицію въ среду внутренней жизни крестьянъ, то сельскія власти и полиція могутъ вмѣшаться въ обычаи и жизнь духовенства и выставить на видъ всѣ недостатки и неприглядные обычаи духовенства. А кто поручится, что этого нѣтъ!».

Въ числѣ неблаговидныхъ поступковъ прихожанами и даже священниками отмѣчалось пѣніе колядъ, а иной разъ просили и совершенно воспретить колядовать во время Рождественскихъ праздниковъ въ виду возникающихъ безпорядковъ. По этому поводу давались слѣдующія разъясненія: «По изданному въ Холмѣ Богогласнику не воспрещается, а дозволяется пѣть въ домахъ (но не въ церкви) коляды по древнему обычаю. Запретить колядовать невозможно, такъ какъ это вкоренилось въ народѣ,—а что безпорядки есть, въ этомъ виновато само духовенство, что выпускало изъ рукъ управленіе колядками... А потому: 1) поручить младшему священнику (собора) Г., чтобы онъ созвалъ въ церковь прихожанъ и сказалъ отъ моего имени, чтобы они вмѣстѣ съ священникомъ избрали колядниковъ, извѣстныхъ трезвостью и честностью, и чтобы начальникомъ надъ колядками назначенъ былъ по общему согласію, одобренному священникомъ Г., такой человѣкъ, который бы, отличаясь трезвостью, честностью и вліяніемъ на прихожанъ, могъ сдерживать ихъ буйства. 2) Объявить прихожанамъ, что по давнему обычаю колядованіе есть свидѣтельство, что колядующіе есть православные русскіе люди, а не поляки,—поэтому всякія польскія коляды воспрещаются рѣшительно. Если кто будетъ колядовать по-польски, то гражданское начальство подвергнетъ взысканію, и священникъ Г. пусть за этимъ слѣдитъ, а отвѣчаетъ за это предводитель колядниковъ. 3) Кромѣ того, объявить прихожа-

намъ, что колядовать взято отъ дьячковъ. Только дьяки имѣли право колядовать. Это по-русски значитъ Христа славить. А для облегченія поручить братчикамъ помочь въ этомъ ему (дьячку) съ тѣмъ, чтобы половина дохода непремѣнно была отдаваема въ церковь. Вообще священнику Г. поручается разъяснить прихожанамъ и колядникамъ и наставить ихъ, чтобы они не вели себя худо».

На рапортѣ священника Н. объ уничтоженіи, при посредствѣ гражданской власти, существующихъ въ народѣ разныхъ суевѣрій и обычаевъ послѣдовала такая резолюція: «Всякіе обычаи, существующіе въ Малороссіи, религіозные или домашніе, возникли не случайно, а на почвѣ исторической. Эти обычаи въ народѣ существуютъ и въ Великороссіи. Уничтожать обычаи зря и безъ разбору опасно, а необходимо исторически разслѣдовать сперва ихъ начальное происхожденіе и значеніе вообще и въ частяхъ. А потому, прежде разсмотрѣнія этого рапорта, предписать чрезъ благочиннаго священнику Н., чтобы онъ, прочитавши всѣ ученыя сочиненія, въ которыхъ описываются обычаи, пѣсни и обряды религіозные и домашніе на Волыни и въ Малороссіи, объяснилъ бы: 1) откуда произошли обычаи, о которыхъ говоритъ въ рапортѣ, въ его приходѣ; 2) имѣютъ ли эти обычаи связь съ обычаями прочихъ приходовъ Волыни и съ древнею народною жизнью; 3) кто изъ его предшественниковъ по настоятельству въ приходѣ, или изъ прежнихъ малорусскихъ ученыхъ хвалилъ или осуждалъ эти обычаи, или заботился объ ихъ перемѣнѣ; 4) кто и по какому случаю выдумалъ коляды; 5) не имѣютъ ли коляды какого либо отношенія ко времени борьбы народа за православіе и къ состоянію духовнаго образованія въ то время, когда онѣ составлялись; 6) какъ смотрятъ ученые на обычай колядъ въ Малороссіи,—пусть приведетъ свидѣтельства ученыхъ; 7) пусть узнаетъ, есть ли теперь обычай колядовать въ Холмской православной епархіи, и если есть, то почему допущены и какой взглядъ имѣли издатели колядъ въ наше время съ разрѣшенія духовной цензуры въ Холмѣ? По представленіи обстоятельныхъ отвѣтовъ на указанные пункты, будетъ разсмотрѣнъ и его рапортъ». (Волын. Епарх. Вѣд. за 1901 г., №№ 3, 4 и 9).

По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка „Литература украинскаго фольклора“. *(Письмо въ редакцію).* Въ IX книгѣ «Кіев-

ской Старины» за н. г. помѣщена рецензія г. Шугурова на мою книгу «Литература украинскаго фольклора». Прошу позволенія у многоуважаемой редакціи сдѣлать два-три замѣчанія въ видахъ возстановленія истины.

Указывая мои промахи, рецензентъ обвиняетъ меня въ сокрытіи точнаго заголовка одной книги (№ 635 указателя) и въ измѣненіи его у другой (№ 653) и говоритъ что, въ библіографическихъ указателяхъ нужно приводить заглавія точно. Смѣю увѣрить многоуважаемаго рецензента, что я не рѣшился-бы взяться за составленіе хотя-бы и «Опыта библіографическаго указателя», не будучи знакомъ съ столь элементарной для каждаго библіографа истиной, какъ необходимость точнаго приведенія заглавій. Если въ отмѣченныхъ случаяхъ и является неточность, то это произошло помимо моего желанія и независимо отъ меня: я, какъ это иногда приходится дѣлать библіографамъ, выписалъ эти заголовки изъ чужихъ библіографическихъ списковъ, такъ какъ самихъ книгъ не видѣлъ. Совершенно устранить всякое пользованіе чужими библіографическими отмѣтками и вносить въ списокъ только тѣ изданія, которыя удастся видѣть своими глазами, не возможно а потому приходится мириться съ возможностью въ такихъ случаяхъ и нѣкоторыхъ неточностей.

Насколько вообще трудно избѣгать ошибокъ при библіографической работѣ, показываетъ примѣръ приведеннаго въ рецензіи списка тѣхъ сочиненій, которыхъ рецензентъ у меня не нашелъ. При сравненіи его съ моимъ указателемъ выходитъ, что № 21 (Шишацкій), 23 (Замѣтки о пов.), 31 (Млр. чумаки), 36 (Суев. об.), 40 (Сч. Соломонъ), 41 (Дешко) 55 (Rawita)—значатся у меня (послѣднее, правда, не вполнѣ) подъ №№ 234, 300, 304, 417, 435, 478, 1179, при чемъ «Этнографическій Сборникъ», выпускъ шестой, вышелъ не въ 1863 г. какъ указано въ рецензіи, а въ 1864, какъ значится на самой книгѣ

Еще два слова по поводу писанокъ. Народный орнаментъ, конечно, не входитъ въ область фольклора,—вотъ почему мною совершенно сознательно не включены въ указатель всѣ перечисленные г. рецензентомъ сборники снимковъ съ писанокъ. Я вводилъ въ свою книгу только такія статьи о писанкахъ, въ которыхъ находится что-либо касающееся фольклора (празднованія, обычаи, обряды, легенды и пр.). А такъ какъ въ указатель включались и программы фольклора, то мною внесены въ него и тѣ двѣ программы для собиранія писанокъ, о которыхъ упоминаетъ г. рецензентъ: въ нихъ

говорится о собираніи относящагося къ писанкамъ фольклорнаго матеріала (напр., въ программѣ Музея г-жи Скаржинской на стр. 5—6 объ обычаяхъ, обрядахъ, преданіяхъ, сказкахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и пр.).

Въ заключеніе приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому рецензенту зе его цѣнныя дополненія и указанія моихъ ошибокъ.

В. Гринченко.

Текущія извѣстія.

Памятникъ на могилѣ Е. П. Гребенки. Въ настоящее время выполнено уже постановленіе Пирятинскаго земскаго собранія отъ 30 сентября 1900 г. относительно постановки памятника на могилѣ Е. П. Гребенки. Поставленъ красивый ажурный чугунный крестъ на высокомъ пьедесталѣ. Весь памятникъ имѣетъ пять аршинъ высоты. Могила огорожена желѣзной рѣшеткой. На пьедесталѣ сдѣланы слѣдующія надписи: „Евгеній Павловичъ Гребенка, род. въ х. Убѣжищѣ 21 января 1812 г., ум. въ г. С.-Петербургѣ 3 декабря 1848 г.“ и „Незабвенному земляку Пирятинское земство 30 сентября 1900 г.“ Въ засѣданіи Пирятинскаго земскаго собранія 10 сентября 1901 г., по предложенію гласнаго Н. В. Стороженка, сдѣлано постановленіе о наименованіи Убѣжищенскаго начальнаго народнаго училища, находящагося всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ могилы покойнаго писателя, «Училищемъ въ память Е. П. Гребенки» и о постановкѣ въ классной комнатѣ училища его портрета, каковой и переданъ для этой цѣли родственниками Е .П. Портретъ этотъ—копія съ извѣстнаго портрета кисти талантливаго портретиста Аполлона Мокрицкаго.

Могила Г. А. Мачтета. Со дня смерти Мачтета, каждый день на Аутское кладбище приходятъ многія лица осмотрѣть могилу покойнаго писателя. Надъ могилой Г. А. Мачтета возвышается (на аршинъ отъ земли) удлиненный четыреугольникъ,

со всѣхъ сторонъ обложенный камнями. На этомъ земляномъ возвышеніи лежатъ вѣнки изъ зелени и изъ живыхъ цвѣтовъ, принесенные сюда почитателями покойнаго писателя. Предъ могилой стоитъ деревянный крестъ, выкрашенный бѣлой краской. На крестѣ—желѣзная табличка, на которой написано: «Григорій Александровичъ Мачтетъ родился въ ноябрѣ 1850 года, скончался 13 августа 1901 г.». Крестъ на могилѣ Мачтета украшенъ вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ. (Од. Л. № 232).

—

Памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго. 1-го сентября приступлено къ устройству каменной ограды вокругъ памятника надъ могилою извѣстнаго малорусскаго поэта И. П. Котляревскаго, на старомъ Полтавскомъ кладбищѣ; послѣ того будетъ поставленъ крестъ на самомъ памятникѣ, изготовленный въ земскомъ ремесленномъ (бывшемъ Дегтяревскомъ) училищѣ по проекту художника А. К. Малова. На устройство этого памятника еще въ 1894 году губернскимъ земствомъ ассигновано 1000 р. и вчернѣ онъ былъ поставленъ на могилѣ осенью 1896 г., затѣмъ, вслѣдствіе неудовлетворительности постановки на кирпичномъ фундаментѣ, осенью 1898 г. этотъ послѣдній замѣненъ гранитомъ. Самый памятникъ, изъ чернаго мрамора, изготовлялся въ Табурищенской мастерской (Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ.) г. Певнаго, по проекту мѣстнаго художника В. А. Волкова; бронзовый барельефъ для этого памятника изготовленъ въ мастерской земскаго ремесленнаго училища по оригиналу художника-скульптора Л. В. Позена. На устройство этого памятника до сего времени израсходовано 1136 руб. 19 коп. На немъ находятся слѣдующія надписи:

На лицевой сторонѣ:

«Будешъ, батьку, панувати,
Покы жывуть люде;
Покы сонце зъ неба сяе
Тебе не забудуть».

На боковой:

«Іван Котляревський, перший украинський народній поэт».

На другой боковой:

«Родився року Божого 1769, почивъ 1838».
«Коштомъ Полтавського губернського земства».

Высота всего памятника отъ основанія до 3-хъ саженъ.

Примыкающая къ могилѣ поэта часть упраздненнаго кладбища распланирована осенью 1899 г. и тогда-же обнесена деревянной оградой. Древесныя насажденія предположено здѣсь произвести ближайшей весной.

Это уже третій по времени сооруженія памятникъ И. П. Котляревскому: первый былъ сооруженъ въ 1839 г. другомъ покойнаго поэта П. С. Стеблинъ-Каминскимъ († въ 1856 г.) на собственный его счетъ, а второй, взамѣнъ предыдущаго, пришедшаго въ ветхость, въ 1869 г. бывшими друзьями и почитателями поэта, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный всей Полтавѣ (уже умершій) педагогъ С. П. Стеблинъ-Каминскій.

—

Чествованіе памяти М. В. Остроградскаго. 12 сентября въ Полтавѣ торжественно было отпраздновано столѣтіе со дня рожденія извѣстнаго талантливаго математика, нашего земляка, М. В. Остроградскаго. Родился онъ въ Кобелякс. у. Полт. губ.

Сочувственную критико-біографич. статью Остроградскому посвятилъ П. Быковъ въ № 248 «Биржевыхъ Вѣдомостей».

—

Коллекція В. В. Тарновскаго. Обширная коллекція украинско-козацкихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанная имъ Черниговскому земству, до сихъ поръ хранилась въ зданіи Кіевскаго музея древностей и искусствъ, въ виду того, что устройство помѣщенія для земскаго музея въ Черниговѣ не было еще закончено. Въ настоящее время названное помѣщеніе готово, при чемъ земскій музей будетъ находиться въ бывшемъ зданіи сиротскаго суда, которое для этой цѣли соотвѣтственнымъ образомъ приспособлено. Мысль объ устройствѣ музея въ Мазепинскомъ домѣ не осуществилась, такъ какъ земству не удалось пріобрѣсти этого дома. Устроивъ помѣщеніе для музея, Черниговское земство рѣшило безотлагательно перевезти въ Черниговъ изъ Кіева богатую коллекцію покойнаго В. В. Тарновскаго (обширный архивъ послѣдняго еще раньше перевезенъ въ Черниговъ). Въ настоящее время коллекція по описи сдана правленіемъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ уполномоченному Черниговскаго губернскаго земства г. Артюху, который спеціально для этого пріѣзжалъ въ Кіевъ. (Кіевл. № 265).

—

Портреты малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ. Отъ художника С. А. Мазараки уже поступили въ Кіевскій музей древностей и искусствъ 30 портретовъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ, исполненныхъ имъ для музея по заказу Н. А. Терещенко. Портреты исполнены по лучшимъ современнымъ портретамъ и гравюрамъ. Всѣ они будутъ заключены въ изящныя рамы, заказанныя также на средства Н. А. Терещенко. (Кіевлянинъ, № 236).

—

Фонетическая Коммиссія. При петербургскомъ университетѣ образована особая фонетическая коммиссія для изученія звуковыхъ особенностей русскихъ нарѣчій. (Югъ, № 1018).

—

Новое художественное изданіе. Въ январѣ будущаго (1902) г. выйдетъ въ свѣтъ первый томъ предпринятаго редакціей журн. «Міръ Искусствъ» иллюстрированнаго изданія «Русская живопись въ XVIII в.». Весь этотъ трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый—посвящается произведеніямъ Д. Г. Левицкаго, второй—портретистамъ 2-ой половины XVIII стлѣтія (Рокотову, Антропову, Дрожжину, Шебанову, Аргуновымъ, Щукину и др.) и третій—В. Л. Боровиковскому

Въ виду того, что произведенія всѣхъ названныхъ живописцевъ составляютъ въ большинствѣ случаевъ частную собственность, редакція обращается ко всѣмъ владѣльцамъ картинъ и портретовъ упомянутыхъ мастеровъ съ просьбою сообщить редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка 11) объ имѣющихся у нихъ произведеніяхъ. Статьи о художникахъ будутъ написаны В. П. Горленко и А. Н. Бенуа. Цѣль изданія—собрать разрозненный и столь мало изслѣдованный матеріалъ о замѣчательныхъ русскихъ художникахъ, а также дать хорошіе снимки съ ихъ произведеній. (С.-Петербург. Вѣдомости).

—

Чествованіе А. А. Русова. 30 августа въ Полтавѣ торжественно чествовался 25-лѣтній юбилей статистической дѣятельности заслуженнаго общественнаго дѣятеля Александра Александровича Русова. Чествованіе происходило слѣдующимъ образомъ. 30 августа, въ часъ дня, депутація статистиковъ, во главѣ съ членомъ управы В. Я. Головней, отправились на квартиру юбиляра и, принеся ему хлѣбъ-соль, пригласила его въ помѣщеніе управы, гдѣ онъ былъ встрѣченъ при входѣ представителемъ губернской управы—заступающимъ

мѣсто предсѣдателя А. П. Волковымъ, который привѣтствовалъ юбиляра и поднесъ супругѣ его—С. Ф. Русовой букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Прослѣдовавъ въ залъ губернскихъ земскихъ собраній, юбиляръ занялъ мѣсто за столомъ, живописно декорированнымъ цвѣтами и задрапированнымъ малорусскими рушниками, а многочисленные сослуживцы, друзья и почитатели чествуемаго заняли мѣста на стульяхъ. Первымъ произнесъ привѣтствіе заступающій мѣсто предсѣдателя губернской управы А. П. Волковъ отъ имени губернской земской управы. Затѣмъ слѣдовали: адресъ отъ сослуживцевъ-статистиковъ, адресъ отъ полтавцевъ на малорусскомъ языкѣ, прочитанный небезызвѣстнымъ въ малорусской литературѣ писателемъ Панасомъ Мирнымъ, поднесшимъ также юбиляру роскошный альбомъ видовъ и портретовъ дѣятелей Малороссіи. Отъ полтавскаго сельскохозяйственнаго Общества привѣтствіе произнесъ президентъ этого Общества Д. К. Квитка. Уполномоченный по сельско-хозяйственной части въ Полтавской губ. П. М. Дубровскій передалъ юбиляру, какъ члену редакціи газета „Хуторянинъ“,привѣтствіе отъ имени редакціи и вручилъ ему номеръ газеты отъ 30 августа, посвященный юбилею. По прочтеніи адреса отъ статистической комиссіи при петербургскомъ Императорскомъ вольно-экономическомъ Обществѣ и привѣтственной телеграммы отъ юридическаго факультета Императорскаго харьковскаго университета, заступающимъ мѣсто полтавскаго городского головы М. И. Сосновскимъ произнесено было привѣтствіе отъ имени полтавской городской управы. Далѣе слѣдовали адресы отъ иногородныхъ статистическихъ учрежденій, отъ статистиковъ херсонскихъ, черниговскихъ, харьковскихъ, московскихъ, самарскихъ, саратовскихъ, олонецкихъ, кишиневскихъ. Послѣ привѣтствія, произнесеннаго извѣстнымъ писателемъ Вл. Г. Короленко отъ имени редакціи „Русскаго Богатства“, прочитаны были привѣтственныя телеграммы и письма отъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ: отъ херсонской губ. зем. управы, отъ елисаветградской уѣзд. зем. управы, отъ правленія харьковской общественной библіотеки, отъ Общества изданія дешевыхъ книгъ, отъ профессоровъ: А. Фортунатова, Горбъ-Ромашкевича и В. Левитскаго, отъ извѣстнаго писателя Д. Мордовцева, отъ малорусскихъ артистовъ: Кропивницкаго, Заньковецкой, Карпенко-Караго, Садовскаго и Саксаганскаго и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, за ихъ многочисленностью, было прервано въ $3^1/_2$ ч. дня и окончаніе отложено до вечера.

Вечеромъ состоялся въ честь А. А. Русова вокально-музыкальный вечеръ, въ которомъ принялъ, между прочимъ, участіе малорусскій поэтъ Галайда, превосходно исполняющій на бандурѣ старыя малорусскія думы и пѣсни. Послѣ концерта состоялся, длившійся до 4 часовъ утра, ужинъ, на которомъ было не менѣе 200 лицъ, и за которымъ произнесено много рѣчей и тостовъ, въ прозѣ и стихахъ, на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Многіе ораторы говорили, между прочимъ, что это не статистическій праздникъ, а праздникъ русской интеллигенціи.

Сочувственныя статьи, посвященныя А. А. Русову, помѣстили газеты: «Одесскій Листокъ» № 229, «Южный Край» № 7126, «Югъ» №№ 1003 и 1010, «Хуторянинъ» №№ 35 и 37, «Харьк. Губ. Вѣд.» № 228.

—

Словарь къ произведеніямъ Шевченка. На засѣданіи «Язиковоі Комисиі Товариства ім. Шевченка» во Львовѣ, 18 мая постановлено составить словари къ произведеніямъ Т. Г. Шевченка и Маркіана Шашкевича. Предложили свои услуги для этой работы др. Коцовскій и др. Студинскій. Подобный словарь къ произведеніямъ Котляревскаго въ настоящее время уже приготовляется.

—

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова. 13 іюля во Львовѣ, въ залѣ гостинницы «Belle vue», устроенъ былъ львовской украинской молодежью вечеръ въ память М. П. Драгоманова, съ участіемъ хора, на которомъ, послѣ реферата, говорились рѣчи, декламировали. Вечеръ открылся народнымъ гимномъ, а закончился пѣніемъ «Не пора, не пора». Наиболѣе интересной частью вечера былъ рефератъ г. Павлика о Драгомановѣ, въ которомъ референтъ сравнивалъ послѣдняго съ Шевченкомъ, указывалъ причины, почему культъ Драгоманова не привился у насъ такъ, какъ культъ Шевченка; отмѣтилъ, чему русины могутъ научиться у Драгоманова. (Літ.-Наук. Вістник, кн. VIII).

—

Гоголевскій альбомъ. Къ предстоящей въ февралѣ 1902 года пятидесятилѣтней годовщинѣ со дня смерти Николая Васильевича Гоголя (1808—1852) полтавскій фотографъ-художникъ І. Ц. Хмѣлевскій готовитъ художественный т. н. «Гоголевскій альбомъ». Въ этотъ роскошный сборникъ геліогравюръ войдетъ все, представляющее извѣст-

ный интересъ и относящееся къ жизни и личности великаго писателя; такъ напр., въ альбомѣ будутъ помѣщены портреты Гоголя въ разныхъ возрастахъ. Затѣмъ въ альбомъ войдутъ копіи собственноручныхъ акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ и набросковъ перомъ Н. В. Гоголя, портреты его матери, сестеръ, нѣкоторыхъ друзей и группы родственниковъ; виды родового имѣнія Гоголя, Яновщины, гдѣ есть уголки, какъ напр., аллея и прудъ, которые сохранились со времени Ник. Вас. почти безъ измѣненія, снимки нѣкоторыхъ предметовъ, принадлежавшихъ Н. В. Гоголю, и т. п. Хотя коллекція снимковъ, сдѣланныхъ г. Хмѣлевскимъ въ Яновщинѣ и окрестностяхъ, довольно значительна, но для пополненія ея онъ намѣренъ предпринять поѣздку, совмѣстно съ сотрудникомъ «Новаго времени» В. П. Горленко, въ Миргородъ, Сорочинцы, Яреськи, Кибенцы и Нѣжинъ.

—

Защита церкви. Интересный эпизодъ сообщаетъ временчугскій интеллигентъ въ VI кн. Литерат.-Наукового Вистника. Въ большомъ м. Власовкѣ, на берегу Днѣпра, съ незапамятныхъ временъ стояла церковь, сооруженная, какъ говорятъ, еще запорожцами, фундаторами и первыми поселенцами м. Власовки. Парафіане очень любили свою церковь и еще 10 лѣтъ тому назадъ издержали не малую сумму на ея обновленіе и «благолѣпіе». Но въ послѣднее время сосѣдніе хуторяне повели агитацію противъ этого памятника славной старины и добивались, чтобы Консисторія перенесла церковь на другое мѣсто, п. ч. имъ далеко ходить въ Власовку. Подавъ тайно отъ Власовцевъ прошеніе, они своего добились—и церковь была назначена къ сносу. Сколько ни просили, сколько ни молили Власовцы (подавали даже прошеніе объ этомъ), ничего не вышло. Тогда всѣ прихожане постановили не отдавать никому и никогда своей святыни, и въ день, назначенный для разборки церкви, всѣ собрались возлѣ нея. Бабы, дивчата и дѣти заполнили погостъ («цвынтарь») и заперли изнутри «браму»; мужчины окружили погостъ плотной стѣной, и полиція ничего не могла сдѣлать. Администрація пошла на уступки и дала Власовцамъ еще двѣ недѣли срока.

Тѣмъ временемъ Власовцы выбрали одного уважаемаго всѣми козака и отправили его въ Москву и Петербургъ, въ Синодъ. Делегатъ взялъ съ собой прошеніе, въ которомъ Власовцы умоляютъ оставить имъ церковь, въ которую ходили еще ихъ отцы и дѣды, и гдѣ

сохранилось много вещей, цѣнныхъ для археологіи и исторіи мѣстности, какъ кресты, евангелія, иконы и т. п. Говорятъ, что делегату удалось въ Москвѣ видѣть графиню Уварову—предсѣдателя Императ. Москов. Археолог. Общества—и послѣдняя дала отъ Коммиссіи «по сохраненію старинныхъ памятниковъ» письмо къ оберъ-прокурору Св. Синода. Добрался посолъ и въ Петербургъ, побывалъ и у оберъ-прокурора, подробно все разсказалъ и получилъ обѣщаніе, что церкви не будутъ разрушать до рѣшенія дѣла въ Синодѣ. Веселый и счастливый возвращается депутатъ на родину!.. А тѣмъ временемъ двухнедѣльный срокъ истекъ, и администрація приступила къ исполненію прежняго распоряженія. Но какъ только явилось начальство въ село, во всѣхъ церквахъ раздался набатъ, и народъ сталъ собираться къ церкви. Опять повторилась та же сцена, что и двѣ недѣли тому назадъ. Интересно, что на помощь Власовцамъ понашло много народа изъ Кіевщины и Херсонщины и общими силами стали защищать козацкую церковь. Ничего не могла подѣлать ни мѣстная полиція, ни уговоры благочиннаго, пристава и писаря. «Не дамо руйноваты церкви, ажъ поки не прыйде зъ Петербурга нашъ ходокъ»!—кричала толпа. И вотъ именно въ этотъ моментъ является посолъ изъ Петербурга съ радостной вѣстью. Какое, однако, послѣдуетъ рѣшеніе Синода, еще неизвѣстно, но тѣмъ временемъ Власовцы отстояли дорогую для себя святыню.

—

Выборы галицкихъ пословъ въ сеймъ. На состоявшихся въ концѣ августа выборахъ въ Галиціи галицкіе русины, сравнительно съ прежнимъ числомъ, понесли уронъ: избрано всего лишь 13. Изъ прежнихъ вновь избраны: Остапчукъ, др. Олесницкій, Барвинскій, Мандычевскій и Охримовичъ; новые: свящ. Богачевскій, др. Король, Ант. Старухъ, др. Могильницкій, Гурикъ, Глиджукъ, Барабашъ и свящ. Мазикевичъ. Но и это незначительное число пословъ фактически еще меньше, т. к. Мандычевскій и Охримовичъ врядъ-ли будутъ отстаивать интересы русиновъ. (Дѣло, ч. 190).

—

Къ кустарному съѣзду въ Полтавѣ. На предстоящемъ въ Полтавѣ съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности между прочими будутъ представлены доклады: А. М. Киселя—«На что должно быть обращено главное вниманіе при мѣропріятіяхъ для развитія и

совершенствованія мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ», секретаря Кіевскаго сельско-хозяйственнаго Общества г. Осадчаго—«Кустарные промыслы въ области развитія капиталистическаго земледѣлія», секретаря Зѣньковской уѣздной земской управы г. Ярошевича—«Важнѣйшія нужды кустарныхъ промысловъ Зѣньковскаго уѣзда» и «Соціальное положеніе кустарей» (жилищная обстановка, питаніе, продолжительность рабочаго времени, высота заработной платы, чувство солидарности—артели, спилки и т. д.), и І. А. Чурила—«О состояніи кустарныхъ промысловъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ 1898 году».

Такимъ образомъ, число вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ постепенно растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ интересъ и значеніе самаго съѣзда. Кромѣ этого, большой интересъ будетъ представлять собою выставка купленныхъ издѣлій, на которой, между прочимъ, будутъ экспонироваться земледѣльческія орудія и машины,—издѣлія кустарей Прилукскаго уѣзда, коллекція глиняной посуды изъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, сапожныя издѣлія изъ Смѣлы, и изъ Полѣсья—модели подвозныхъ матеріаловъ изъ дерева.

Для привлеченія къ участію въ съѣздѣ кустарей-крестьянъ организаціоннымъ комитетомъ приняты должныя мѣры, при чемъ, какъ было уже сообщено, ассигнована денежная сумма для того, чтобы каждому кустарю, прибывшему на съѣздъ, было обезпечено безплатное помѣщеніе на одномъ изъ мѣстныхъ постоялыхъ дворовъ и ежедневное содержаніе въ размѣрѣ 25—30 к. въ день на человѣка.

Библіографія.

Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). *С. Пономарева. Черниговъ. 1898.*

Болѣе 15-ти лѣтъ тому назадъ намъ пришлось слышать, что извѣстный своими многими библіографическими трудами С. И. Пономаревъ занимается составленіемъ библіографическаго словаря замѣчательныхъ уроженцевъ Малороссіи, послѣ чего мы не имѣли вѣстей о томъ, какъ именно въ теченіе истекшихъ вслѣдъ затѣмъ лѣтъ подвигалась эта работа. Краткія свѣдѣнія объ этомъ даетъ маленькая брошюрка, названіе которой мы выписали и о которой, придерживаясь поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, мы нашли нужнымъ дать хоть запоздалое извѣстіе, такъ какъ, представляя собою оттискъ изъ мало распространеннаго изданія „Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и будучи отпечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не поступавшихъ въ продажу, она остается неизвѣстною нашимъ библіографамъ.

Брошюрка эта составляетъ относящееся къ Черниговской губерніи сжатое извлеченіе изъ упомянутаго словаря, который въ цѣломъ составѣ обнимаетъ уроженцевъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской губерній и въ которомъ, какъ говоритъ авторъ, онъ старался помѣстить всѣхъ тѣхъ уроженцевъ этого края, „въ комъ горѣла Божія искра, кто подвигомъ добрымъ подвизался и о комъ осталась въ обществѣ въ какомъ-нибудь отношеніи выдающаяся память“. Въ этомъ словарѣ, какъ объясняетъ онъ далѣе, онъ заботился узнать мѣсто рожденія, сословіе, родъ занятій,

время смерти и тѣ источники, откуда можно получить подробныя свѣдѣнія о данномъ лицѣ.

Опубликованное извлеченіе изъ словаря состоитъ изъ перечня фамилій достопамятныхъ уроженцевъ Черниговской губерніи, раздѣленнаго на двѣ части. Въ первой части эти уроженцы перечислены по сану и званію и расположены въ такомъ порядкѣ: прежде всѣхъ указанъ основатель монашества св. Антоній Печерскій, затѣмъ—первые иноки изъ князей (Никола Святоша и Игорь), мученики (кн. Михаилъ и боярин Ѳеодоръ), одна инокиня—игуменья (преп. Евфросинія, княжна Суздальская); дальше слѣдуютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты—настоятели Кіево-Печерской Лавры, придворные духовники и проповѣдники, ректоры, протопресвитеры и каѳедральные протоіереи, гетманы, полковники малороссійскихъ полковъ, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, генералы, адмиралы, попечители учебныхъ округовъ, профессоры, писатели и журналисты, композиторы, артисты, художники, паломники и путешественники, общественные дѣятели на различныхъ поприщахъ, издатели, пчеловоды, наконецъ—козаки (которыхъ указано два: Мойсей Осьмакъ и Андрей Шутъ).—Во второй части перечня тѣ же самыя лица распредѣлены по уѣздамъ, по мѣсту рожденія, а въ концѣ перечислены тѣ, точное мѣсто рожденія которыхъ (городъ или уѣздъ) автору неизвѣстно. Особую группу въ спискѣ составляютъ лица, происходящія изъ Черниговскихъ дворянъ, но родившіяся въ другихъ губерніяхъ, причемъ не совсѣмъ понятно, почему именно это сдѣлано только по отношенію дворянъ, а если жена священника, или купчиха, мѣщанка, крестьянка Черниговской губерніи, для разрѣшенія отъ бремени, отправится въ Кіевъ или Москву, чтобъ пользоваться пособіемъ лучшихъ акушеровъ, или по какой бы то ни было причинѣ во время рожденія ребенка будетъ находиться внѣ своей губерніи, то рожденные ею дѣти, по системѣ автора, уже не будутъ принадлежать Черниговской губерніи.

Означенный двойной списокъ фамилій опубликованъ, повидимому, съ той цѣлью, чтобъ вызвать появленіе поправокъ и дополненій, какъ объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ автора: «Съ любовью къ родинѣ, пишущій эти строки кланяется читателямъ на всѣ четыре стороны и проситъ поправокъ и дополненій къ настоящему труду».

Находя очень симпатичную мысль составить біографическій словарь замѣчательныхъ малороссовъ, мы сожалѣемъ, что авторъ въ своемъ трудѣ не охватилъ весь южно-русскій край, а ограничился пятью названными губерніями, исключивъ губерніи Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Черноморскую. Затѣмъ, если уже составлять біографическій словарь, то, кромѣ указанія мѣста и года рожденія, сословія, рода занятій и времени смерти лицъ, вносимыхъ въ словарь, было бы желательно въ этомъ словарѣ имѣть и какія нибудь свѣдѣнія о томъ, какъ именно каждое изъ этихъ лицъ, по выраженію автора, „подвигомъ добрымъ подвизался", какія дѣла творилъ, разумѣется—въ объемѣ, соотвѣтствующемъ значенію каждаго; указаній только же на *роды* занятій въ этомъ отношеніи слишкомъ недостаточно.

Что касается до желательныхъ автору поправокъ и дополненій къ его труду, то ихъ очень трудно дѣлать вслѣдствіе чрезвычайной краткости опубликованнаго авторомъ извлеченія, представляющаго собою перечень фамилій безъ обозначенія не только именъ, но даже инціаловъ именъ (за немногими исключеніями), почему относительно многихъ помѣщенныхъ въ этомъ перечнѣ фамилій нельзя съ увѣренностью сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

Не находя поэтому возможнымъ сдѣлать обстоятельныя поправки и дополненія, ограничимся немногими замѣчаніями.

Достопамятные *Лашкевичи* у автора значатся только въ одномъ Мглинскомъ уѣздѣ; въ другой же части списка („по сану и званію") Лашкевичи указаны въ числѣ писателей и журналистовъ, а одинъ Лашкевичъ—въ числѣ общественныхъ дѣятелей. Какихъ именно Лашкевичей Мглинскаго уѣзда разумѣлъ авторъ, представляется неизвѣстнымъ. Изъ уроженцевъ этого уѣзда мы знали только одного Лашкевича, которому принадлежитъ два или три стихотворенія, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Рѣчь", и который занималъ скромную должность акцизнаго надзирателя. Но едва-ли этого Лашкевича могъ имѣть въ виду авторъ. Гораздо больше соотвѣтствовало указаннымъ имъ условіямъ и по нашему мнѣнію необходимо подлежалъ внесенію въ словарь бывшій редакторъ-издатель Кіевской Старины Александръ Степановичъ Лашкевичъ, который принадлежалъ къ дворянамъ Новозыбковскаго уѣзда и былъ уроженцемъ села Брахлова, названнаго уѣзда, гдѣ и довольно долго служилъ, какъ это

было въ свое время разсказано въ Кіевской Старинѣ. [1]) Весьма вѣроятно, что въ числѣ упомянутыхъ писателей и журналистовъ авторъ разумѣлъ и А. С. Лашкевича, но, не имѣя въ виду свѣдѣній, опубликованныхъ въ Кіевской Старинѣ, неправильно, считалъ его уроженцемъ Мглинскаго уѣзда, съ которымъ у покойнаго Александра Степановича не было ничего общаго.

Въ числѣ уроженцевъ г. Нѣжина и его уѣзда авторомъ указанъ только одинъ *Конисскій*, и такъ какъ въ другой части перечня никакого Конисскаго между писателями не значится, а указанъ Конисскій только въ спискѣ архіепископовъ и епископовъ, то представляется несомнѣннымъ, что подъ упомянутымъ уроженцемъ г. Нѣжина авторъ разумѣлъ архіепископа могилевскаго Георгія Конисскаго и слѣдовательно пропустилъ въ своемъ словарѣ недавно умершаго писателя Александра Яковлевича Конисскаго, который, также какъ и Георгій Конисскій, былъ уроженцемъ г. Нѣжина, какъ это видно изъ помѣщеннаго въ Кіевской Старинѣ [2]) некролога его.

Кромѣ того, мы замѣтили въ трудѣ С. И. Пономарева слѣдующіе пропуски. Изъ бывшихъ министровъ не указанъ извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ *Трощинскій*, который былъ уроженцемъ Глухова. [3]) Кромѣ Трощинскаго, приведенный авторомъ списокъ высшихъ сановниковъ и генераловъ, военныхъ и статскихъ, изъ уроженцевъ Черниговской губерніи, можно было дополнить еще очень многими лицами. Но не будучи увѣрены въ томъ, считалъ ли авторъ высокое положеніе по сану или чину само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для внесенія извѣстнаго лица въ свой словарь (хотя помѣщеніе нѣкоторыхъ фамилій дѣлаетъ такое предположеніе болѣе чѣмъ вѣроятнымъ) не станемъ перечислять всѣхъ этихъ лицъ.

Изъ профессоровъ и писателей авторомъ не указаны слѣдующіе: бывшій профессоръ университета св. Владиміра, докторъ ботаники Илья Григорьевичъ *Борщовъ*, который происходилъ изъ дворянъ

---

[1]) 1889 г. № 12.

[2]) 1901 г. № 1.

[3]) См. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“ Бантышъ-Каменскаго, ч. V, стр. 150—156,—„Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи“ Иванова, стр. 127—136, и предисловіе Попова къ запискѣ Трощинскаго объ учрежденіи министровъ, въ Сборникѣ Русскаго Историч. Общества, т. III, стр. 1—162.

Черниговской губерніи, хотя родился внѣ ея; [1]) бывшій профессоръ Нѣжинскаго лицея, магистръ государственнаго права Михаилъ Дмитріевичъ *Затыркевичъ*, уроженецъ Сосницкаго уѣзда; [2])—бывшій профессоръ петербургской медико-хирургической академіи Иванъ Гавриловичъ *Картинскій*, уроженецъ Новгородсѣверскаго уѣзда;—магистръ политической экономіи, доцентъ Московскаго университета Владиміръ Александровичъ *Косинскій*, уроженецъ Глуховскаго уѣзда; магистръ русской исторіи, авторъ «Исторіи Тверскаго княжества», удостоенной Уваровской преміи, Владиміръ Степановичъ *Борзаковскій*, изъ дворянъ Черниговской губерніи; [3])—авторъ сочиненія «Міръ реальный и міръ идеальный» Иванъ Яковлевичъ *Быковъ*, уроженецъ Стародубскаго уѣзда;—авторъ разныхъ педагогическихъ статей Николай Ѳеодосьевичъ *Левицкій*, сынъ священника Черниговской губерніи, [4])—и авторъ разныхъ сочиненій для дѣтскаго чтенія, одно изъ которыхъ было премировано фребелевскимъ обществомъ, Ананій Гавриловичъ Лакида или Лякидэ, [5]) уроженецемъ г. Новгородсѣверска. Наконецъ, въ число Конотопскихъ уроженцевъ нужно было бы помѣстить и почтеннаго автора труда, о которомъ мы говоримъ, чего по своей скромности онъ не сдѣлалъ, указавъ только одного Пономарева—пчеловода.

Приведенный авторомъ списокъ художниковъ мы можемъ дополнить указаніемъ на слѣдующихъ лицъ: уроженца м. Ични, Борзенскаго уѣзда, Виктора Михайловича *Резанова*, написавшаго много

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ немъ имѣются въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра, стр. 63—70.

[2]) См. біографическій очеркъ его, написанный А. Сребницкимъ, въ изданіи Гербеля „Лицей кн. Безбородко", 2-ое изданіе стр. 259—260, и некрологъ его въ газетѣ „Жизнь и Искусство" 1894 г. № 213.

[3]) Краткія біографическія свѣдѣнія объ немъ имѣются въ „Словарѣ русскихъ писателей" Венгерова, томъ V, стр. 172—176.

[4]) См. „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей" Д. Языкова, выпускъ 5, стр. 98—99, и статью И. Каманина: „Памяти одного Кіевскаго педагога", въ Кіевской Старинѣ 1885 г., № 6, стр. 357—363.

[5]) Подъ своими сочиненіями онъ подписывался „Лякидэ", какъ называли его и въ некрологахъ (умеръ въ 1895 г.), но въ спискахъ Новгородсѣверской гимназіи, въ которой онъ воспитывался, какъ онъ самъ, такъ и воспитавшіеся тамъ же братья его, а равно отецъ ихъ, служившій надзирателемъ той же гимназіи,—писались всегда «Лакида»

малороссійскихъ видовъ, [1]) уроженцевъ г. Нѣжина Николая Семеновича *Самокиша* и Филиппа Антоновича *Чирку* [2]) и уроженца г. Чернигова Ивана Григорьевича *Рашевскаго*.

Изъ музыкальныхъ дѣятелей, по нашему мнѣнію, заслуживали быть упомянутыми не указанные авторомъ Гавріилъ Андреевичъ *Рачинскій*, скрипачъ и отчасти композиторъ, уроженецъ г. Новгородсѣверска, [3])—Александръ Ивановичъ *Рубецъ*, бывшій профессоръ петербургской консерваторіи и устроитель музыкальной школы въ г. Стародубѣ, собиратель и издатель мотивовъ малорусскихъ пѣсенъ, композиторъ и авторъ разныхъ сочиненій, касающихся музыки, происходящій изъ дворянъ Стародубскаго уѣзда, но родившійся въ г. Чугуевѣ, Харьковской губерніи, гдѣ въ это время находился его отецъ, служившій въ военной службѣ, [4])—и бывшій оперный дирижеръ въ Кіевѣ и Одессѣ *Велинскій* (имени и отчества не помнимъ), сынъ Велинскаго, который въ спискѣ г. Пономарева значится въ числѣ высшихъ сановниковъ.

Съ другой стороны, относительно нѣкоторыхъ внесенныхъ въ списокъ фамилій намъ кажется сомнительнымъ, чтобъ они были уроженцами Черниговской губ. Но, не имѣя возможности, за необозначеніемъ именъ, утверждать, что авторъ дѣйствительно разумѣлъ тѣхъ, а не иныхъ лицъ, и не зная, чѣмъ именно онъ установливаетъ ихъ мѣсто рожденія, не рѣшаемся возражать, а упомянемъ только объ одномъ случаѣ, о которомъ мы можемъ говорить съ увѣренностью. Въ числѣ достопамятныхъ уроженцевъ Суражскаго уѣзда имъ указанъ *Листовскій*, который въ спискѣ по сану и званію, значится писателемъ. Очевидно, рѣчь идетъ о бывшемъ Суражскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Иванѣ Степановичѣ Листовскомъ, которому принадлежатъ разные литературные труды. Но этотъ И. С. Листовскій былъ уроженцемъ не Суражскаго уѣзда, а Оренбургской губерніи и,

---

[1]) О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы говорили въ Кіевской Старинѣ 1893 г. № 2, стр. 375.

[2]) Краткія біографическія свѣдѣнія о всѣхъ трехъ названныхъ художникахъ можно найти въ изданіи Булгакова «Наши художники»

[3]) См. некрологъ его въ Москвитянинѣ 1843 г., № 11, и статью „Г. А. Рачинскій, знаменитый скрипачъ, біографическій очеркъ“ Ѳ. Ситченка въ Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. №№ 47 и 48.

[4]) Въ спискѣ г. Пономарева указанъ одинъ Рубецъ, который значится профессоромъ университета; такого лица мы не знаемъ.

если не ошибаемся, происходитъ отъ польской фамиліи; обитателемъ же Суражскаго уѣзда и мѣстнымъ предводителемъ дворянства онъ сдѣлался только потому, что женился на правнучкѣ графа Завадовскаго, имѣвшей большое имѣніе въ Суражскомъ уѣздѣ. Уроженцами этого уѣзда были только дѣти И. С. Листовскаго, но изъ нихъ никто не подходитъ подъ тѣ условія, при которыхъ авторъ считалъ нужнымъ вносить тѣхъ или иныхъ лицъ въ свой словарь, а другихъ Листовскихъ не только въ Суражскомъ уѣздѣ, но и вообще въ Черниговской губерніи не бывало.

Въ заключеніе, отвѣчая желанію автора, укажемъ неизвѣстныя ему мѣста рожденія нѣкоторыхъ лицъ. Въ послѣдней части списка по мѣсту рожденія, подъ рубрикой: «неизвѣстныхъ мнѣ мѣстъ» у него значатся между прочимъ *Андреевскій* и *Чалый*, а въ спискѣ по сану и званію Андреевскій (съ обозначеніемъ, въ видѣ исключенія, инициаловъ имени: «Ст. С.») указанъ подъ той рубрикой, гдѣ перечислены губернаторы, а Чалый значится въ числѣ писателей. Очевидно, въ первомъ случаѣ надо разумѣть Степана Семеновича Андреевскаго, который былъ первымъ директоромъ петербургской медико-хирургической академіи, а затѣмъ занималъ должность астраханскаго губернатора и который былъ уроженцемъ Нѣжинскаго уѣзда, [1]) а во второмъ—Михаила Корнѣевича Чалаго, который самъ указалъ мѣсто своего рожденія (г. Новгородсѣверскъ) въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ [2]), а раньше того оно было указано въ краткой біографіи его, написанной А. Сребницкимъ и напечатанной въ книгѣ Гербеля «Лицей кн. Безбородко». [3]) Кромѣ того, авторомъ не указано мѣсто рожденія недавно скончавшагося Степана Даниловича *Носа*, который былъ уроженцемъ Конотопскаго уѣзда. [4])

Усматриваемая изъ изложеннаго неосвѣдомленность почтеннаго автора относительно свѣдѣній, давно опубликованныхъ въ такихъ

---

[1]) См. Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи Чистовича, стр. 181 и Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. I стр. 757.

[2]) См. Кіевскую Старину 1889 г. № 1.

[3]) Изданіе 2-ое, стр. 223—225.

[4]) См. „Очеркъ жизни и дѣятельности С. Д. Носа“ Г. Коваленко въ Кіевской Старинѣ 1901 г., № 9.

изданіяхъ, какъ Кіевская Старина (объ А. С. Лашкевичѣ и М. К. Чаломъ), Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона (о С. С. Андреевскомъ), Словарь русскихъ писателей Венгерова (о В. С. Борзаковскомъ) и вышедшее подъ заглавіемъ «Лицей кн. Безбородко» собраніе жизнеописаній директоровъ, профессоровъ и замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ единственнаго въ Черниговской губерніи высшаго учебнаго заведенія (о томъ-же М. К. Чаломъ и М. Д. Затыркевичѣ),—даетъ возможность заключать, что, составляя свой біографическій словарь, авторъ не пользовался самыми необходимыми для его труда пособіями. Казалось бы, вмѣсто того, чтобъ обращаться къ читающей публикѣ съ просьбою о поправкахъ и дополненіяхъ къ одной части труда, касающейся Черниговской губерніи, естественнѣе было заглянуть въ означенныя изданія для необходимыхъ и многихъ исправленій и дополненій по всѣмъ частямъ этого труда. Но авторъ занимается своей работой въ уѣздномъ городѣ, не имѣющемъ библіотекъ, пользуясь для нея только своей собственной библіотекой, въ которой могутъ отсутствовать многія изданія, чѣмъ, повидимому, и нужно объяснить незнакомство его съ упомянутыми свѣдѣніями. Если это такъ, объ этомъ нельзя сожалѣть, особенно по отношеніямъ къ Кіевской Старинѣ, ибо въ настоящее время невозможно указать другое изданіе, которое заключало бы въ себѣ, такъ много біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ малороссахъ, какъ Кіевская Старина, почему біографическій словарь, составленный безъ ознакомленія съ содержаніемъ этого журнала, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полнымъ.

Пожелаемъ однако автору, не смотря на указанныя неблагопріятныя условія, на сколько возможно успѣшно окончить свой трудъ.

Н. Шугуровъ.

Гр. Алексѣй Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. *Томъ третій. Дневники раскопокъ 1889—1897 г.г. Спб. 1901, in 4°, XII+174 стр.+ XXI табл. + 2 карты.*

Настоящимъ томомъ гр. Бобринскій заканчиваетъ свое цѣнное изданіе. Матеріалъ, помѣщенный въ немъ, въ большинствѣ случаевъ является продолженіемъ и дополненіемъ содержанія двухъ предыду-

щихъ томовъ, въ зависимости отъ продолженія раскопокъ и поступленія въ Смѣлянское собраніе новыхъ находокъ. Наряду съ дневниками своихъ личныхъ раскопокъ, гр. Бобринскій счелъ умѣстнымъ присоединить и дневники раскопокъ другихъ лицъ. Мотивомъ для этого послужило или поступленіе предметовъ изъ такихъ раскопокъ въ собраніе графа, или близость районовъ, гдѣ производились раскопки. Помѣщеніе такихъ дневниковъ можно только привѣтствовать, они представляютъ самый цѣнный результатъ каждой раскопки—не всегда, однако, это принимается во вниманіе и мы вполнѣ присоединяемся къ сожалѣнію, высказанному графомъ (стр. 62), по поводу того, что, напр., часть коллекціи г. Мазараки, происходящая изъ его раскопокъ въ Роменскомъ у. и поступившая въ Смѣлянское собраніе, была представлена *«безъ описанія раскопокъ и безъ обѣщанныхъ изслѣдователемъ дневниковъ»*,—такія раскопки превращаются въ погоню за предметами и здѣсь научныя цѣли отходятъ на задній планъ...

Дневникамъ раскопокъ предшествуетъ вступленіе, гдѣ гр. Бобринскій распредѣляетъ на эпохи древности средняго Приднѣпровья; давая краткія характеристики каждой и высказывая desiderata по отношенію къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ той или другой изъ нихъ.

Древнѣйшій періодъ раздѣляется графомъ на каменный вѣкъ—палеолитическая эпоха и на каменно-бронзовую эпоху—енеолитическую по западно-европейской терминологіи. Мы не можемъ согласиться съ такой группировкой, такъ какъ не видимъ здѣсь еще одной эпохи, богатой по оставленнымъ ею памятникамъ, тянувшейся несомнѣнно очень продолжительное время и прошедшей черезъ нѣсколько фазъ своего развитія,—говоримъ о неолитической эпохѣ, долженствующей занять среднее мѣсто среди двухъ предыдущихъ.

Совершенно умѣстно для слѣдующей за неолитомъ эпохи взято гр. Бобринскимъ названіе енеолитической эпохи, когда въ каменную индустрію, продолжающую еще жить и занимать преобладающее положеніе, начинаетъ проникать металлъ. Эпоха эта, благодаря раскопкамъ и открытіямъ послѣдняго времени, начинаетъ мало-по-малу очерчиваться ясно, пріобрѣтая право на самостоятельное положеніе. Гр. Бобринскій опредѣляетъ ее какъ эпоху «каменно-бронзовую»,—не будетъ-ли правильнѣе для древностей средняго Приднѣпровья, назвать ее каменно-мѣдной? Къ этой эпохѣ относятся курганы со скорченными и окрашенными костяками. А. А. Спицынъ, давшій подробную характеристику этихъ кургановъ, совершенно справедливо

указываетъ на то пренебреженіе, въ какомъ они находились и отчасти находятся и теперь у нашихъ археологовъ—раскопки ихъ велись и ведутся съ непозволительной небрежностью, нѣтъ подробнаго изученія инвентаря могилъ, не сдѣлано анализа встрѣчающихся металлическихъ издѣлій—и очень возможно, что большинство послѣднихъ окажется не бронзовыми, какъ ихъ обыкновенно опредѣляютъ, а мѣдными; по крайней мѣрѣ форма нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указываетъ на мѣдь. Сюда же гр. Бобринскимъ относится и недавно открытая у насъ до-микенская культура; а, какъ извѣстно, всѣ найденные здѣсь металлическіе предметы изготовлены исключительно изъ мѣди.

Мы намѣренно остановились на вопросѣ о названіяхъ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ отношеніе къ переходу къ слѣдующей доисторической эпохѣ, какой, по аналогіи, должна быть бронзовая. Гр. Бобринскій, вслѣдъ за проф. Антоновичемъ, отрицаетъ присутствіе ея у насъ. Не вѣрнѣе-ли будетъ, если не признавать, то занять, такъ сказать, выжидательное положеніе въ данномъ вопросѣ? Самъ авторъ не отрицаетъ, что находки бронзовыхъ орудій довольно многочисленны, извѣстно нѣсколько кладовъ ихъ, встрѣчаются и литейныя формы и даже, благодаря раскопкамъ автора, мы имѣемъ, повидимому, погребеніе бронзового вѣка (у с. Теклино, возлѣ Смѣлы). Все это указываетъ скорѣе на существованіе, хотя-бы и непродолжительное бронзоваго періода, чѣмъ на отсутствіе его.

Конецъ енеолитической эпохи датируется VII—VI в. до Р. Х. Слѣдующій затѣмъ довольно длинный періодъ—VI—II до Р. Х. и даже позже—періодъ скифо-сарматскій, подраздѣляемый на старо-скифскій и ново-скифскій. Главная характеристическая черта его, по мнѣнію гр. Бобринскаго, вліяніе греческой культуры и отсутствіе предметовъ, которые можно было бы отнести къ римскому времени. Приводимыя основанія вполнѣ убѣдительны, а потому и принимаемое нѣкоторыми подраздѣленіе этой эпохи на скифскую—съ греческимъ вліяніемъ, и сарматскую—съ римскимъ, должно быть оставлено.

Послѣ значительнаго перерыва, съ III по VI в. по Р. Х. слѣдуетъ эпоха переселенія народовъ, характеризуемая предметами т. н. готскаго типа,—эпоха мало еще у насъ изученная.

Благодаря послѣднимъ открытіямъ кургановъ и полей погребенія съ предметами, носящими признаки римскаго вліянія и съ римскими монетами, отчасти можетъ быть заполненъ и тотъ перерывъ,

о которомъ только-что упомянуто,—объ этомъ говоритъ вскользь и самъ авторъ (сюда можетъ быть отнесенъ разрытый графомъ курганъ № CCCXLV у с. Ковалихи на лѣвомъ берегу р. Ташлыка). Переходомъ отъ доисторическаго времени въ историческому служитъ славянская эпоха—VI—IX в., съ славянскими могилами и могилами кочевниковъ. Эти послѣднія частью входятъ уже въ историческое—княжеское время, представителями котораго являются главнымъ образомъ предметы съ городищъ и случайныя находки, зачастую въ видѣ цѣнныхъ кладовъ.

Переходя къ «Дневникамъ», нужно отмѣтить ихъ тщательность. Здѣсь опредѣляется положеніе могильника или кургана, даются размѣры послѣднихъ, отмѣчаются всѣ открытія и въ концѣ дневниковъ раскопокъ каждой группы приводятся «соображенія», гдѣ сводятся всѣ наблюденія, оттѣняются болѣе интересные факты и дается опрдѣленіе эпохи. Эти «соображенія» очень оживляютъ по необходимости сухое изложеніе дневниковъ и освѣщаютъ даваемый послѣдними сырой матеріалъ.

Какъ можно будетъ видѣть изъ слѣдующаго краткаго резюме этой части труда гр. Бобринскаго, преобладающіе типы погребеній въ данной части Кіевской губ. (гл. обр. бассейнъ р. Тясмина) относятся къ энеолитической и скифо-сарматской эпохамъ.

Первая глава заключаетъ дневники раскопокъ кургановъ между р. Серебрянкою и Ирдынемъ, которыя или являются продолженіемъ прежнихъ раскопокъ, или обнимаютъ собой новыя группы. Раскопки производились въ 6-ти группахъ и вскрыто болѣе 50-ти насыпей. Преобладаютъ погребенія неоскифской эпохи, хотя встрѣчены и энеолитическія. При описаніи инвентаря этихъ послѣднихъ, авторъ почти постоянно употребляетъ выраженіе «отточенные кремни», такъ что можно думать, что это шлифованныя орудія; на самомъ-же дѣлѣ, судя по описаніямъ орудій, ихъ можно скорѣе отнесть къ отбивнымъ. Большинство скифскихъ кургановъ оказалось уже ограбленнымъ въ древности, такъ напр. въ Староселецкомъ могильникѣ, изъ 39-ти изслѣдованныхъ кургановъ, нетронутаго не оказалось ни одного.

Что-ограбленія производились спустя непродолжительное время послѣ погребенія, на это указываетъ фактъ, констатированный въ одномъ изъ кургановъ этой группы: здѣсь трупъ былъ вынутъ изъ могилы, ограбленъ и снова брошенъ въ могилу въ то время, когда кости были еще связаны мышцами. Въ группѣ у с. Теклино,

кромѣ скифскихъ могилъ, обнаружено еще, какъ о томъ мы уже упомянули, погребеніе, которое по всѣмъ даннымъ относится къ бронзовому вѣку. Здѣсь, подъ небольшой могильной насыпью (курганъ снесенъ для постройки хаты), на уровнѣ грунта, оказался остовъ повидимому молодой женщины. Кости потревожены, скелетъ головой на югъ. При костяхъ находилась глиняная посуда, большой шейный бронзовый обручъ, съ прекрасной патиной, концы его свернуты въ большіе спиралевидные щитки, два бронзовыхъ щитка такой-же конструкціи, глиняная пряслица и небольшой кусокъ гранита, одна сторона котораго сглажена. Подобные этому обручи, но меньшихъ размѣровъ, въ формѣ браслетовъ, встрѣчены въ Венгріи и Богеміи, а также и въ Симбирской губ. Кромѣ кургановъ, было обслѣдовано у с. Старосельечка и большое городище, давшее предметы различныхъ эпохъ, начиная отъ древнѣйшихъ и кончая IX—XII в. христіанской эры.

Во второй главѣ—дневники раскопокъ 4-хъ кургановъ на правомъ берегу р. Серебрянки; всѣ встрѣченныя погребенія—енеолитическія, но въ насыпяхъ кургановъ обнаружены погребенія и позднѣйшія, относящіяся даже къ римскому времени, судя по находкѣ части бронзовой фибулы. Попутно гр. Бобринскій перечисляетъ здѣсь всѣ фибулы, имѣющіяся въ его собраніи и происходящія почти исключительно изъ случайныхъ находокъ; фибулы относятся ко времени отъ I в. до р. Х. и до V в. по Р. Х., болѣе древнихъ фибулъ, такъ частыхъ въ Зап. Европѣ, въ Европ. Россіи, по словамъ автора, до до сихъ поръ не встрѣчалось.

Далѣе идутъ курганы на лѣвомъ берегу р. Тясмина; разрыто ихъ до 30-ти. Погребенія енеолитическія, неоскифскія и, въ одномъ случаѣ—съ римскимъ вліяніямъ. Обнаружены здѣсь (на лѣвомъ берегу р. Ташлыка, у с. Ковалихи) и слѣды древняго поселенія, просуществовавшаго начиная съ енеолитической эпохи до конца скифской и даже позже. Въ концѣ главы помѣщена вводная статья о свастикѣ. Въ вопросѣ о свастинѣ гр. Бобринскій останавливается на теоріи проф. Steinen'a, которую повидимому раздѣляетъ; по ней, «основнымъ мотивомъ орнаментики первобытныхъ племенъ индогерманской расы служитъ картина наступающей весны, въ смыслѣ общаго воскресенія силъ природы, борьбы свѣта съ мракомъ», и т. д. Вѣстниками весны являются птицы, особенно аисты, которые и ведутъ борьбу съ пресмыкающимися, главнымъ образомъ со змѣями. По теоріи ученаго профессора первобытный человѣкъ взялъ для мотивовъ своей орна-

ментаціи этихъ добрыхъ и злыхъ животныхъ и путемъ схематизаціи превратилъ ихъ въ разные виды геометрическаго орнамента. Проф. Steinen и даетъ рядъ такихъ послѣдовательныхъ превращеній: стоящая или сидящая птица обращается въ зигзагъ, летящій аистъ—въ свастику, гнѣздо—въ четыреугольникъ (есть еще гнѣздо съ маткою и гнѣздо съ яйцами), ползущая змѣя—въ зигзагообразную линію. Теорія эта представляется намъ совсѣмъ не серьезной, если не сказать больше. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что первобытный художникъ былъ въ высокой степени реалистомъ,—схематизація и стилизація являются уже продуктомъ дальнѣйшаго и продолжительнаго развитія изобразительнаго искусства, геометрическій-же орнаментъ, которымъ преимущественно украшены издѣлія первобытнаго человѣка, возникъ конечно не изъ аистовъ, гнѣздъ и змѣй, а имѣетъ свое основаніе въ ритмѣ—основѣ всѣхъ вообще искусствъ.

Курганы близъ Гуляй-Города занимаютъ четвертую главу; раскопки здѣсь производились въ трехъ могильникахъ и въ городкѣ надъ берегомъ Тясмина; раскопано около 40 кургановъ. Погребенія относятся къ скифской и болѣе поздней эпохѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ даются свѣдѣнія о продолженіи изслѣдованія стоянки каменнаго вѣка подъ Юрьевой горой, подробно описанной въ I-мъ томѣ труда автора, о раскопкахъ кургановъ на правомъ берегу р. Тясмина (въ курганѣ съ энеолитическомъ погребеніемъ вѣроятно по ошибкѣ проникли древніе грабители и оставили тамъ деревянный ломъ и лубочное ведро), о раскопкахъ кургановъ въ окрестностяхъ Шполы (раскопки Ю. Ф. Абаза—посуда до—микенской культуры) и о раскопкахъ близъ г. Звенигородки (раскопки Самоквасова у с. Рыжановки).

Двѣ предпослѣднія обширныя главы посвящены: одна—курганамъ Роменскаго у., другая—дневникамъ Е. А. Зноско-Боровскаго.

Нагорный берегъ Сулы, съ массой расположенныхъ тамъ некрополей, давно уже привлекалъ изслѣдователей. Курганы заключаютъ погребенія скифскаго типа; большинство могилъ разграблено въ древности, рѣдкія-же, оставшіяся нетронутыми, вознаграждаютъ труды изслѣдователей цѣнными находками. Гр. Бобринскій собралъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о произведенныхъ здѣсь раскопкахъ (напр. Самоквасова и Кибальчича), но главное мѣсто удѣлилъ раскопкамъ С. А. Мазараки, приводя его дневники, а въ случаяхъ, гдѣ таковые не были представлены,—описывая предметы.

Дневники Е. А. Зноско-Боровскаго обнимаетъ преимущественно курганы Каневскаго у. (103 кургана). Они указываютъ на ту любовь, съ какой Е. А. Зноско-Боровскій (нынѣ покойный) относился къ дѣлу; въ нихъ отмѣчена каждая мелочь (особенно въ дневникахъ болѣе поздняго времени)—все это говоритъ за то, что при раскопкахъ имѣлись въ виду лишь научныя, а не меркантильныя цѣли. Покойный до конца былъ послѣдовательнымъ и все свое богатое собраніе завѣщалъ Кіевскому музею древностей и искусствъ, куда оно уже и поступило. Опубликованіе дневниковъ является лучшимъ почтеніемъ памяти покойнаго. Открытыя Е. А. Зноско-Боровскимъ погребенія относятся къ енеолитической и скифской (преимущественно) эпохамъ; онѣ дали много интересныхъ наблюденій и паходокъ; встрѣтились также и погребенія кочевниковъ, особенно цѣнно одно изъ нихъ (у с. Ковалей), сохранившее полное вооруженіе воина—кочевника. Кромѣ Каневскаго у., Зноско-Боровскимъ вскрыто два кургана въ Золотоношскомъ у. Полтавской губ., оба оказались очень интересными, относясь одинъ къ енеолетической эпохѣ, другой—къ скифской.

Конецъ труда гр. Бобринскаго занимаютъ перечни предметовъ изъ случайныхъ находокъ. Особаго вниманія заслуживаетъ кладъ, найденный въ 1893 г. у с. Хацки. Почти всѣ предметы сдѣланы изъ низкопробнаго серебра и состоятъ изъ пряжекъ, бляхъ, привѣсокъ и т. п., относящихся къ разряду т. н. готскихъ издѣлій (IV—VII в. по Р. Х.).

Таково вкратцѣ содержаніе этого тома раскопокъ близъ м. Смѣлы. Содержаніе довольно разнообразное, но составленное съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ отъ научнаго труда. Не довольствуясь изложеніемъ фактовъ, гр. Бобринскій въ нужныхъ случаяхъ ихъ объединяетъ, проводитъ параллели, особенно цѣнныя въ такого рода изслѣдованіяхъ. Обширное знакомство автора, помимо русской, съ западноевропейской литературой предмета, еще болѣе увеличиваетъ цѣнность работы и лишь остается пожалѣть, что настоящій томъ является послѣднимъ.

Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго; помѣщенные въ текстѣ многочисленные рисунки, а также таблицы въ концѣ книги, исполнены, за немногими исключеніями, вполнѣ удовлетворительно, нѣкоторые-же изъ нихъ даже иллюминованы красками и золотомъ.

Н. В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 9; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9; 6) Вѣстникъ Европы, № 9; 7) Русская Мысль, № 9; 8) Научное Обозрѣніе, № 9; 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 8 и 9; 10) Przewodnik naukowy i literacki, № 9; 11) Bibliot. Warszaw. № 9; 12) Літер.-Науков. Вістник, № 9; 13) Кіевск. Универс. Изв., № 6—8; 14) Книжки Восхода, № 8 и 15) Міръ Божій, №№ 8 и 9.

Русскій Архивъ, № 9.

Изъ воспоминаній Д. В. Бартенева (Укрощеніе Еврейскаго погрома въ городѣ Борзнѣ) (стр. 44—48).

Сообщаются подробности еврейскаго погрома въ нѣкоторыхъ пунктахъ Черниговской губ., въ томъ числѣ и въ Борзнѣ, очевидцемъ котораго былъ авторъ.

Замѣчательная надгробная надпись (стр. 127—128).

Приведена надпись на латинск. языкѣ, находящаяся въ «придворной» церкви Скоропадскихъ въ с. Дунайцѣ, Глуховск. у. Надпись эта—эпитафія гласитъ о томъ, что здѣсь покоится Анна Михайловна Скоропадская, внучатая племянница гетмана Скоропадскаго, бывшая замужемъ за генер.-аншефомъ Юріемъ Григорьевичемъ Ливеномъ (р. 1695, ум. 1763), скончавшаяся въ 1840 г. на первомъ году брачной жизни.

—

Историческій Вѣстникъ, № 9.

Записки Н. И. Мамаева (Продолженіе). Часть вторая. Гл. XXV—XXVIII (стр. 784—827).

Авторъ „Записокъ" разсказываетъ о своемъ прибытіи въ 1838 г. въ Кіевъ въ качествѣ адъютанта волынскаго губернатора Маслова; объ отъѣздѣ, послѣ осмотра лаврскихъ пещеръ, къ мѣсту назначенія; о житомірскихъ впечатлѣніяхъ, въ особенности рѣзкихъ для автора, благодаря великорусскому происхожденію его и полному незнакомству съ малорусскимъ и польскимъ народомъ и его обычаями; сообщаетъ о дѣятельности администраціи и своей лично въ разыски-

ваніи и арестѣ наиболѣе опасныхъ дѣятелей польской партіи; описываетъ отдѣльные пункты, какъ-то Овручъ, съ его достопримѣчательностями, Острогъ, Дубно, Кременецъ, Почаевскую Лавру.

Н. А. Крыловъ. Кадеты сороковыхъ годовъ. (Личныя воспоминанія) (стр. 943—967).

Авторъ, товарищъ по корпусу братьевъ Жемчужниковыхъ, сообщаетъ любопытныя біографич. данныя о нихъ.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ (стр. 13—24).

Небольшая статья (вступительная лекція, читанная въ С.-Петерб. университетѣ), въ которой авторъ въ общихъ чертахъ говоритъ о смѣшеніи всевозможныхъ группъ языковъ, въ томъ числѣ и славянскихъ. Въ настоящее время замѣчается, по словамъ автора, взаимное вліяніе польской языковой области и области малорусской; русскаго литературнаго языка и разныхъ говоровъ, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ, равно какъ и языка польскаго во всемъ его разнообразіи. Отраженія иноплеменныхъ особенностей на основномъ фонѣ языковаго строя и состава (лингвистически смѣшанныя области) можно видѣть, между прочимъ, въ областяхъ великорусской, малорусской, болгарской и др.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 222—223) данъ весьма сочувственный отзывъ о книгѣ «К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань 1898».

—

Русская Мысль, № 9.

Павелъ Матвѣевъ. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношенія къ дѣламъ и людямъ этого края (стр. 46—75). Статья эта, начатая въ № 8-мъ, освѣщаетъ личность Артамона Матвѣева, какъ очень популярнаго человѣка въ Малороссіи въ качествѣ «неотступнаго защитника и усерднаго ходатая за Украйну», когда онъ былъ начальникомъ приказа Малой Россіи (съ 1669 года). Особенно характерно въ этомъ случаѣ его поведеніе въ дѣлѣ, затѣянномъ Ординъ-Нащокинымъ, о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху. Насколько Ординъ-Нащокинъ являлся упорнымъ преслѣдователемъ этой мысли, настолько Артамонъ Матвѣевъ при-

держивался политики умиротворяющей и умѣлъ ублажать представителей малороссійскаго духовенства, какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены краткіе отзывы о книгахъ: 1) *Яворскій «Очерки по исторіи русской народной словесности» т. I. Львовъ, 1901 г.*; 2) *Тупиковъ «Страсти Христовы въ западно-русскомъ спискѣ XVII в.». Спб. 1901 г.*

—

Научное Обозрѣніе. № 9.

И. Стешенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (Историко-литературный очеркъ) (стр. 81—105).

Въ настоящей части своего очерка авторъ задался цѣлью выяснить соціальный смыслъ произведеній И. П. Котляревскаго съ опредѣленіемъ ихъ общественнаго значенія. По опредѣленію автора, нашъ поэтъ является феодальнымъ мелкимъ землевладѣльцемъ-дворяниномъ, выросшимъ на почвѣ крѣпостничества и мирившимся съ послѣднимъ, но не мирившимся съ угнетеніемъ козаковъ, личная свобода которыхъ, соединенная съ землевладѣніемъ, освящалась при томъ феодализмомъ. Вообще же классовой характеръ личности К—го: «идеологъ мелкаго землевладѣнія», а объективность содержанія Энеиды можно прямо толковать «въ смыслѣ идеализаціи козачества и порицанія враждебныхъ ему группъ общества... Нужно сказать, что эти мысли автора слишкомъ темны, а доказательства не убѣдительны.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 8.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 гг.) (Окончаніе.) (стр. 470—528).

Въ послѣдней, пятой, главѣ своего труда авторъ разсматриваетъ дѣятельность митр. Іероѳея по отношенію къ Кіевской духовной Академіи. Въ качествѣ прибавленія къ этой главѣ авторъ присоединилъ еще нѣсколько страницъ возстановленія Кіево-Братскаго монастыря, упраздненнаго, какъ извѣстно, Высочайшимъ указомъ 1786 года.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 9.

Наш альбом. Ритми, I—VI, Лесі Украинки. — Буркутські станси, I—IV, І. Франка. — Із віршів Якима Супиги, I—IV (стр. 233—240).

Із оповідань Ол. Гавриша. I. Дядько Яким. II. Верба (стр. 241—255).

Первое — слабый психологическій набросокъ, второе—сказка (тема заимствована) о происхожденіи вербы изъ „вередлывои“ бабы.

З давнього минулого. Про Олександра Яковлевича Конiського, Дмитра Марковича (стр. 256—260).

Воспоминанія о покойномъ, относящіяся къ 1862 году,—ко времени пребыванія А. Я. Конисскаго въ Вологдѣ.

Вирід. Оповіданнн Осипа Шпитка (далі) (стр. 261—286).

Художественное произведеніе на чисто психологической основѣ: выясненіе духовнаго міра субъекта, именуемаго, съ общественной точки зрѣнія, „выродомъ“, а на самомъ дѣлѣ обладающаго не малымъ духовнымъ богатствомъ.

Арсен Яворенко, драма Б. Гринченка (конець буде) (стр. 287—305).

Современная драма, отражающая общественныя явленія нашего времени. Главный герой—инженеръ Арсенъ Яворенко, посвятившій себя на служеніе общественному благу—въ частности поднятію матеріальнаго и духовнаго быта крестьянъ своего и окрестныхъ селъ.

Образки. I. Хочу докучити тобі, Марти *** (стр. 306—308).

II. Смутна пісня, Надії Кибальчич (308—312).

Послѣднее—картинка изъ сельской жизни: грустная судьба сельской учительницы, не имѣющей ни откуда поддержки и не видящей когда-бы то ни было выхода изъ своего положенія.

Трицять від ста, опов. Матільди Серао (кинець буде) (стр. 313—351).

Із оповидань Анатоля Франса: III Король пъе (352—357).

Із переспівів Павла Грабовського. Ілля Муромець (великоруська биліна) (далі буде) (стр. 358—360).

Прекрасный переводъ былины объ Ильѣ Муромцѣ съ сохраненіемъ ритма подлинника.

—

З остатніх десятиліть XIX в., Івана Франка (кинець) (стр. 112—132).

Прекрасная, интересная, обстоятельная статья, представляющая критико-историческій очеркъ культурнаго развитія украинско-русскаго народа въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій. Авторъ

указываетъ на наиболѣе выдающіеся моменты въ этомъ развитіи; на наиболѣе крупныя силы, способствовавшія послѣднему.

Будучність гімназій, уваги проф. д-ра Фрідріха Паульзена (стр. 133—160) (кінець буде).

Авторъ высказываетъ твердое убѣжденіе, что современный типъ германскихъ и другихъ классическихъ гимназій необходимо долженъ претвориться въ гуманитарную школу безъ древнихъ языковъ.

Хроніка и бібліографія (стр. 30—40).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 6—8.

№ 6. *А. С. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества X—XIII вв. (съ генеалогич. табл. и картою). Сочиненіе, удостоенное ист.-филологич. факультетомъ золотой медали (стр. 1—78).

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три части. Въ первой говоритъ о территоріи и населеніи Турово-Пинской области; во второй—даетъ очеркъ исторіи этого княжества и, наконецъ, въ послѣдней касается нѣкоторыхъ фактовъ внутренней исторіи, какъ то: сильно развитое общественное самосознаніе въ Турово-Пинскомъ княжествѣ (походы на Туровъ 1157 г. и 1160), взаимныя отношенія Турова и Пинска, а также сообщаетъ свѣдѣнія относительно Туровской епископіи.

Означенный трудъ, свидѣтельствующій о немалой эрудиціи и усидчивости автора, явится полезнымъ дополненіемъ къ цѣлой серіи областныхъ монографій, разсматривающихъ судьбы отдѣльныхъ русскихъ земель и княжествъ.

№№ 7 и 8. *В. А. Чаговецъ.* Жизнь и сочиненія преподобнаго Ѳеодосія. Сочиненіе, удостоенное ист.-филол. факультет. золотой медали (стр. 1—70, 71—121).

Авторъ въ данномъ трудѣ талантливо и живо разсматриваетъ и разрѣшаетъ вопросы о жизни и литературной дѣятельности преп. Ѳеодосія. Къ труду привлечены списки произведеній, вновь открытыхъ авторомъ.

№ 7. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ. (Продолженіе) (стр. 413—485).

Продолженіе 4-й главы—о косвенныхъ налогахъ. Въ данной части авторъ разсматриваетъ данныя о внутреннихъ таможенныхъ и

торговыхъ пошлинахъ съ мельницъ (мельничное право), заводовъ для производства спиртныхъ напитковъ; скарбовые доходы отъ акцизовъ и монополій.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка. Вышло изъ печати второе изданіе III и IV томовъ сочиненій украинскаго писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, издаваемыхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ. Первое изданіе разошлось безъ остатка. Въ сравнительно большомъ количествѣ сочиненія выписываются въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ, вообще же спросъ на произведенія Квитки идетъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ только пребываютъ малороссы. Складъ изданія находится въ харьковской уѣздной земской управѣ, которая выручаемыя отъ продажи сочиненій деньги обращаетъ въ капиталъ, предназначаемый на нужды училища имени писателя въ с. Основѣ. Училище это лучшее въ Харьковскомъ уѣздѣ. (Х. Губ. Вѣд. № 226)

Въ № 5159 газ. „Одесскія Новости“ помѣщена была статья, посвященная 70-лѣтію со дня рожденія извѣстнаго писателя Д. Л. Мордовцева, въ которой характеризуется его литературная дѣятельность. Газета напоминаетъ о его огромной популярности, называетъ его горячимъ и искреннимъ „украинофиломъ“, защитникомъ украинской народности отъ нападокъ шовинистовъ, честнымъ просвѣщеннымъ писателемъ.

Предполагаемое періодическое изданіе. Проживающій въ Петербургѣ г. Короненко обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, еженедѣльникъ для народа, въ религіозно-общественномъ направленіи на малороссійскомъ языкѣ. (Kurjer Warszawski).

Въ т. XIV (Serya II) „Rozpawy Akademii Umiejętności Wydział Historyczno-filozoficzny (39 т. общаго собранія) помѣщены два важныхъ изслѣдованія.

1) *F. Piekosiński.* Statut litewski. Część I (стр. 61—130), въ которомъ авторъ въ хронологическомъ порядкѣ даетъ обзоръ всѣхъ привилеевъ королевскихъ, начиная съ 1387 г., легшихъ затѣмъ въ основу т. наз. Литовскаго статута; послѣдній имѣлъ три редакціи: 1529, 1564 и 1588 (напечат. на русск. яз. въ Вильнѣ въ томъ же году у Мамонича). Кромѣ того, для земли Волынской и княжества Кіевскаго оказалась потребность издать особую редакцію (собственно вторая редакція, съ опущеніемъ отдѣла о военныхъ дѣлахъ и различными поправками, признанными сеймиками); но эта редакція такъ никогда и не была напечатана. Въ дальнѣйшей части своего труда авторъ обѣщаетъ произвести сравненіе содержанія отдѣльныхъ редакцій статута для опредѣленія развитія и измѣненій различныхъ правовыхъ институцій.

2) Того же автора—„Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich" (стр. 171—251).

Приводя, въ хронологическомъ порядкѣ, данныя о вѣчахъ, сеймахъ и сеймикахъ, авторъ иногда даетъ указаніе на участіе въ послѣднихъ и русскаго элемента, т. напр., въ 1436 г. на съѣздѣ между Вищней и Рогатычами утверждена конфедерація земель русскихъ, а именно: львовской, подольской, перемышльской, саноцкой, галицкой, холмской и белзской; въ 1438 (и въ 1453 привилей) на вольномъ сеймѣ король (Владисл. III Ягеллончикъ) издалъ привилей, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что не допуститъ, чтобы какая нибудь изъ земель—Литва, Русь, Подолія и Молдавщина—были отняты отъ Короны Польской; въ 1452 г. было четыре съѣзда—3 земскихъ и сенаторскій (вольный), на которыхъ рѣшался вопросъ объ отобраніи Луцка и всей Подоліи отъ Литвы,—назначено было даже „рушеніе" земель сандомірской, любельской и русской на Луцкъ; въ 1456 г. на генеральномъ сеймѣ въ Корчинѣ подтверждены: привилей слободъ для русскихъ земянъ и земскій привилей для земель краковской, сандомірской, любельской, львовской, перемышльской и русской; въ 1465 г.—во Львовѣ сеймъ земель русскихъ (Руси и Подоліи) по частному дѣлу; такой же—въ 1477 въ Красноставѣ, наконецъ въ 1496 г. на піотрковскомъ вольномъ сеймѣ, при участіи духовенства, земянъ и депутатовъ отъ земянъ установлены были пункты для земскихъ (повѣтовыхъ) сеймиковъ, какъ то: холмскій—въ Грубешовѣ, белзскій—въ Буску, перемышльскій—въ Мосцискѣ,

подольскій—въ Каменцѣ, саноцкій—въ Санокѣ, львовскій—въ Вишнѣ, галицкій—въ Теребовлѣ.

—

Въ т. VI, кн. 1. „Извѣстій Отдѣл. Русск. яз. и Словесности Императ. Акад. Наукъ" за 1901 г. помѣщена статья А. И. Соболевскаго „Чудо св. Климента, папы Римскаго". Древне-русское „слово" (домонгольскаго періода) стр. 1—8.

Судя по тексту, видно, что святой близокъ автору кіевлянину; по его словамъ—самъ Господь привелъ святого въ „нашу русскую страну", къ своимъ „врагамъ и отступникамъ". Слово, какъ видно, было произнесено или прочитано надъ мощами Климента.

—

Въ №№ 204 и 205 газ. „Дѣло" помѣщена статья о. Іосифа Ганкевича „За руски старинности и згадка за исторію нашихъ сторôнъ", въ которой авторъ даетъ рядъ фактовъ, историко-бытового характера, интересныхъ для исторіи древн. Звенигорода (галицкаго), Саратова и др. смежныхъ пунктовъ.

—

Въ № 249 газ. „Кіевская Газета" помѣщена интересная замѣтка, которую и заимствуемъ оттуда. „Въ серединѣ прошлаго (1900) года вышелъ (въ Кіевѣ) сборникъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ „Викъ". Въ этотъ сборникъ, имѣвшій задачею представить образцы украинской поэзіи за истекшее (въ 1898 г.) столѣтіе существованія художественной украинской литературы, вошли произведенія лучшихъ украинскихъ писателей отъ Котляревскаго до нашихъ дней. Очень добросовѣстно и талантливо составленный, въ полномъ смыслѣ слова художественно изданный и сравнительно недорогой, сборникъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ въ публикѣ, что въ настоящее время ужъ совершенно разошелся (отпечатанъ онъ былъ въ 1600 экз.). Необычайный успѣхъ стихотворнаго сборника „Викъ", показавшій, что въ нашемъ обществѣ существуетъ большой спросъ на серьезно составленную, изящно изданную, хоть и дорогую украинскую книгу, побудилъ редакцію названнаго сборника продолжить свою въ высшей степени интересную и полезную работу.

Въ настоящее время, какъ мы знаемъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, вполнѣ готовы къ печати дозволенные цензурою два слѣдующихъ тома сборника „Викъ". Эти два тома „Вика", каж-

дый въ 25—30 листовъ печати, будутъ содержать въ себѣ лучшіе образцы украинской прозаической литературы, начиная отъ Г. Квитки-Основьяненка до нашихъ дней. Въ первый томъ войдутъ произведенія украинскихъ авторовъ отъ Квитки до Франка (включительно), а второй отъ Гринченка до нашихъ дней. Произведеніямъ каждаго писателя предпосылается біографія съ характеристикою литературной физіономіи автора. Настоящіе два тома „Вика“ имѣютъ быть исполнены столь же изящно, какъ и первый томъ. Нужно надѣяться, что публика, встрѣтившая такъ благосклонно первый томъ „Вика“, столь же сочувственно отнесется и къ дальнѣйшей работѣ симпатичной редакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что большинство публики, открывшей много очень интереснаго и новаго для себя въ первомъ томѣ „Вика“, найдетъ не менѣе интереснаго и въ дальнѣйшихъ томахъ этого изданія. Отъ души желаемъ самаго широкаго успѣха этому новому изданію.

Идя на встрѣчу все возрастающему спросу на совершенно разошедшійся первый томъ „Вика“, редакція этого сборника приготовила уже второе изданіе его. Въ этомъ новомъ изданіи содержаніе настоящаго сборника будетъ значительно переработано и дополнено, будутъ также расширены біографіи писателей и приложена руководящая вступительная статья“.

—

Въ № 1002 газ. „Югъ“ священникомъ Антономъ Гриневичемъ данъ весьма сочувственный отзывъ о брошюрѣ „Думы кобзарськи. Видано подъ доглядомъ Б. Гринченка у Чернигови, 1897“. По сообщенію рецензента, книжка эта очень нравится народу.

—

Въ № 1301 нѣкто Н. Г. помѣстилъ интересную статью подъ заглавіемъ „Современная Галиція“, составленную на основаніи книги Л. Василевскаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Статья даетъ наглядное представленіе о постепенномъ культурномъ ростѣ нашихъ заграничныхъ собратьевъ.

—

Въ № 182 вѣнской газеты „Arbeiter Zeitung“ помѣщенъ переводъ разсказа В. Стефаника „Сыня книжечка“.

—

Американскій журналъ „The literary Digest“, vol. XXIII, № 9 помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Cooperative industry legalized in

Russia", въ которой знакомитъ американскихъ читателей съ земледѣльческими артелями Н. В. Левитскаго. Статья страдаетъ крупнымъ недостаткомъ: она ложно освѣщаетъ самую суть—значеніе артелей въ Россіи.

—

Англійская писательница Дорота Джирардъ (Dorothea Gerard) издала въ настоящемъ году въ Нью-Іоркѣ повѣсть «The suprem Crime» (Величайшее злодѣяніе), интересную тѣмъ, что тема взята изъ жизни малорусскаго духовенства въ Галиціи.

—

Книга „Дешевая библіотека". № 321. Е. П. Гребенка. Записки студента. Повѣсть. Путевыя записки зайца. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1900",—допущена въ ученич. библіотеки низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Книга К. Харламповичъ. „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898",—рекомендована для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности находящихся въ западномъ краѣ.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи. Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи изслѣдована чрезвычайно мало: у многихъ вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что археологи не соберутъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательной жатвы. И однако дѣйствительность теперь уже опровергла эти скептическія предположенія и оправдала наоборотъ надежды глубокаго знатока русской археологіи, проф. В. Б. Антоновича, который настойчиво рекомендовалъ устроить археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, чтобы изслѣдовать по части вещественныхъ памятниковъ степную полосу, находящуюся между бассейнами Днѣпра и Дона.

Раскопки Верхнесалтовскаго могильнила въ Волчанскомъ уѣздѣ, открытаго учителемъ мѣстнаго народнаго училища В. А. Бабенкомъ, съ успѣхомъ и послѣ отъѣзда коммиссіи продолжалъ членъ ея А. М. Покровскій.

Замѣчу только, что Верхнесалтовскому могильнику, какъ мнѣ кажется, придется сыграть видную роль въ русской археологіи. Это, повидимому, обширный некрополь, надъ которымъ придется еще поработать и впослѣдствіи.

Закончивъ свои изысканія въ сѣверномъ теченіи р. Донца, въ Волчанскомъ уѣздѣ, А. М. Покровскій переѣхалъ, согласно общему плану экскурсіи, въ Зміевской уѣздъ, чтобы изслѣдовать болѣе южное теченіе того же Донца—въ особенности курга-

ны съ каменными бабами. Тамъ онъ раскопалъ 4 кургана въ дачахъ сел. Раздольнаго, изъ нихъ 2 съ каменными бабами и 2 безъ бабъ. Большой курганъ съ каменною бабою оказался наиболѣе интереснымъ. Въ немъ, на разныхъ уровняхъ, было найдено 7 погребеній, изъ коихъ самыя глубокія были съ окрашенными костяками (одно изъ нихъ находилось даже ниже уровня желтой глины). Одно изъ погребеній—по всей вѣроятности скиѳское—дало бронзовое золоченое зеркало, пару золотыхъ массивныхъ колецъ, золотыя бляшки и спирали (послѣдними вѣроятно, была обшита одежда), ожерелье изъ сердоликовыхъ бусъ и два глиняныхъ сосуда. 2 другіе кургана дали 6 погребеній съ окрашенными костяками и въ скорченномъ положеніи; они бѣдны предметами и относятся къ концу каменнаго вѣка. Другой курганъ съ каменною бабою оказался совершенно пустымъ. Каменная баба была пожертвована комитету мѣстными землевладѣльцами М. П. и А. В. Багговутъ, за что приносимъ имъ искреннюю благодарность.

Е. П. Трефильевъ производилъ раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ. Въ сл. Нижней Дуванкѣ онъ раскопалъ 13 кургановъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались принадлежащими къ каменному вѣку и въ нихъ найдены были грубые сосуды и черепа; въ другихъ заключались бронзовые предметы и украшенія, янтарныя, кораловыя и сердоликовыя бусы; погребеніе здѣсь совершалось въ мѣловой почвѣ, а одно было отыскано въ ладьѣ. Въ с. Сватовой Лучкѣ было разрыто 9 кургановъ, изъ коихъ два кочевническихъ, остальные—каменнаго вѣка, а одинъ съ золотыми предметами, украшенными жемчугомъ и каменьями, съ каменной плитой и сосудами.

В. А. Городцовъ со своимъ помощникомъ студентомъ г. Большаковымъ производилъ обширные раскопки въ Изюмскомъ уѣздѣ, на нижнемъ теченіи Донца въ предѣлахъ харьковской губерніи. Первый опытъ раскопокъ былъ произведенъ имъ въ сел. Николаевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Славянска, гдѣ разрыто 4 кургана съ 9-ю погребеніями. Изъ послѣднихъ, 3 принадлежали кочевникамъ и сопровождались похоронами цѣлаго коня или его частей. Вещей въ нихъ было немного—2 цѣльныхъ глиняныхъ горшечка, 1 бронзовое ведерко, двое желѣзныхъ удилъ, нѣсколько мелкихъ желѣзныхъ, бронзовыхъ и се-

ребряныхъ вещицъ и костяныхъ орнаментированныхъ пластинокъ, служившихъ оправой сѣдла или колчана. Самое богатое изъ этихъ погребеній вмѣстѣ съ деревяннымъ ладьевиднымъ гробомъ доставлено въ музей Императорскаго харьковскаго университета и разобрано уже на мѣстѣ. При костяхъ найденъ желѣзный мечъ, кольчуга, остатки одежды и обуви и т. п. Эта находка представляетъ большой интересъ въ силу, такъ сказать, ея наглядности. Въ настоящее время музеи не останавливаются передъ огромными затратами для пріобрѣтенія подобныхъ предметовъ и если найденный въ Изюмскомъ уѣздѣ гробъ съ воиномъ останется въ Харьковѣ (что крайне желательно), то онъ безъ сомнѣнія составитъ одну изъ достопримѣчательностей харьковскаго университета. Другія погребенія относятся частію къ скиѳскому, частію къ неолитическому періоду.

Слѣдующимъ пунктомъ изысканій В. А. Городцова была Селимовка—тамъ имъ было раскопано 9 кургановъ съ 41 погребеніемъ, изъ коихъ 38 оказались неолитическими и скиѳскими и 3 кочевническими. Среди этихъ кургановъ былъ одинъ съ каменною бабою (подлѣ д. Черногоровки). Въ немъ найдено было 7 погребеній очень ранняго времени, такъ какъ костяки имѣли скорченное положеніе, а 2 изъ нихъ находились въ особыхъ пещерахъ, выкопанныхъ въ бокахъ ямъ. Одно изъ кочевническихъ погребеній было повидимому очень богато, но къ сожалѣнію разграблено: оно сопровождалось похоронами коня и аттрибутами начальнической власти (навершьемъ каменной булавы), а также обильными остатками желѣза и мѣдной окиси на костяхъ коня. Очень богатымъ оказалось также одно изъ скиѳскихъ погребеній, въ которомъ найдены мѣдный литой котелъ на тонкой высокой ножкѣ, вѣсомъ около 20 ф., и 322 золотыя вещицы (мелкія бляшки и т. п). Оригинальны могилы въ формѣ пещеръ. Оригинальна и керамика. Отправлены были съ этихъ раскопокъ въ Харьковъ и 2 каменныхъ бабы. Горячее содѣйствіе въ раскопкахъ оказывалъ земскій начальникъ 5-го участка Изюмскаго уѣзда Вл. Митр. Купчиновъ, за что отъ имени комитета приношу ему глубокую благодарность.

Далѣе В. А. Городцовъ изслѣдовалъ районъ къ востоку отъ г. Славянска до устья р. Бахмутки. Раскопано было здѣсь 24 кургана и открыто въ нихъ 70 погребеній; два изъ этихъ

кургановъ были съ каменными бабами. Первый курганъ съ каменною бабою у сел. Закотнаго далъ 2 скиѳскихъ погребенія; такія же погребенія найдены и въ двухъ смежныхъ съ нимъ курганахъ меньшихъ размѣровъ, тогда какъ второй курганъ съ каменною бабою у с. Ямполя содержалъ 2 скиѳскихъ и одно кочевническое погребеніе. Три кургана были раскопаны у сел. Райгородка, гдѣ священникомъ состоитъ о. Василій Сѣсивцевъ, открывшій и изслѣдовавшій стоянки каменнаго вѣка на песчаныхъ буграхъ подлѣ Райгородка и оказавшій серьезныя услуги мѣстной археологіи. Въ настоящее время онъ намѣренъ изслѣдовать такія же стоянки между Райгородкомъ, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ.

Изслѣдованіемъ стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка по р. Донцу въ окрестностяхъ с. Кочетка, въ Зміевскомъ уѣздѣ, заняты были пишущій эти строки, а также В. Е. Данилевичъ и П. П. Ефименко. Послѣднему удалось собрать довольно значительную коллекцію разнообразныхъ предметовъ—кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлокъ, кремневыхъ ножей, пряслицы и т. п. Коллекція эта будетъ демонстрироваться на выставкѣ.

Не можемъ не высказать по этому поводу своего пожеланія, чтобы возможно большее число лицъ занялось розысками кремневыхъ стрѣлъ и орудій на песчаныхъ буграхъ, расположенныхъ по р. Днѣпру и Донцу съ ихъ притоками. Здѣсь не нужны никакія затраты—а только внимательные поиски, въ особенности послѣ вѣтра, который выдуваетъ эти предметы на поверхность почвы.

Проф. Дм. Ив. Багалѣй.

—

Отъ Комиссіи при Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ для собиранія, въ предѣлахъ Черниговской губерніи, археологическаго и этнографическаго матеріаловъ къ XII археологическому съѣзду. Комиссія съ благодарностью приняла предложеніе одного изъ своихъ членовъ, преподавателя Глуховской гимназіи А. Н. Малинки,—составить этнографическій альбомъ Черниговщины, т. е. собраніе фотографическихъ снимковъ, рисунковъ и плановъ, изображающихъ бытовую сторону народонаселенія Черниговской губерніи. Въ виду того значенія, какое долженъ получить на съѣздѣ проектируемый А. Н. Ма-

линкою альбомъ, вышеозначенная комиссія постановила: кромѣ общихъ программъ, по которымъ Нѣжинское Историко-Филологическое Общество собираетъ свѣдѣнія для съѣзда и которыя въ настоящее время имѣются на рукахъ у сотрудниковъ Общества по принятой на себя послѣднимъ задачѣ, опубликовать и подробную программу проектируемаго А. Н. Малинкою альбома. Программа эта слѣдующая:

А. Жилье. Видъ села, хутора (лѣтомъ, зимою). Улица. Дворъ зажиточнаго и бѣднаго селянина. Хата снаружи и внутри; планъ ея. Надворныя постройки (наружный и внутренній видъ): амбаръ, клуня, сарай, хлѣвъ, омшаникъ... Шпитали, лавочки, шинки, чайныя... Изгородь: заборъ, частоколъ, плетень и его узоры; ворота, калитка, перелазъ; засовъ, завертка...

Б. Типы малоросса. (въ одиночку и группами): дѣвочка, мальчикъ; паробокъ, дивка; чоловикъ, жинка, дидъ, баба. Типъ старшины, писаря, приказчика, помѣщика, псаломщика, священника. Типъ пастуха, сторожа, дурачка, нищаго, лирника, кобзаря. Цыганъ и его семья; евреи, „кацапы", „литвины"...

В. Религіозная сторона. Сельская церковь; погостъ. Процессіи (водосвятіе, маккавей, окропленіе скота, освященіе плодовъ, пасхи, дома...). Уничтоженіе священникомъ „закрутокъ". Родины и крестбины; вѣнчаніе, свадьба и ритуальные въ ней предметы (коровай, вильце...); смерть, похороны, кладбище. „На богомолье", „на постройку церкви"... и т. п.

Г. Отдыхъ: игры и забавы. Праздникъ въ деревнѣ. „На колодкахъ", возлѣ шинка; хороводы, плясы, вечерницы, музыка, качели. Игры: въ карты, въ мячъ, паци, кремъяхи, катанье яицъ.... Дѣтскія игрушки (куклы, коники-свистушки, дудка...). Купанье. „Коза", вертепъ, звѣзда, колядники. Ив. Купало (кукла, скаканіе черезъ огонь, крапиву) и т. д.

Д. Трудъ. Разные виды его и орудія, напр. 1) *Земледѣліе*: пахотьба, посѣвъ, жнива, коповозъ, молотьба; мельница—„жорна", ступа, олійница, витрякъ, водяная; приготовленіе хлѣба, продажа его на базарѣ. 2) *Сѣнокосъ* (характерныя сцены). 3) *Скотоводство*: стадо въ полѣ, возвращеніе его домой, на скотномъ дворѣ, доеніе коровъ; приготовленіе молочныхъ продуктовъ; стрижка овецъ (ихъ мойка); выдѣлка шерсти и кожи. 4) *Огородничество*: баштаны, арбузы на базарѣ; работы на план-

таціяхъ; пенька, ленъ и ихъ выдѣлка... 5) *Садоводство*: прививка, снимка фруктовъ, продажа ихъ... 6) *Ткачество*. 7) *Пчеловодство*: пасѣка, роеніе, добыча меду... 8) *Лѣсоводство*: рубка дерева, ручное приготовленіе бревенъ, дровъ, досокъ; дерев. издѣлія (лубки, кошели, коновки...); постройка избы, продажа дерева (склады)... 9) *Приготовленія изъ глины*: добыча ея, выдѣлка кирпича, обжигъ горшковъ и др. глиняныхъ издѣлій; горшечникъ въ селѣ; продажа глиняной посуды на базарѣ. 10) *Грабарство*. 11) *Мойка бѣлья*. 12) *Носка воды*: коромысло, бовкунъ, ведра, колодецъ, криница. 13) *Рыболовство*. 14) *Кузнечество* (ковка лошади, видъ кузницы). 15) *Школа*: занятія, перемѣна, экзаменъ. 16) *Волостное правленіе*: сходка, судъ, пріѣздъ начальства. 17) *Леченіе:* ворожка надъ больнымъ, больница въ селѣ; пріемъ больныхъ. 18) *Торговля*: ярмарка, базаръ (характерн. сцены), лавочка, бродячіе торговцы (тряпичники, щетинники...). 19) *Способы передвиженія*: по сушѣ (на лошадяхъ верхомъ, въ повозкѣ, на саняхъ), по водѣ (лодка, паромъ...)

Е. Пища, питье, куреніе и ихъ принадлежности.

Ж. Одежда, обувь. Одежда будничн. и праздничн., спереди и сзади; старинная и теперешняя, стариковъ и молодежи, лѣтняя и зимняя; ея названія; украшенія, вышивки, рисунки плахтъ. Сапоги, лапти, черевики...

Комиссія проситъ о содѣйствіи въ выполненіи намѣченнаго альбома, присовокупляя, что:

1) На фотографическихъ снимкахъ не требуется ретушевки, точно также какъ не нужно наклеивать ихъ на картонъ.

2) Фотографическіе снимки, особенно снимки группъ или сценъ, не должны быть слишкомъ мелки.

3) Требуется обозначить при каждомъ снимкѣ, рисункѣ или планѣ: а) мѣстность, гдѣ находится предметъ или происходитъ сцена; б) мѣстное названіе предмета или сцены; в) время, когда предметъ былъ снятъ, срисованъ или спланированъ.

4) Фотографическіе снимки, рисунки и планы желательно имѣть въ двухъ экземплярахъ, такъ какъ и альбомовъ проектируется составить два,—одинъ для Харьковскаго съѣзда, а другой для Историческаго Музея при Черниговской Губернской Архивной Комиссіи.

5) Не мѣшаетъ иногда подробно описать ту или иную характерную сторону снимаемаго или срисовываемаго предмета, поскольку она имѣетъ этнографическое значеніе.

6) Общество проситъ доставлять ему фотографическіе снимки, рисунки и планы исподволь, начиная со времени полученія сей публикаціи; послѣдній срокъ доставленія матеріала для альбома— 1-ое мая 1902 года.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества проф. **А. Добіашъ**.

Эта программа этнографическаго альбома Черниговской губерніи, проектируемаго Нѣжинскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, нынѣ отчасти разослана, отчасти продолжаетъ разсылаться по Черниговской губерніи. Г.г. фотографовъ-спеціалистовъ, фотографовъ-любителей и рисовальщиковъ, которые пожелали бы оказать содѣйствіе Обществу по составленію альбома и не получили еще программъ, просятъ вытребовать таковыя отъ Предсѣдателя Общества. Не нужно особенно останавливаться надъ выборомъ подлежащихъ фотографированію предметовъ, руководясь, быть можетъ, тѣмъ, что, пожалуй, другой сотрудникъ займется фотографированіемъ того же предмета: если и окажутся въ альбомѣ повторенія, то это не въ ущербъ основательности альбома. Всякую хотя бы и единичную помощь въ дѣлѣ доставленія матеріала для альбома Общество приметъ съ благодарностью. Тѣхъ же лицъ, которыя пожелали бы заняться этимъ дѣломъ болѣе систематически, просятъ увѣдомить о таковомъ ихъ желаніи Предсѣдателя Общества, дабы самое Общество имѣло возможность выдать имъ необходимыя въ иныхъ случаяхъ удостовѣренія въ ихъ сотрудничествѣ по составленію альбома.

Ученыя общества.

Въ послѣднемъ засѣданіи *Общества Изслѣдователей Волыни*, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ волынскаго губернатора Дунина-Борковскаго, разсмотрѣнъ былъ вопросъ о печатаніи „Трудовъ“ общества. Изъ заявленій предсѣдателей отдѣльныхъ секцій общества выяснилось, что къ напечатанію

готовы: по этнографической секціи—рѣчь О. А. Фотинскаго о значеніи сохраненія памятниковъ поэтическаго творчества народа и другихъ бытовыхъ особенностей его и программа для собиранія свѣдѣній о народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, выработанная членами секціи; по экономической секціи—докладъ Бердычевскаго о пчеловодствѣ въ Волынской губерніи, программа для собиранія свѣдѣній о крестьянскомъ землевладѣніи въ той же губерніи, затѣмъ рѣчь и открытое письмо предсѣдателя секціи къ волынскимъ землевладѣльцамъ съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ работѣ общества по ознакомленію съ роднымъ краемъ. Наконецъ, по исторической секціи предполагается напечатать рефераты Я. В. Яроцкаго: „Доисторическіе памятники Волыни, ихъ изученіе и desiderata въ этомъ отношеніи". Н. П. Авенаріуса: „Башня великаго князя Владиміра Васильевича въ Каменцѣ-Литовскомъ". Совѣтъ общества постановилъ приступить къ печатанію этого матеріала, предпославъ первому тому „Трудовъ" статью о возникновеніи и задачахъ общества. („Кіевл.").

Изслѣдованія и раскопки.

Предсѣдателемъ исторической секціи Общества Изслѣдователей Волыни *Я. В. Яроцкимъ* въ концѣ іюля и началѣ августа была совершена экскурсія въ г. Овручъ и Овручскій уѣздъ. Наблюденія касались замковой горы въ г. Овручѣ и ряда песчаныхъ бугровъ или выдмъ, полоса которыхъ тянется на сѣв. и вост. отъ Овруча до с. Бондарей и Збранокъ. Бугры эти уже давно извѣстны, какъ бывшія мѣста стоянокъ человѣка каменнаго вѣка. Хорошій подборъ орудій былъ собранъ тамъ К. А. Ставровскимъ и хранится теперь главнымъ образомъ въ Музеѣ университета св. Владиміра, частью въ Городецкомъ Музеѣ Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгель, а также и въ другихъ частныхъ собраніяхъ.

Я. В. Яроцкимъ были произведены раскопки бугра у с. Толкачей, позволившія убѣдиться, что и здѣсь была стоянка; бугоръ этотъ носитъ названіе „Цыганской горы".

У с. Рѣчичей, на востокъ отъ нихъ, Я. В. Яроцкій раскопалъ также 24 кургана изъ находящагося тамъ могильника. Погребенія оказались древлянскаго типа, имѣютъ много аналогичнаго съ житомірскимъ могильникомъ, хотя также и нѣкоторыя особенности. При костякахъ найдены слѣды гробовъ, затѣмъ, бусы, желѣзные ножи и обручи, височныя кольца.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года *въ г. Каменецъ-Подольскѣ*, на Губернаторской улицѣ, противъ Армянскаго костела образовался *провалъ*. Желая изслѣдовать этотъ провалъ, Городская Управа поручила Члену-Секретарю Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета Священнику Евфимію Сѣцинскому произвести изслѣдованіе провала.

О. Е. Сѣцинскій, по окончаніи изысканій, представилъ управѣ докладъ слѣдующаго содержанія.

По порученію Управы я наблюдалъ за раскопкой на мѣстѣ провала на Губернаторской улицѣ противъ Армянскаго Костела, при чемъ оказалось слѣдующее: на мѣстѣ провала со стороны Губернаторскаго сада обнаружилась широкая стѣна, возлѣ которой земля и глина со стороны Армянскаго костела унесена куда то водою въ глубь. Такъ какъ по изслѣдованіи стѣны со стороны провала оказалось, что на глубинѣ около сажня стѣна оканчивалась и подъ ней были скважины, то было сдѣлано предположеніе, что земля унесена подъ стѣну и что, слѣдовательно по другую сторону стѣны должны быть какіе нибудь подвалы и ходы, куда вода забирала землю. Развѣдочная раскопка за стѣнкой показала, что на этомъ мѣстѣ былъ домъ и отъ него уцѣлѣлъ фундаментъ въ видѣ вышеуказанной стѣны и кромѣ того обнаружилась поперечная стѣнка, идущая перпендикулярно первоначально найденной стѣнкѣ. На стѣнкахъ найдена штукатурка,—это показало, что тамъ было подвальное жилое помѣщеніе. Какой то еврей старикъ говорилъ при посѣщеніи мѣста провала, что онъ еще помнитъ, что тамъ, гдѣ оказалась стѣнка, была каменная ограда усадьбы, примыкавшая къ теперешней усадьбѣ г-жи Камышанской, такъ что улица въ томъ мѣстѣ раньше была болѣе узкой. Такъ какъ во время раскопки на мѣстѣ бывшаго дома пошелъ дождь и набѣжавшая въ провалъ вода чрезъ нѣкоторое время ушла, продѣлавъ небольшое

отверстіе въ землѣ съ противоположной раскопкамъ стороны, т. е. со стороны Армянскаго костела, то раскопку стали производить по слѣду продѣланной водою дыры. Здѣсь, на глубинѣ около 2 саж. отъ поверхности того мѣста, найденъ былъ провалившійся сводъ какого то хода или подвала; дальнѣйшая раскопка того мѣста открыла ходъ подъ сводомъ по направленію къ костелу, черезъ дорогу. Сводъ, оказалось, идетъ недалеко, не болѣе $1^1/_2$ саж. отъ мѣста провала, далѣе на протяженіи $2^3/_4$ саж. шла выемка въ глинѣ безъ свода и какихъ бы то ни было подпоръ. Выемка эта представляетъ видъ куполообразной комнаты въ $2^3/_4$ саж. длины и въ $1^1/_3$ саж. ширины. Высота камеры посреди̇нѣ 1 саж., впрочемъ, высота раньше была несомнѣнно, большая, но теперь, при осмотрѣ, комната эта оказалась занесенною землей при помощи воды. Никакихъ вещей или чего другого, указывавшаго на время производства этой подземной камеры и каменнаго свода, не найдено. Видно только, что этотъ ходъ выкопанъ не сверху (такъ какъ надъ нимъ оказалась цѣлина глины), а съ боку, именно со стороны Губернаторскаго сада. Такъ какъ подземный ходъ съ этой стороны, т. е. со стороны сада, загроможденъ обваломъ, при чемъ раскопку подъ стѣной нельзя было сдѣлать, такъ какъ она давала трещины, и при томъ не предвидѣлось археологическаго интереса, то раскопка на этомъ и прекратилась.

Случайныя находки.

На Трехсвятительской ул. въ г. Кіевѣ, въ усадьбѣ Б. А. Орлова, 10-го сентября найденъ цѣнный кладъ велико-княжеской эпохи. Подробное описаніе его откладываемъ до слѣдующаго нумера.

—

Въ верстѣ отъ с. Лепесовки, ямпольской волости, кременецкаго уѣзда, на лѣвомъ побережьи р. Горыни, крестьянинъ Рудичъ, 16-го августа, при вспашкѣ поля подъ озимь, наткнулся на погребеніе въ каменной кистѣ, сложенной изъ плитъ известняка. Тонкими плитами были обложены бока и дно, болѣе-же толстая служила крышкой. Въ кистѣ, надъ которой была нава-

лена куча камней, находились части двухъ скелетовъ взрослыхъ людей и одного ребенка и черепки трехъ сосудовъ. Киста была устроена на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Крестьянинъ ограничился лишь тѣмъ, что забралъ къ себѣ домой камни, наваленные поверхъ кисты, и сравнялъ поле. Мѣстное сельское начальство, узнавъ о находкѣ, немедленно довело объ этомъ до свѣдѣнія пристава 3-го стана кременецкаго уѣзда А. К. Мимохода, который сейчасъ-же отправился на мѣсто нахожденія кисты, произвелъ осторожно раскопку, нашелъ, кромѣ указанныхъ выше предметовъ, еще два кремневыхъ шлифованныхъ клина, кусокъ топора и кремневаго ножа, и весьма обстоятельно описалъ результаты произведенной имъ раскопки въ донесеніи мѣстному статистическому комитету. Благодаря внимательному отношенію къ дѣлу со стороны г. Мимохода, интересное въ научномъ смыслѣ погребеніе каменнаго вѣка не изчезло безслѣдно, подобно многимъ другимъ остаткамъ погребенія въ каменныхъ ящикахъ, вѣроятно, весьма часто разрушаемыхъ крестьянскимъ плугомъ. Предметы, найденные въ кистѣ, поступили въ мѣстный статистическій комитетъ. Черепки сосудовъ темно-сѣраго цвѣта, снабжены чешуйчатымъ вдавленнымъ орнаментомъ, преимущественно возлѣ шейки. Дно и горлышко сосудовъ—небольшихъ размѣровъ, при значительной ширинѣ средней части. Судя по сообщенію, поступившему въ комитетъ, одинъ изъ череповъ лежалъ въ южной, другой въ сѣверной части кисты.

—

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о случайныхъ находкахъ, помѣщеннымъ въ „Лѣтописи“ за мартъ, приводимъ нѣкоторыя новыя, касающіяся Волынской губ. и любезно сообщенныя намъ Я. В. Яроцкимъ.

Въ Старой Котельнѣ, Житомірск. у., по дорогѣ въ м. Ивницу, крестьянинъ, работая въ полѣ, нашелъ глиняный горшокъ съ польскими серебряными монетами; часть ихъ была расхищена, удалось-же собрать 521 шт.

Въ с. Велицкѣ, Ковельск. у., въ саду помѣщика Лады-Лобаржевскаго, выкопанъ кладъ изъ ста серебряныхъ монетъ.

Въ г. Острогѣ, въ предмѣстьи Видеръ-Нидеръ, въ усадьбѣ Кващевской, былъ отрытъ скелетъ и при немъ найдены, между прочимъ, два кремневыхъ топорика.

Въ текущемъ году, въ мѣстный музей поступило еще нѣсколько предметовъ изъ случайныхъ находокъ:

1) Найденный въ м. Искорости, въ углубленіи скалы, на берегу Уши, желѣзнодорожными рабочими небольшой горшечекъ, сдѣланный безъ гончарнаго круга изъ глины съ значительной примѣсью зеренъ кварца и украшенный вдавленнымъ орнаментомъ около шейки черточками въ видѣ запятыхъ.

2) Небольшое кремневое долото, найденное въ окрестностяхъ Житоміра.

3) Нѣсколько каменныхъ орудій изъ разныхъ мѣстъ Овручскаго уѣзда (большое кремневое долото, молотъ-топоръ съ просверленнымъ отверстіемъ, нѣсколько кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и т. п.).

4) Серебряный аграфъ съ двумя ушками съ противоположныхъ сторонъ, въ оправу котораго вставлена полу-чечевица толстаго стекла. Стекло удерживается каймой довольно крупныхъ зубцовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такой же формы и величины вырѣзками. Вдоль края, кругомъ оправы, тянется шнуровой орнаментъ; основаніе каждаго ушка имѣетъ шаровидную форму. На задней плоской сторонѣ оправы нацарапанъ четырехугольный, почти равносторонній крестъ, возлѣ котораго лѣстница и два копья, а на верху дощечка съ обычной надписью. Найденъ этотъ предметъ на городищѣ возлѣ с. Несолонь, Новоградволынскаго уѣзда.

что у нихъ „вырабатывается фабричнаго сукна простого 500 арш., кое употребляется на дворовыхъ служителей и по экономіямъ Б—ихъ“.

Кр. П. 113 д. **А. В.** 332. **В.** 373 д. **Г.** 201 д. 204 х. „мастеровыхъ“ 18 д. 18 х. пс. 11 бд. х. **Д.** 411 д. 539 х. [1]). пс. 22 д. 37 х. **Кз. В.** 25 д. **Г.** 21 д. 27 х. **Д.** 32 д. 60 х.

С. Побочеевка, по переписн. книгамъ 1666 г., показана отдѣльнымъ поселеніемъ (14 хоз.), но затѣмъ въ вѣдомостяхъ XVIII в. вовсе не показывается, вѣроятно потому, что П. причислялась къ Сребному, какъ одинъ изъ его „фольварковъ“. Въ *Спискахъ насел. мѣстъ Полт. губ.*, *Побочьевка* показана отдѣльнымъ поселеніемъ, но такимъ же отд. поселеніемъ показанъ тамъ и *Подолъ*, составляющій одно изъ Сребрянскихъ предмѣстій („фольварковъ“).

С. Грицовка, р. Лисогоръ, возникла во втор. полов. XVII в. и сначава „прислушала“ Сребр. ратушѣ; Мазепою отдана была Афанасію Мокіевскому, „яко своему племяннику“ [2]), который въ это время былъ городовымъ атаманомъ въ Сребномъ. По отобраніи отъ Мокіевскаго, Гр. въ 1710 г. отдана Андрею Себастіановичу, въ то время полк. писарю; а послѣ его смерти, Гр. перешла къ тремъ его сыновьямъ, Ивану, Василію и Матвѣю. По малолѣтству двухъ послѣднихъ, старшій, Иванъ, захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Гр., и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. При этомъ Ив. С—чъ былъ настолько суровымъ державцею, что сама

---

[1]) Означ. кр—не были слѣд. владѣльцевъ: Мих. Будлянскаго, 295 д., 380 х., кн. Баранова, 15—20, сек.-м. Туманова, 29—38, майора Шульгина, 15—20, плквн. Жевахова, 3—6, сек.-м. Ченцова, 4—4, капит. Гогибѣдова, 7—7, груз. княгини Саакадзевой, 12—20, подпоруч. Кирилова, 6—8, кн. Орбеліани, 11—20, прап. Ник. Бажанова, 3—3, гв. серж. Сем. Дубровскаго, 6—7 и в. т. Никиты Скоробогатаго, 5—6. (*Перв. цифра указыв. дворы, а вторая хаты).*

[2]) Слѣдств. о маетн. Прилуцк. полка. Родство Мазепы съ Мокіевскимъ тѣмъ вѣроятнѣе, что мать Мазепы родомъ была Мокіевская.

мать его писала, что онъ „бивалъ своихъ подданныхъ кіями безъ всякой пощады“. Вслѣдъ за учрежденіемъ Млрск. коллегіи, нѣсколько Гриц—хъ крестьянъ. происходившихъ изъ козаковъ, обратились туда съ просьбою—вернуть ихъ въ козачество. Одинъ изъ этихъ крестьянъ, Степанъ Быховецъ, писалъ въ 1727 г. въ ген. к—рію: „будетъ тому нѣсколко годъ, якъ я въ с. Гр., маетности б. т. Ив. С—ча, сталъ жить и всякіе подданническія повинности отбывалъ даже до сего времени; а нынѣ, когда я пожелалъ отбывать козацкую повинность съ своего грунта козацкого для того, что дѣдъ мой и отецъ козаковали и въ „компутахъ“ (козацкіе списки) полк. Прлцкихъ записаны, то жена С—ча, извѣстясь о томъ, (мужъ ея отсутствовалъ въ Гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову разбили; да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота: товару рогатаго—9, овецъ—24 и коня одного“. Взаключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій компутъ“. Ген. к—рія наведя справку по ревизіи 1723 г., что Быховецъ записанъ въ числѣ посполитыхъ, въ этой просьбѣ ему отказала. Тогда Быховецъ обратился въ коллегію, жалуясь, что ген. к—рія отказала ему въ козачествѣ, не справившись со старыми компутами. По справкѣ съ послѣдними, дѣйствительно оказалось, что отецъ Степана Быховца, Иванъ, значился *атаманомъ* въ с. Молькахъ, а братъ его, Петръ, рядовымъ козакомъ. Въ силу этой справки, коллегія, признавъ за Быховцомъ право на козачество, послала Прлцк. плк—ку указъ о выключеніи его изъ подданства съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ „впредь до него въ подданническихъ повинностяхъ не интересовался“. Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него женою С—ча скота. Добившись этого указа, Быховецъ отъ всякаго, „послушенства“, разумѣется, отказался. По этому случаю младшій Себастіановичъ, Матвѣй, (служившій въ это время въ ген. к—ріи) жаловался только что поставленному гетману: „изъ посполитыхъ селянъ с. Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнясь какимъ-то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ

крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего жъ году, того жъ сельца Гр—ки житель Степанъ Быховецъ, смотря на реченныхъ самовольниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генер. к—рію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, въ ту же г. к—рію подалъ мировое челобитье, выразивши именно, что онъ останется попрежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ изъ Глухова въ домъ свой, и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за тое, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и, мимо ген. к—ріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякого розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки“... Поэтому С—чъ просилъ произвести слѣдствіе, какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ С—чей. По этой просьбѣ посланы были въ Грицовку полк. ес. Панкевичъ и б. т. Прокоповичъ, при чемъ изъ произведеннаго ими слѣдствія оказалось, что Б—цъ считаетъ себя козакомъ потому, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ с. Молькахъ, да и братъ его меньшій Петръ записанъ въ компутѣ; а онъ, Степ. Б—цъ, передъ дорогимъ годомъ, женившись въ Харитоновкѣ, „прислушалъ до ратуши Ср—ой“ п., ч. Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда Б—ца перезвалъ въ Гр—ку бывшій тамошній державца Мокіевскій, и поставилъ его надъ своею маетностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Б—цъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. Живя же въ Гр—кѣ, Б—цъ купилъ себѣ грунтъ у тамошнихъ посполитыхъ Дробковъ“... Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Походняцина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій его лѣтъ около ста назадъ. Распрошены были слѣдователями и тѣ люди, которыхъ побилъ Б—цъ.—Войтъ Грицовскій Василенко объ этомъ разсказалъ такъ: получивъ приказъ „панеи“ о высылкѣ на панщину шести подводъ, пошелъ я и до Б—ца, чтобъ и его подвода была, но Б—цъ отвѣчалъ: „не пойду я на панщину, бо я те-

перь босый, чоботъ нема"!—А когда я донесъ объ этомъ панеи, то она велѣла взять за то у Б—ца двое коней; а когда привели тѣхъ коней во дворъ, то пани приказала для коней взять у Б—ца еще и сѣна. За сѣномъ послали старосту, верхомъ на Быховцовомъ конѣ, но какъ только тотъ пріѣхалъ къ Б—цу, то послѣдній своего коня отнялъ, а самого старосту, взявъ за волосы, ударилъ о-земь и билъ его кулаками, сколько хотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ панеи: „ты посылаешъ насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ"!—Тогда пани приказала старостѣ, идти къ Б—цу уже съ людьми, чтобъ позвать его самого во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли снова къ Б—цу, но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ посланныхъ цѣпами... И избили Б—цы послѣднихъ такъ, что старостѣ и еще одному—разбили головы, третьему—перебили руку, да и остальнымъ досталось... Хотѣли было слѣдователи спросить и самого Б—ца, но тотъ только крикнулъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливого вѣтру"!—На другой день снова былъ позванъ Б—цъ и на этотъ разъ разсказалъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы „пограбить" [1]), то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу". Къ этому Б—цъ добавилъ, что во время этой драки у него еще не было указа коллегіи о козачествѣ.—А потомъ была и другая драка, послѣ полученія уже указа о козачествѣ, когда присы-

---

[1]) Слово «грабить» употреблено здѣсь въ смыслѣ насильно взять—въ подлежащемъ «грабежу» дворѣ—какую нибудь вещь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая «гонителей» (нѣчто вродѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, «пограбить» недоимщиковъ, т. е. взять у нихъ какую-нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

лалъ уже самъ Иванъ С—чъ, вернувшійся изъ Гилянскаго похода, звать его, Б—ца, во дворъ. Показавъ указъ о козачествѣ, онъ, Б—цъ, посланному отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю“!— За такой отвѣтъ С—чъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду“ (стадо)—„пограбить“ пару Быховцовыхъ воловъ. Услыхавъ объ этомъ, Б—цъ побѣжалъ, съ однимъ изъ сосѣдей, къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного потому, что отпросила войта дочь Б—ца говоря: „не бей, тату! человѣкъ этотъ передъ нами ничѣмъ невиненъ“!—Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Б—ца, слѣдуетъ въ козачествѣ отказать; Б—ца же, признавъ козакомъ, наказать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа изъ коллегіи. Это заключеніе слѣдователей гетманъ утвердилъ.—Но только что кончили С—чи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ другое дѣло: на этотъ разъ уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское поспольство, надѣявшееся было, наряду со всѣми, что Глуховская коллегія облегчитъ панскія „работизны“ и не дождавшись этихъ облегченій, рѣшило обратиться за послѣдними къ новому гетману. Въ октябрѣ 1728 г. Грицовская „громада“ писала въ своемъ прошеніи къ Апостолу слѣдующее: „мы, Грицовскіе подданные п. Ив. С—ча, доносимъ в. ясн—ти о причиняемыхъ намъ отъ него такихъ обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь, и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ и., ч. панскіе дозорцы домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнива“ накидаетъ панъ на каждую семью сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дали хоть малость времени накосить сѣна и нажать хлѣбъ на своемъ полѣ, то дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погніетъ, лишь бы панское было собрано“! А староста панскій грозитъ, что если онъ хоть годъ проживетъ у пана, то всѣхъ насъ поровняетъ—и богатыхъ, и бѣдныхъ“... Каж-

дый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю, и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанетъ зима, то отдаетъ панъ для „годовли“ на дворъ—по коню или—по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину—или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса; такъ, у Прохоренка онъ срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго въ шинокъ, къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году, въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у Србр—кой жительки Калинки—сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій двотъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану, который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привозли то (краденое) сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ, и разсказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жаданенка, а другого—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей“... Во всѣхъ этихъ фактахъ, болѣе или менѣе удостовѣренныхъ слѣдователями, гетманъ не нашелъ вины С—ча, почему и распорядился, чтобы Прлцк. плк-къ вызвавъ Грицовскихъ „возмутителей“ въ Прилуку, сначала бы ихъ „по приличію“ наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать С—чей. Посланному за „возмутителями“—сот. хоружему—Грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и не поѣхали. Тогда плк-къ послалъ въ Гр-ку, въ другой разъ, зн. тов. Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ Грицовцами гетманскій приказъ, не требуя ихъ въ Прилуку. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у С—чей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ

шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа, но крестьяне не пошли, а собравшись „громадою“ и вооружившись цѣпами, стали ждать что̀ дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ громадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе.—„Не будемъ слушать С—ча“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана“! Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ войту, чтобы тотъ распорядился дать его козакамъ харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго съ вилами въ рукахъ. Донецъ приказалъ—этого крестьянина „забить въ колодки“; но только что успѣли его взять, какъ громада подошла къ панскому двору и потребовала освобожденія арестованнаго, а когда Донецъ въ томъ отказалъ, то громада направилась къ священнику за позволеніемъ—ударить набатъ, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) сталъ было людей успокоевать, но народъ ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Услыхавъ набатъ, Грицовскій атаманъ прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобъ тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Послѣ этого, толпа сама подошла къ панскому двору и требуя освобожденія забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять арестованнаго изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки... Свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончился протестъ Грицовскихъ крестьянъ—въ архивныхъ бумагахъ мы не нашли, но конечно гетманскій приказъ былъ исполненъ, и Грицовцы стали по прежнему отдавать С—чамъ „надлежащее послушаніе“... **Кр. А.** 65 д. **В.** 42 д. **В.** 69 д. пс. 1 д. **Г.** 41 д. 51 х. **Д.** 91 д. 157 х. (б. т. Лысенка и Матв. и Ив. Себастіановичей) пс. 3 д. 8 х. **Кз. В.** 31 д. **Г.** 22 д. 29 х. (въ составѣ коз. насел. показаны „старцы з милостыни живучіе“—9 женщ.) **Д.** 17 д. 38 х.

С. Березовка (Березовица), р. Лисогоръ, оставалась свободною до нач. XVIII в.; затѣмъ, отдана была во владѣніе Прилуцкому протопопу Михаилу Трифоновскому такимъ порядкомъ: въ 1710 г., Тр., будучи тогда Сребрянскимъ „намѣстникомъ", выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ на десять человѣкъ, посаженныхъ имъ здѣсь подсосѣдковъ, и на трехъ человѣкъ, „на своихъ мужичихъ грунтахъ, жіючихъ"; затѣмъ, въ 1716 г., Тр. выпросилъ у гетмана другой универсалъ—*на половину* Березовки. Наконецъ, въ 1725 г., будучи въ Москвѣ, Тр. выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ, „по инстанціи" (по ходатайству) Меншикова, на все село и на всѣ грунта". Тогда же Меншиковъ помогъ Тр—му получить на Б. и царскую грамоту. Отъ Тр. Б. перешла къ его сыновьямъ [1]). **Кр. П.** 54 д. **А.** 129 д. **В.** 103 д. **Г.** 47 д. 50 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло" 22 дв.) **Д.** 60 д. 100 х. пс. 19 д. 31 х. **Кз. В.** 68 д. **Г.** 112 д. 139 х. пс. 3 бд. х. **Д.** 110 д. 232 х.

Х. Березовицкій, „законникъ Густынскихъ", возникъ на землѣ подаренной, въ 1697 г., Густынск. м—рю Ив. В. Себастіановичемъ, который потомъ и самъ постригся въ этомъ м—рѣ (с. 63). По ревиз. 1729 г., здѣсь показано 18 хатъ, а по ревиз. 1731 г.—19 х., причемъ видно, что х. Б. находился въ вѣдѣніи „намѣстника" *Деймановскаго скитка.*

---

[1]) Въ бумагахъ Акад. Худож. объ остаткахъ старины въ церквяхъ Полтавск. губ., относительно Березовки имѣется свѣдѣніе, записанное въ 1887 г., что настоящая здѣшняя церковь построена въ 1754 г. и, по преданію старожиловъ, первоначально имѣла *три главы въ рядъ, отъ востока къ западу*, и что въ 1838 г., при починкѣ церкви, двѣ крайнія главы были сняты, а на середней—верхъ измѣненъ. Это свѣдѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что значитъ и въ лѣвобережной Малороссіи, въ XVIII и нач. XIX в.в., церкви были съ тремя главами въ рядъ, т. е. имѣли ту же архитектуру что и на правомъ берегу Днѣпра. Рисунки старинныхъ правобережныхъ церквей, *съ тремя главами въ рядъ*, сохранены Де-ля-Флизомъ, въ его альбомахъ изображеній тѣхъ селъ Кіевск. губ., которыя населены были государственными крестьянами. (Деля-Флизъ былъ врачемъ Кіевск. палаты госуд. имуществъ). Одинъ изъ такихъ альбомовъ Де-ля-Флиза имѣется въ наш. б—кѣ.

С. Алексинцы, р. Лисогоръ, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣніемъ Сребр—ой сотни“(генер. слѣдств.) до 1730 г., когда отданы на рангъ генер. обозн. Лизогубу; по смерти Л—ба, оставались свободными до 1752 г, когда, вмѣстѣ съ Скибенцами и Яцинами, отданы гетм. Разумовскимъ, въ 1752 г., генер. ес. Якубовичу, „во вѣчное и спокойное владѣніе, за отправленныя службы“ Послѣ Я—ча, Я—цами владѣла его вдова, которая распредѣляя въ 1763 г. между сыновьями мужнины имѣнія, А. отдала старшему сыну, Александру, Прлцк. плк—ку. **Кз. П.** 38 д. **А.** 83 д. **В.** 52 д. **В.** 87 д. **Г.** 18 д. 20 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 26 д.). **Д.** 48 д. 69 х. пс. 2 д. 6 х. **Кр. В.** 28 д. **Г.** 26 д. 27 х. **Д.** 36 д. 60 х.

С. Довгалевка, р. Лисогоръ, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдств.) до 1738 г., когда А. Румянцовымъ отдана на рангъ плк-ку Семену Полозову, правившему тогда въ Глуховѣ должность генер. подскарбія, а затѣмъ—Разумовскимъ, по универсалу 1751 г., отдана вдовѣ б. тов. Ивана Савича, Настасьѣ Степановнѣ, рожд. Забѣла. По ревизіи 1729 г., *вмѣстѣ* съ Довгалевкою (безъ раздѣленія населенія), показана и *„деревня Касяновка“*. По ревиз. 1731 г. Касяновки уже нѣтъ, а по ревиз. 1740 г. она значится отдѣльнымъ поселеніемъ. **Кр. П.** 17 х. **А.** 26 д. **В.** 21 д. **В.** 35 д. пс. коз. 4 д. **Г.** 16 д. 17 х. **Д.** 27 д. 40 х. (Будлянск.—5 д., в. тов. Заруднаго—15 д. и Ос. Масла—7 д.) пс. 1 д. 2 х. **Кз.** 38 д. **Г.** 41 д. 47 х. **Д.** 60 д. 106 х., „пушкарей“ 1 д. 2 х.

Д. Касяновка, р. Лисогоръ, возникла, повидимому, изъ Довгалевскаго выселка (см. выше). По ревиз. 1740 г. здѣсь показано крест. Осипа Масла—6 д. 7 х., Трофима Масла—4 д. 9 х., в. тов. Заруднаго—9 д. 14 х. пс. 1 д. 3 х., а по вѣд. 1780 г.—10 д. 16 х. 1 бд. х. (подсудка земск. Иваницк. Осипа и Сребр. сотеннаго атамана Трофима—Масловъ). Кромѣ крест., въ 1780 г. показанъ и 1 дв. коз. съ 3-мя хат.

С. Юрковцы, р. Галка, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (*генер. слѣдств.*) до

1751 г., когда Разумовскимъ были отданы плк-ку второго компанейскаго полка Василію Чесноку, отъ котораго перешли къ сыну его Степану. **Кр. А.** 28 д. **В.** 11 д. **В.** 49 д. пс. коз. 4 д. **Г.** 10 д. 10 х. пс. 1 д. 1 х. **Д.** корон. 5 д. 9 х. влад. 23 д. 24 х. (б. тов. Затыркевича, б. тов. Чеснока и Ос. Масла) Пс. 5 д. 12 х. **Кз. В.** 38 д. **Г.** 63 д. 69 х. пс. 2 д. 2 бд. х. **Д.** 80 д. 137 х. Значительное умаленіе крестьянъ за время 1729—1740 г.г., какъ видно, произошло не столько отъ ухода ихъ, сколько отъ переписки въ козаки, что видно изъ количества послѣднихъ въ 1740 г.

С. Блотница, рчч. Лисогоръ, Евтушокъ, Лобачовщина и Перемишня, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (*генер. слѣдств.*) до 1738 г., когда отдана была вмѣстѣ съ Довгалевкою, Сем. Полозову. Затѣмъ, Разумовскимъ, въ 1751 г., отдано ген. подск. Мих. Скоропадскому, послѣ котораго перешла къ сыну его Петру (см. ниже—*Васьковцы*). **Кр. П.** 15 д. **А.** 54 д. **В.** 20 д. **В.** 60 д. пс. коз. 16 д. **Г.** 14 д. 14 х. („шинкъ, въ немъ живетъ жидъ“). **Д.** 36 д. 51 х. пс. 23 д. 31 х. 36 бд. х. (У Пащ. показаны слѣд. владѣльцы: наслѣдники ум. ротм. Петра Скоропадскаго—36 д. 51 х., в. тов. Ив. Затыркевичъ—8 д. 12 х., б. товар. Андрей и Иванъ Мазараки—14 д. 18 х., а большинство бд. хатъ (29) принадлежали четыремъ значк. тов. Кондратенкамъ). **Кз. В.** 39 д. **Г.** 74 д. 88 х. пс. 22 бд. х. **Д.** 65 д. 133 х. Въ Б., какъ и въ Довгалевкѣ, замѣтно тоже сильное уменьшеніе крестьянъ въ пол. XVIII в. и увеличеніе козачьяго населенія.

С. Васьковцы, рч. Тростянецъ, извѣстны съ полов. XVII в.; Мазепою отданы, ок. 1700 г., кн. Юрію Четвертинскому [1]), на одной изъ дочерей котораго женился М. В. Скоропадскій (племянникъ гетмана); въ приданое онъ получилъ, между прочимъ, и В—цы, которыя затѣмъ достались сыну его Петру. Послѣ Петра Ск. В—цы унаслѣдовала единственная его дочь Прасковья (мужъ

---

[1]) См. Истор. Вѣстн. 1880 г., августъ, 721.

ген.-лейт. Ив. Неплюевъ). Вслѣдствіе бездѣтства, Пр. Н—ва В. и Блотницу заложила мужу и продала майору Чоглокову. Послѣ ея смерти, въ мартѣ 1796 г., двоюродные ея братья, Михаилъ и Петръ Яковлевичи Скоропадскіе, просили мѣстный судъ—В. и Б—цу отдать имъ, какъ наслѣдникамъ умершей, что̀ судомъ и было исполнено. Послѣ этого противъ Скоропадскихъ начали судебный споръ: Неплюевъ, какъ залогодержатель, и Чоглоковъ, какъ покупщикъ. Дѣло рѣшено было въ пользу Скоропадскихъ, причемъ Чоглоковъ потерялъ свои права, пропустивъ „трегодичную давность, узаконенную 52-мъ арт. [розд. 11“. **Кр. П.** 38 д. **А.** 85 д. **В.** 44 д. **В.** 53 д. **Г.** 46 д. 69 х. **Д.** 117 д. 160 х. Пс. 5 д. 12 х. **Кз. В.** 33 д. **Г.** 57 д. 64 х. пс. 2 бд. х. **Д.** 46 д. 82 х.

С. Никоновка, „небольшой протокъ“ (Пащ.), извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдствіе) до к. XVIII в. [1]). Такимъ образомъ Н. принадлежитъ къ числу тѣхъ *рѣдкихъ* селъ, которыя избѣжали частнаго влдѣнія. Вѣроятно были какія-нибудь экономическія условія мѣстности, не представлявшія выгодъ для искателей маетностей. **Кр. П.** 24 д. **А.** 59 д. **В.** 22 д. **В.** 34 д. Пс. 1 д. **Г.** 13 д. 13 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 11 двор.) **Д.** „коронныхъ“ 3 д. 4 х. [2]) и владѣльч. 14 д. 17 х. Пс. 1 бд. х. Кр—не принадлежали Будлянскому, Маслу (Осипу?) и М. Шкляревичу. **Кз. В.** 31 д. **Г.** 41 д. 43 х. Пс. 2 бд. х. **Д.** 59 д. 109 х. [3]).

---

[1]) Въ свѣдѣн. Акад. Худож. объ остаткахъ старины въ церквяхъ Полт. губ., относительно Никоновки замѣчено, что *первая церковь* здѣсь построена въ 1723 г., и затѣмъ она перестраивалась въ 1794, и 1823 г.г., и что при передѣлкѣ церкви въ 1823 г., двѣ крайнія главы сняты, такъ какъ дотого церковь имѣла *три главы въ рядъ*, съ востока на западъ. См. выше с. Березовку.

[2]) «Коронными» были записаны тѣ изъ первоначальныхъ крестьянъ, которые и въ это время оставались еще свободными.

[3]) Рядомъ съ Никоновкою, по описямъ 1666 г., значится *село Брехуновка* съ 29-ю дворами. Село это затѣмъ ни въ XVII, ни въ XVIII в.в.—не встрѣчается, почему можно думать, что оно изчезло

С. Сокиренцы, р. Утка, извѣстны съ перв. пол. XVII в., причемъ по документу Пшездѣцкаго въ этомъ селѣ (Siekierzyna) считалось 128 хоз. и 12 мельницъ. До 1716 г. С. находились въ „послушаніи“ Сребр. ратуши, а затѣмъ Скоропадскимъ отданы Галагану, конечно, по выбору послѣдняго, такъ какъ С. представляли собою богатую маетность, имѣя до 150 крест. двор. Получивъ универсалъ на С., Галаганъ немедленно принялся за устройство тамошняго своего хозяйства, причемъ, не довольствуясь Сокиринскими землями, сталъ захватывать и сосѣднія, Васьковчанскія и Калюжинскія. Владѣльцы послѣднихъ пожаловались гетману, который послалъ на мѣсто, для разслѣдованія этихъ жалобъ, одного изъ довѣренныхъ своихъ канцеляристовъ. Послѣдній въ любопытномъ своемъ донесеніи нарисовалъ любопытную картину экономическихъ отношеній Галагана къ своимъ сосѣдямъ. [1])

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь полностью это любопытное донесеніе одного изъ самыхъ способныхъ канцеляристовъ гетманской к-ріи, Степ. Максимовича, бывшаго впослѣдствіи Стародубскимъ полк. писаремъ.—«Ясневелможный, всемилостивѣйшій мой пане единый и добродѣю. Любо исправленний двояко заводу между Васкувцями, подданными освіеценого его м. князя Четвертенского, и Сокѣрѣнцями, маетности его м. п. полк-ка Прилуцк., и между п. Гавр. Милорадовича и мененним п. полк-комъ—розискъ, черезъ нарочного, Іваницкого сторожа, подъ високое велможности вашой разсужденіе посилаю, и хочай з документалного вѣри годних стариковъ признатя ясно показуется, же п. полк-къ Прилуцк., по одержаню села Сокѣринецъ, теперь на сѣнокосномъ яру, на державцю Калюжинского (Милорадовича) належномъ, вновъ небувалую заспалъ греблю, и на горѣ в давномъ Степановомъ дубняку—поставилъ едну толко хату, и замисливъ, отнявши тотъ дубнякъ, завести себѣ хуторъ, гдѣ уже и теперъ пригнано болше тисячи полковничихъ овечокъ и болше ста волувъ; и для годувлѣ того немалого числа статку (скота), не тилко жителей Іваницкихъ и подданныхъ своихъ Сокиринцовъ—ихъ здавна владѣемий степъ—велѣвъ до своего хутора новострончогося покосить, але и чужихъ людей, Васкувчанъ, на тую жъ полковничую потребу, отъ продковъ ихъ заживаемие поля, покошено. Однакъ и я видячи в серцу утаенний на п. полк-ка жаль людзкий, же за осроженемся (осторожностью?) и пострахомъ своимъ на нихъ (?) хоцъ (sic) яке бѣднимъ людямъ насилство чинится, то при тяжкомъ своемъ стенаніи, терпятъ, и не смѣютъ ему доносити, бо если хто з якимъ жалемъ до п. полк-ка о обидѣ своей,

Главнымъ исполнителемъ тѣхъ насилій, которыя сразу проявилъ Г—нъ при веденіи Сокиринскаго своего хозяйства, былъ Сокиринскій староста Матвѣй Пятакъ, который самовласно расправлялся въ этой маетности не только съ „подданными“, но даже и козаками, причемъ жалобъ Пятакъ, повидимому, не боялся, пользуясь силою своего патрона. [1]) С. старый Галаганъ выбралъ—изъ мно-

---

отъ него учиненной, и появится, теди, безъ помилованія, заразъ з очей велитъ вонъ вигнати и *в награжденіе*—в шію албо кіями бѣдного человѣка бити. Доношу в. панск. в-ти, кгдижъ минѣ и сами убѣденніе (sic) люде на документъ дѣючихся в полку Прилуцк. кривди и віоленціи, публѣчне, при комиссарахъ зо мною будучихъ, доносили, которіе для вѣроятія велм. в. на особливомъ папѣру вираженніе, а о святую справедливость ревне (рыдая) до велм. в. волаючіе, посилаю. Такъ же, подъ часъ тоей комиссіи, стисненніе люде доносили да и самъ отчасти поразумѣваю, что, велм. ваша, когда п. полк-ови того недостроячогося хутора—не прикажетъ знести, то не толко з п. Милорад. за сѣножать не буде покою и Стефанъ—отнятемъ дубняка—будетъ обидимъ, лечъ и околичнихъ людей давніе сѣнокоси велитъ насилно косити и в свою область принимати. Кгди жъ не з чого иншого изъ Васкувчанами заводъ стался, поневажъ отъ килка десять лѣтъ владѣміе (якъ его ж подданніе и полчане з розиску признали) поля сего времени покоспвъ, где прежніе полковники тамъ не мало не кошували (прочъ займъ на власть полковничую належнихъ), и до того Васкувского степу Сокѣрынцѣ згола не интересуются, лечъ цѣле всѣ желаютъ, по давнему сумѣжю своихъ пуль (полей), безъ предѣлу граничного, заживати, для якого и впредь крѣности слушне мнѣ здается чтобы на помянутій нашъ розискъ сторонамъ, Васкувцямъ и Сокѣринцямъ, приказалъ, в-ть ваша, поважній свой видати универсалъ, чтобы они, за поводомъ полковничимъ (поки будетъ держати Сокѣринцѣ) не дерзали зъ Васкувчанами жадного вцинати заводу, якого они не желали и не желаютъ; а на очищеніе сѣножати п. Милрд-ча и дубины Степановой, жебы тамъ гребля была роскидана и хата разобрана, якъ будетъ увага в-ти в., чи указомъ своимъ панскимъ п. плк-ку Прлцк. будетъ пригрожено, чили—нарочній хто для роскиданя гребле и хати пришлется. О томъ всемъ в. пнск. в-ти по должности моей донесши, всемилостивому мя навсегда вручаю респектови. Ваш. пнск. в-ти должній и найнижшій слуга и подножокъ Стефанъ Максимовичъ. З Іванинцѣ, сентевр. 9, року 1717». *(Съ подлинника).*

[1]) Приводимъ здѣсь документъ, указывающій, что на Пятака нельзя было получить «належитой управы» въ мѣстномъ судѣ, а нужно

гихъ своихъ маетностей—для резиденціи. Тутъ онъ построилъ церковь, въ которой вѣроятно былъ и похороненъ, а надъ гро-

---

было обращаться въ генер. судъ, рѣшеніе котораго Пятакъ тоже не спѣшилъ исполнять... «Року 1721, мѣс. юля 13 д. Любо былъ указъ ясн-го добродѣя его мил. п. гетм. п. судіи полковому Прилуцкому, абы Михайла Оноприенка, т-ша сотнѣ Срб—й, жит. Сокиринского, зъ Матвіемъ Пятакомъ, старостою Сокир., котрій Михаила самоволно, не маючи надъ нимъ, якъ надъ козакомъ, власти, важилъся тиранско вязати, бити, на остатокъ, взявши между двома конми (?), зъ Сокиринецъ до Срѣбного вести,—въ Прилуцѣ, при певныхъ свѣдителяхъ того всего заводу свѣдомихъ, росправилъ, и по тому всему и по слушному свѣдителству, приказалъ всю Михайлову утрату, которую онъ такъ въ Прилуцѣ, яко и тутъ, въ Глуховѣ, доходячи права, мѣетъ, Матвій Пятакъ ему нагородилъ и за такое дерзновеніе, же самъ себѣ смѣлъ справедливость чинить, былъ скаранъ. Однакъ Михайло, *не получивши въ суду полковомъ належитой управи* и въ утратѣ своего здоровья и имѣнія—уконтентованя, мусѣлъ знову зъ супплѣкою удатися до ясн-го е. м. п. гетмана, просячи себѣ зъ Пятака святой справедливости, котрій, когда указомъ рейм—имъ призванъ былъ въ Глуховъ и питанъ былъ передъ судомъ в. енералнымъ, если онъ Михайла билъ и вязалъ, якъ жалобливый доноситъ, чого онъ, Пятакъ, не таячися, повинился тому, якъ и въ декретѣ полковомъ Прилуцкомъ вираженно, же по доношеню певныхъ свѣдителей, учинилъ себе быти виннимъ, почому судъ в. енералний вѣдаючи Матвія быти винного, за такое его дерзновеніе, же козака, ему не подвласного, важилъся вязати до дуба, бити и мордовати, тутъ въ Глуховѣ арматнимъ скаралъ вазенемъ, и приказалъ, абы всю—Михайла перепросивши—утрату пополнилъ, якую Михайло, въ Прилукѣ и въ Глуховѣ чрезъ килка, разъ правуючись, маетъ, такъ же и за увѣчче, отъ Матвія понесенное, нагородилъ, и впредъ, абы такъ Матвій надъ Михайломъ за нагороду не мстился, и Михайло Матвіеви за свои побои не домовлялъ, и жадного бъ заводу между собою не вщинали. Повагою суду в. енералного варуетъ и караннямъ непоблажнимъ и подъ зарукою ста зол. на заводъ вщинающого, грозно приказуетъ и упоминаетъ, на томъ при притисненю печати, власною рукою надписался Его ц. пресв. величества Войска Запор. бунчучний енералний Яковъ Лизогубъ».—Потомъ, «року 1722 февр. 20, суплѣковалъ до е. мил. п. полковника Чернѣговского, на тотъ часъ наказного гетмана, Михайла Оноприенко, козакъ сотнѣ Срб—ой, житель Сокиринскій, на Матвія Пятака, господара двору е. мил. п. полковника Прилуцкого, прекладаючи жалобу свою за побите одъ оного Пятака понесенное и за неотданне ему

бомъ его сына Григорія, похороненнаго въ этой церквѣ, и теперь сохраняется сочиненный сосѣдомъ „эпитафіонъ“ [1]).

Кр. П. 32 д. **А.** 141 д. **Б.** 150 д. **В.** 139 д. **Г.** 100 д. 104 х. (Въ числѣ владѣльческихъ служителей названы: войтъ, комисаръ, тесля (Павло Грамастика), колесникъ, бондарь, лѣсничій, шкляръ и др.) Обозначены: школа, шпиталь („старци з милостини живучіе“—2 м. и 1 ж.) и шинокъ владѣлческій, въ немъ живетъ Павло Короленко“). **Д.** 166 д. 238 х. пс. 3 д. 5 х. **Кз. В.** 59 д. **Г.** 48 д. 50 х. **Д.** 79 д. 131 х.

С. Охоньки, рч. Утка, поселены на старомъ *селищѣ*, въ к. XVII в., Сребр. сотникомъ Трофимомъ Васильевымъ (Троциною), какъ говоритъ объ этомъ сынъ его Антонъ въ своемъ завѣщаніи, при перечисленіи своихъ маетностей: „Охонки, которія я еще служачи вел. государ. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, просилъ ея величества (sic) позволити покойному отцу моему Прокопию (sic) Васильевичу, сотникомъ Сребранскимъ будучому, *впустѣ лежачое селище* Охонки осадити людми и владѣти ими, на якое село отецъ мой и грамоту монаршую получилъ“ [2])... О дальнѣйшей судьбѣ Охонекъ сказано выше (с. 325—330). **Кр. А.** 113 д. **Б.** 63 д. **В.** 70 д. **Г.** 44 д. 47 х. **Д.** 80 д. 100 х. **Кз. В.** *нѣтъ*. **Г.** *нѣтъ*. **Д.** 1 д. 3 х.

---

20 тал. грошей, по которой суплѣйцѣ писалъ е. мил. п. полковникъ Чернѣговскій до мене, о учинене между ними справедливости. А кгды за прибутьемъ Пятака предъ мене, вичитавъ ему тотъ листъ, теды оній не хотячи входити въ турбацѣю, отдалъ Михайлу, на урадѣ нашомъ, грошей талярей двадцять и за побите зъ нимъ погодившися, дали на томъ между собою слово, же южъ въ предніе часи неповинны еденъ другого турбовати, подъ виною вишше описанною тое обваровали. Якую ихъ згоду велѣлемъ про далшую память записати. Року и дня вижей положенного. Михайло Григориевичъ, обозний полковий Прилуцкий». *(Съ подлинника)*.

[1]) К. Стар., 1883 г., ноябрь, 462.

[2]) Ср. Генер. слѣдствіе о маетн. Прилуцк. полка, откуда видно, что Охоньки Троцина выпросилъ «въ первыхъ годахъ» гетманства Мазепы. Въ ревизіи 1740 г. сказано, что грамота на О—ки Тр—нѣ дана въ 1696 г.

С. **Дейманова**, р. Лисогоръ, извѣстна съ пол. XVII в. По универсалу 1665 г., Брюховецкій отдалъ Густынск. м—рю войсковыя „мѣрочки“ съ здѣшней водяной мельницы: „З побожности всего Войска Запор., млинъ въ с. Д—цѣ, на рецѣ Лисогорцѣ, з двома колами мучними, а третимъ коломъ ступнимъ, прозываемыхъ мелниковъ Хвеска а другого мелника Костѣ, коло конецъ греблѣ обывателей с. Д—ки, въ одной клѣтце будучихъ и виставленныхъ ихъ коштомъ, велебн. о. Авксентію из братиею...надалемъ, абы з того млина припадаючихъ двохъ мѣрочекъ на Войско, опрочъ мелниковъ трете, спокойне собѣ одбирали и заживали“. А по универсалу 1670 г., Многогрѣшный отдалъ м—рю и все село: „монастиреви Густ—му, на сустаментъ, с. Д—ку конферовалисмо, абы теды вшелякое належитое в того села помененного послушенство отдавали“... Получивъ Д—ку, монахи сейчасъ же начали, всякими средствави, подчинять себя и Д—скихъ козаковъ. Мѣстный полковникъ мирволилъ въ этомъ отношеніи м—рю, какъ это видно изъ „листа“ Лаз. Горленка, 1680-го года; сказавъ объ универсалѣ 1670 г., полковникъ пишетъ: „еднакъ мы запобѣгаючи того, же нашого сколко у томъ селѣ знайдуется товариства козаковъ, Войску служачихъ, и абы онымъ якал не дѣялася кривда, из отцемъ игуменоаъ розговорили, а *которые з доброй волъ своей за Третякова полковництва откинувшися з реестра нашего, сами доброволне м—реви оповидалися служити, тихъ теды мы южъ оставивши отъ своего послушенства и из реестру витерши, под монастирское начало подали*, що южъ теперъ жаденъ таковый болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуетъ послушанія“ [1])... **Кр. П.** 21 д. **А.** 63 д. **В.** 44 д. **В.** 51 д. **Г.** 33 д. 34 х. **Д.** 55 д. 70 х. **Кз. В.** 22 д. **Г.** 17 д. 17 х. **Д.** 23 д. 32 х.

Въ Д—кѣ находился „*Деймановскій скитокъ*“, хотя и принадлежавшій къ Густынскому м—рю, но имѣвшій особаго своего „намѣстника“. При этомъ скиткѣ существовали двѣ довольно значительныя ярмарки (въ *десятую пятницу* и 2-го іюля).

[1]) Всѣ три документа, въ подлинникахъ, въ Кіевск. центр. арх., въ бум. Густынск. м—ря.

С. Харитоновка, рч. Галка, извѣстна съ пол. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (Генер. слѣдств.) [1]) до 1730 г., когда отдана была на рангъ ген. обозн. Лизогубу. Въ к. XVIII в. Х. принадлежала Андрею Милорадовичу, но какъ она ему досталась—намъ неизвѣстно. Кр. 36 д. А. 75 д. В. 58 д. В. 104 д. пс. 1 х. Г. 56 д. 68 х. („школа, въ ней живетъ дякъ“, „шинкъ владѣльч., въ немъ живетъ жидъ“, „шинкъ тожъ владѣлч., въ немъ живетъ Самойло Мартиненко“. „Шпиталя“ нѣтъ, но есть три „старца, з милостини живучіе“). Д. 48 д. 98 х. (влад. майора Андр. Милорадовича) пс. 3 д. 10 х. Кз. В. 29 д. Г. 29 д. 33 х. Д. 41 д. 71 х. Разительная убыль—за время съ 1729 г. по 1740 г.—объясняется тѣмъ, что съ 1729 г. по 1745 г., „сошло и померло“—49 двор., какъ замѣчено при повѣркѣ крестьянскаго населенія агентами „коммиссіи экономіи“, въ 1745 г.

С. Карпиловка, рч. Галка, основана ок. 1710 г., на старомъ *селищѣ*, какъ разсказываетъ Антонъ Троцина, въ своемъ завѣщаніи; сказавъ какъ возникли Охоньки (с. 351), Тр. говоритъ: „а Карпиловку, то жъ *пустое селище*, въ покойного Іоана Носа, плк—ка Прлцк., осадить позволенія упросилъ, на що и унѣверсалъ его полковничій у мене имѣется; а когда вже люде стали въ томъ селѣ збиратися, то уже потомъ и пок. гетм. Ив. Скр—ій тое село К., за мои службы и многіе походи, унѣверсаломъ мнѣ во владѣніе, зо всѣми землями, ствердилъ; а потомъ пок. гетм. Д. П. Ап—ль, смотря на мои вѣрние и многолѣтние войсковие служби, тое же с. К. своимъ унѣверсаломъ мнѣ зволилъ подтвердити; якое, *же тѣмъ людемъ не било отъ мене тяжести*, доволними людми било и осѣло“, но сынъ его Николай, добавляетъ завѣщатель, „чрезъ немилостивие свои побои—людей разогналъ“... Послѣ смерти Ант. Тр., К. перешла къ его наслѣдникамъ.

---

[1]) Находимъ не лишнимъ замѣтить вообще, что обозначенія:—«подъ вѣдѣніемъ сотни» и «ратушныя» —тождественны.

Кр А. 80 д. **В.** 46 д. **В.** 80 д. **Г.** 77 д. 80 х. **Д.** 125 д. 180 х. **Кз.** нѣтъ.

С. Слободка Новицкаго, рч. Березовица (Пащ.), „на собственныхъ Новицкаго грунтахъ осаженная", какъ замѣчено въ ревизск. книгѣ 1740 г. Поселеніе Слб—ки должно быть отнесено къ нач. XVIII в. **Кр. А.** *не показана.* **В.** 40 д. **В.** 56 д. **Г.** 26 д. 28 х. **Д.** 58 д. 86 х. 5 бд. х. (влад. б. тов. Григорія Новицкаго). **Кз.** *нѣтъ.* Црк. Покрова Богородицы. Свщ. Григорій Андреевскій.

Варвинская сотня была расположена отъ Удая на востокъ, причемъ нѣсколько ея селъ находилось на этой рѣкѣ и ея притокѣ Лисогорѣ, а остальныя—возникли въ ярахъ, при незначительныхъ ручьяхъ, изъ чего видно, что эти поселенія явились позже другихъ, когда берега рѣкъ и рѣчекъ здѣсь были уже заняты. Варвинская сотня ок. 1760 г. была раздѣлена на двѣ, причемъ въ *первую Варвинскую* сотню попали села: Иваковцы, Озеряны, Дегтяри, Брагинцы, Леляки, Гнѣдинцы, Остановка, Богданы и Свѣтличное, а во *вторую Варвинскую*: Васьковцы, Гурбинцы, Олексинцы, Грицовка, Харитоновка, Никоновка, Деймановка, Оробьи, Савинцы и Игнатовка. Отсюда видно, что при образованіи двухъ В—хъ сотенъ, къ нимъ присоединена была и часть Сребрянской.

Варвинскіе сотники. Михаилъ Раковичъ, 1672. **Иванъ Андреевъ**, 1672. **Ярема Моренецъ**, ок. 1680. **Федоръ Ивановичъ Ляшко-Тарновскій**, 1689—1693. **Петръ (Григорій?) Патока**, 1710. **Михаилъ Федоровичъ Тарновскій**, 1714—1729. **Матвѣй Андреевичъ Себастіановичъ**, 1731—1735. **Дмитрій Конисскій**, 1736—1753. **Андрей Варановскій**, 1757—1763. Послѣ раздѣленія Варвинской сотни на двѣ, въ *первой* сотнѣ сотникомъ былъ **Осипъ Жила**, 1763—1781, а во *второй* сотнѣ: **Иванъ Даниловичъ Тарновскій**, ок. 1763. **Фаддей Николаевичъ Троцина**, 1772, и **Яковъ Магеровскій**, 1773—1781 г.

Тарновскіе желаютъ вести свой родъ отъ извѣстнаго вел. гетмана Литовскаго Яна Тарновскаго, но *никакихъ данныхъ для этого нѣтъ.* Вѣрнѣе, что Т—скіе были такими же правобережными выходцами, какъ и множество другихъ, причемъ на

правобережное ихъ происхожденіе можетъ указывать и прозваніе *Ляшковъ*, которое носили первые изъ извѣстныхъ намъ Тарновскихъ. Въ „листѣ“ Прлцк. плк—ка Лаз. Горленка читаемъ: „респектуючи на разныя заслуги п. *Ивана Ляшка*, тов. наш. войск., теды въ награду оныхъ позволилисмо ему изъ уряду нашего владѣти сѣножатью панскою (т. е. оставшеюся послѣ поляковъ) окопаною, прозываемою Жидовскою, подъ с. Гнѣдинцами“. Упоминаемый здѣсь Иванъ былъ отцомъ Василія и Федора, которые тоже прозывались *Ляшками*, какъ видно изъ слѣд. постановленія Прлцк. полк. суда 1700 г.—„Передъ нами, Дм. Горл., плк. Прлцк., Григ. Чернявск., обознымъ, и проч. ставши очевисто панѣ Татіана Дмитріевая, сотничка Батуринская, съ п. Федоровою Ляшковою, обыватлк. Варвинскою, ятровкою своею (первого мужа своего небожчика Василія Ляшка, братовою), чинила оповѣдь, ижъ мѣючи дорослого сынка свого Степана, съ небожчик. Вас. Ляшкомъ спложенного, мѣла росправу предъ судомъ войск. енер. въ Батуринѣ, зъ п. Федоровою Ляшковою, ятровкою своею, доходячи (отыскивая) у нея на предреченного сына своего добръ отцовскихъ: такъ полов. каменя мучного въ млинѣ на р. Удаѣ, на греблѣ мѣской Варвинской стоячомъ, спадаючого, чрезъ самую себе, вже по смерти мужа Радьковѣ Оробіовскому, полчанину нашему, за 40 талярей заставленного (заложенного), а небожчикомъ Федоромъ Ляшкомъ, дѣверомъ еи, а дядкомъ Степановымъ, одплаченного... Гдѣ судъ енер. повагою своею судовою, взглядомъ сына дорослого п. сотниковой, спложеннымъ зъ небожч. В. Лшк., позволивши одплатити оные добра отцевскіе, наказалъ (постановилъ), абы п. Федоровая Лшк—ая 40 тал., данныхъ Радьковѣ небожчик. Федоромъ, мужемъ еи, отъ неи сотниковой принявши, уступила половину каменя сыновѣ еи въ млинѣ своемъ, будучого на него отцевѣ дѣдизнымъ правомъ спадаючого... За прибутемъ теди зъ Прилуки, обѣдвѣ сторони, п. Дмитріева, сотн. Бат., и п. Федоровая Лшк., по такому судовому наказанію, вѣчную и святобливую приняли себѣ згоду“... Изъ этого акта видно, что у Ивана Ляшка было два сына Василій и Федоръ. О первомъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери Прилуцк. мѣщ. Леонтія Бугаенка и умеръ молодымъ, оставивъ

ринск. Дм. Нестеренка. Младшій братъ Василія, Федоръ получилъ Варвинское сотничество при Дм. Горленкѣ, и съ этого времени сталъ писаться Тарновскимъ, какъ видно изъ слѣд. универс. Мазепы, 1691 г.—„п. *Федоръ Тарновскій,* сотникъ Варв—ій, мѣючи свой отчистый млинъ на р. Удаю, просилъ насъ на тотъ млинъ потверждателного нашего унѣверсалу, за которымъ бы могълъ всѣ приходячіе пожитки (яко то и часть войсковую) спокойне заживати. Теды мы ласкою нашею оного окриваючи, ствержаемъ тотъ млинъ его отчистій, и позволяемъ съ того млина его всѣ розмѣровіе пожитки отбирати"... Однакожъ новое прозвище Федоръ не сразу усвоилъ п., ч. вдова его, какъ выше видно, продолжала называться „Ляшковою".—У Федора Т. былъ одинъ сынъ *Михаилъ*, которому Носъ, ставъ полковникомъ, отдалъ въ 1709 г. с. Гнѣдинцы, гдѣ Т—скіе, повидимому, впервые поселились, выйдя изъ-за Днѣпра. Въ 1714 г. Михаилъ Т. назначенъ Варвинскимъ сотникомъ, причемъ Скоропадскій подтвердилъ ему Гнѣдинцы. По смерти Михайла Т., имѣнія его были утверждены въ 1731 г., Апостоломъ за его вдовою Софьей Даниловной, вѣроятно по несовершеннолѣтію сыновей ея, Данила и Андрея. Послѣдній должно быть скоро умеръ т.-к. о немъ никакихъ извѣстій но осталось, а Данило—не занималъ никакого особаго уряда, а только состоялъ въ ряду бунч. товарищей. Умеръ онъ рано, оставивъ двухъ сыновей Петра (р. 1736) и Ивана (р. 1738) и дочь Марью, бывшую замужемъ за б. тов. Петромъ Войцеховичемъ. Оба эти сына служили сотниками: Петръ—Журавскимъ, а Иванъ—Второварвинскимъ. Иванъ Т. отличился въ турецкой войнѣ и за это былъ назначенъ Гадяцкимъ полковникомъ, послѣ Крыжановскаго. У этого Ивана Т. было три сына: Иванъ (р. 1765), Михаилъ и Петръ (а. 1776). Первые два изъ нихъ уже въ 1776 г., т. е. въ дѣтскомъ еще возрастѣ, имѣли чины капитановъ „польскихъ королевскихъ войскъ". Чины эти разумѣется были куплены и куплены съ цѣлію обезпечить себѣ будущее русское дворянство [1])... Тарновскіе не разжились на урядахъ; у нихъ было въ

[1]) Этотъ способъ «побилитаціи» у малороссійской старшины—сталъ практиковаться во втор. пол. XVIII в. въ предвѣдѣніи «дворянства»... См. Кіевск. Стар., 1895 г., май, 241.

Гнѣдинцахъ по нѣсколько десятковъ „хатъ“ да въ Варвѣ хатъ по четыре, по пять. Варвинскіе „подданные“ составляли конечно „скуплю“, но, какъ видимъ, оч. незначительную.

Себастіановичъ Матвѣй былъ однимъ изъ сыновей Андрея С. (с. 64), по смерти котораго старшій сынъ Иванъ былъ уже бунч. тов., а младшіе, Матвѣй и Василій, были еще «недорослыми». Пользуясь такимъ положеніемъ семьи, старшій братъ захватилъ главную отцовскую маетность Грицовку въ свое исключительное владѣніе, причемъ суровымъ своимъ обращеніемъ съ тамошними «подданными» возбудилъ послѣднихъ къ «бунтамъ» (с. 341). На захватъ Гр—ки мать пожаловалась въ Глуховъ, гдѣ въ это время средній сынъ Матвѣй былъ уже канцеляристомъ въ генер. к—ріи; поэтому онъ могъ помогать матери, какъ писаніемъ жалобъ, такъ и личными ходатайствами у Глуховскихъ властей. Высланные изъ Глухова чиновники, провѣривъ жалобы вдовы и присоединившихся къ ней младшихъ сыновей, удостовѣрили правильность этихъ жалобъ, вслѣдствіе чего Иванъ С. долженъ былъ дать (въ окт. 1728 г.) слѣд. подписку: «ассекуруюсь въ томъ, же що я противъ матки своей и братовъ обидливого прежними часи показавъ, въ томъ милости и помилованія одъ оной матки, яко синъ, просить повиненъ есмъ, и що заборовъ надъ волю родителки моей на мнѣ, зъ добръ нашихъ отческихъ, является, тое въ волю и разсмотрвніе панеи родителки моей полагаю, и якъ матка наша въ добрахъ нашихъ распорадитъ насъ и роздѣлитъ, при людяхъ достойныхъ, то тою часткою въ добрахъ, одъ матки моей удѣленною, долженъ доволствоватися»... Но черезъ полгода послѣ этого, мать снова жаловалась гетману, что сынъ ея Иванъ, «зъ многихъ лѣтъ своихъ зоставши непокоривимъ, исполненія по писму своему не чинитъ, но еще повернувшись зъ Глухова, другимъ селцемъ прадѣдизнымъ, Игнатовкою, завладѣлъ и нынѣ владѣетъ, да къ тому въ слободцѣ Брагинцяхъ, по смерти мужа моего другимъ разомъ купленной (см. ниже *с. Брагинцы*), килканадцять человѣка и болшую часть грунту того купленного Брагинского—до хутора Мормизовского, самовластне собою завладѣнного, принялъ во владѣніе, а за хуторъ Мормизовскій, зъ прилеглими до него грунтами, часть половинную денегъ, зъ ре-

чонымъ сыномъ моимъ, я положила»... Младшіе братья поддерживали эти жалобы, особенно когда Матвѣй былъ назначенъ изъ генер. к—ріи сотникомъ въ Варву. Но Иванъ не уступалъ и—семейная распря продолжалась безъ конца. Еще и въ 1734 г. Матвѣй и Василій С—чи жаловались Шаховскому, что братъ ихъ Иванъ—Брагинскія земли присоединяетъ до хутора своего Мармизовскаго, а между тѣмъ, какъ изъ Брагинскихъ земель ему слѣдуетъ только четвертая часть, почему младшіе братья просили Шаховскаго приказать—раздѣлить Брагинцы между ними на четыре части, при чемъ четвертая часть назначалась матери, „для препитанія до смерти“... Для довершенія путаницы въ семейной распрѣ С—чей, въ это время мать перешла на сторону старшаго сына и уже стала жаловаться, что младшіе ея сыновья, Матвѣй и Василій, завладѣвъ почти всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, обижаютъ какъ ее, мать, такъ и старшаго своего брата Ивана... Глуховскія власти поручили, въ маѣ 1735 г., полк. судьѣ Ягельницкому „съ товарищи“,—раздѣлить „дѣдизные и прадѣдизные грунта С—чей, между ними на четыре части“, при чемъ четвертая часть должна была быть отдѣлена для матери. Что было сдѣлано по этому распоряженію—не знаемъ, но въ 1736 г. вдова Василія С—ча (Агафья „Горленковна“) жаловалась въ Глуховъ, что Иванъ С. отнялъ у нея завѣщанную ей мужемъ часть Брагинцовъ, изъ чего можно заключить, что раздѣлъ былъ произведенъ. Вслѣдъ за Василіемъ, умеръ и Матвѣй С—чъ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями Иваномъ и Матвѣемъ. Вдова Матвѣя Андр—ча вышла потомъ вторично замужъ, за «грузина» Орбеліана, отъ котораго имѣла сына Владиміра (р. 1748). Послѣ смерти Матвѣя С., имѣнія братьевъ С—чей показываются въ ревизіяхъ за Иваномъ и вдовою Матвѣя, а потомъ—за сыновьями послѣдняго; но мать послѣднихъ часть этого имѣнія успѣла передать сыну своему отъ втораго брака (см. ниже *сл. Мармизовка*).

Барановскій Андрей былъ отрѣшенъ отъ Бахмацкаго сотничества за пьянство и насилія (Оп. Ст. Млрс., II, 172), но это не помѣшало ему получить Варвинское сотничество, куда онъ былъ назначенъ въ 1757 г. Характеръ его дѣятельности и здѣсь не измѣнился, какъ видно изъ слѣд. любопытнаго при-

мѣра. Вдова шинкаря прежняго Варвинскаго сотника Конисскаго—жаловалась, лѣтомъ 1758 г., въ полк. к—рію, что ея мужъ Никита Кравченко, по подозрѣнію въ пріобрѣтеніи завѣдомокраденыхъ вещей, былъ арестованъ, но затѣмъ взятъ на поруки вдовою сотника Конисскаго, до рѣшенія дѣла; а какъ пріѣхалъ новый сотникъ Барановскій, то немедленно приказалъ снова арестовать Кравченка, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, у котораго Кр—ко покупалъ краденыя вещи. А потомъ Б. приказалъ обоихъ ихъ «распрашивать въ сотенномъ правленіи, не отправляя, какъ должно, въ полковой судъ». Засимъ жалобщица продолжаетъ: «и по приказу сотника Б., два асаульца привязали мужа моего къ драбинѣ, обнаженного, при чемъ находились: самъ сотникъ, есаулъ сотенный Нагнуйный, писецъ Ив. Рубанъ и еще два козака—стойчика; и стали бить два асаульца мужа моего по голому тѣлу, въ двѣ плети, безъ всякаго пощадѣнія... Били такъ безчеловѣчно и съ такимъ сотника немилосердіемъ, что онъ асаульчиковъ къ тому принуждалъ угрозами, потому что послѣдніе, видя безъ мѣри текущую кровь и тѣло весьма израненное, устрашились было продолжать истязаніе... И просилъ мой мужъ, при томъ немилосердномъ бою, помиловать его хотя малымъ облегченіемъ и позволить ему поисповѣдываться у священника... Но и того онъ, сотникъ, не приказалъ учинить. И уже, егда подъ тѣмъ боемъ мужъ мой омертвѣлъ и при кончинѣ найдовался, то въ ту пору сотникъ приказалъ перестать его бить; и тогда только его отвязали, но сняли съ драбины почти уже мертваго. Послѣ этого отвели его въ холодную хату, чтобы онъ претерпѣлъ еще большее страданіе. И хотѣла я пойти тогда къ мужу, но караулніи, за приказъ сотника, меня не допустили. И тако мой мужъ съ того безмѣрного бою, съ приказу и мщенія его сотника учиненного, будучи вовся зраненъ, такъ что и черви въ ранахъ были и весма билъ тѣломъ опухлой, пятого дни безъ исповѣди и умре, надъ которимъ и обдукціи («осмотра») должной никимъ не учинено, по единой той страсти, что онъ, сотникъ, въ томъ убійствѣ причиною»... Къ этому жена замученнаго добавляла, что Б. вымещалъ на ея мужѣ свою ссору съ сотничкою Конисскою, у которой Кравченко былъ шинкаремъ.—По этой жалобѣ Б. пред-

ставилъ полк. суду любопытное объясненіе. Не отвергая послѣдствій причиненнаго имъ Кравченку истязанія, Б. отвѣчалъ: 1) что «онъ не своеволенствомъ тѣхъ воровъ, Кравченка и его товарища, въ сотенной Варвинской к—ріи допрашивалъ, но по учиненному отъ сотенной старшины, атамана Безчѣпчого и хоружого Кваса, опредѣленію (якое онъ, сотникъ, своимъ опредѣленіемъ только дополнилъ); 2) что не отправлены же тѣ воры въ судъ полковой затѣмъ, что, какъ объяснено выше, сотенная старшина опредѣленіе учинила—допросить ихъ на мѣстѣ, причемъ онъ, сотникъ, не знаетъ такого ордера, чтобы въ сотенномъ правленіи нельзя было воровъ допрашивать, и 3) что же касается того, что при допросѣ—Кравченка привязывали къ драбинѣ, то онъ, сотникъ, вины въ томъ не ощущаетъ потому, что онъ предварительно освѣдомлялся у асаула сотенного и у асаульцовъ—какъ у нихъ напредъ того дѣлалось, и ему объявили, что всегда чинятъ де было допросы на драбинахъ, чему и онъ, Б., не прекословилъ»... Затѣмъ относительно истязаній, Б. говоритъ, что въ жалобѣ вдовы много неправды, такъ какъ Кравченко «самъ совершенно съ драбины злѣзъ и—надѣлъ рубашку; а посля, къ вечору уже, приходилъ стойческій атаманъ, докладая, что воръ Никита проситъ де, чтобъ онъ сискалъ ему попа, но онъ де не пошолъ затѣмъ, что онъ, Никита, передъ тѣмъ пилъ горѣлку, почему и отказалъ... А онъ воръ, упросясь (изъ холодной) въ другую хату, парился на печкѣ, и отъ горячести черви его напали, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ плетми шкура была збита. Егда же воровка Гапка (жена Кравченка), а паче панѣ сотникова Коniская—начали просить объ отпускѣ его, вора, въ господу, къ лучшему его присмотру, то я его и отдалъ на паліоръ (пароль?) панѣ сотниковой; и тамъ жена его, воровка Гапка, егда его вора Никиту вложила въ горячой купель (въ ванну), то онъ, шинкарь, въ томъ купелѣ умлѣвши, окончалъ жизнь свою»... Далѣе Б. говоритъ, что по этимъ причинамъ онъ не признаетъ за собою никакой вины, и заключаетъ свое объясненіе просьбою: «вышеписанную мою невинность милостиво разсмотрѣвъ, мене отъ волокити и народного убійствомъ поношенія—освободить. Объ истици же воровкѣ Гапкѣ—чтобъ оная задержана была подъ секвестромъ—учинить опредѣленіе, ибо

мнѣ съ оною, доидеже она себе не виправитъ отъ воровства, стать къ суду зазрително и не приходится». Въ этомъ объясненіи сотника важнѣе всего вопросъ—имѣлъ ли онъ право производить допросъ обвиняемаго въ сотенномъ правленіи или же—это право принадлежало только полк. суду?—Практика судебная, насколько извѣстно, указывала, что «распросъ» обвиняемыхъ—равнявшійся пыткѣ—производился тѣмъ судомъ, который рѣшалъ дѣло, а слѣд. сотникъ не имѣлъ права пытать подсудимаго. Но произволу урядниковъ въ старой Малороссіи было такое широкое поле, что сотники, подобные Б—му, на практикѣ могли замучивать людей почти безнаказанно, особенно если имѣли какую нибудь поддержку выше. Мы уже видѣли, что Б. замучивалъ людей до смерти, будучи передъ тѣмъ сотникомъ въ Бахмачѣ, причемъ былъ отрѣшенъ отъ сотничества однакоже не за это, а главнымъ образомъ—за пьянство, и что это отрѣшеніе не помѣшало Б—му черезъ пять лѣтъ снова получить другую сотню въ управленіе... Случай съ Кравченкомъ тоже не имѣлъ особыхъ для Б. послѣдствій, такъ такъ онъ и послѣ этого оставался сотникомъ въ Варвѣ еще пять лѣтъ...

Села Варвинской сотни.

М. Варва, слiяніе Удая и Варвицы, въ тарифахъ 1628 г. названа „новооселымъ“ поселеніемъ, въ которомъ тогда было „дымовъ“—10 и „огородниковъ“—20,[1]) а при спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ“ (въ 1638 г.), было выяснено, что Варва, Журавка и друг. сосѣдніе „городки“ были „поставлены“ польскими и литовскими людьми до „перемирныхъ лѣтъ“, т. е. до 1618 г.[2]). Изъ этихъ фактовъ видно, что В. поселена въ нач. XVII в. Мѣсто для поселенія было выбрано удобное п., ч. по документу Пшездѣцкаго въ В. значится 2037 господар., т. е. немногимъ меньше, чѣмъ было въ главномъ

---

[1]) Zródła Dziejowe, XX, 86. Въ 1624 г. Проскура спорилъ съ Іерем. Вишневецкимъ за своихъ кр—нъ, бѣжавшихъ изъ его села Мохнача (Сквирск. у.) въ Варву. Т. ж., XXI, 336.

[2]) Дворц. Разряды, II, 883 Переписка между Россіею и Польшею, Б. Каменск., изд. Моск. О. Ист. и Др., III, 303.

городѣ Вишневеччины, Лубнахъ (2646 госп.). По этому же документу, тамъ же значится болѣе 20-ти водян. мельницъ, удобство устройства которыхъ здѣсь вѣроятно и привлекло первыхъ насельниковъ Варвы.—По реестрамъ 1649 г.—показано двѣ Варвинскихъ сотни, а по описи 1654 г. (А. Ю. З. Р., X, 294) въ В. означено 978 коз. и „мѣщ.“. По переписн. книг. 1666 г., въ В. показано „мѣщанъ“ 77 двор., причемъ въ числѣ ихъ находилось: сапожниковъ—5, кушнеровъ—2, кузнецовъ—3 мельниковъ—10 дв.

До 1743 г. посполитое населеніе В. оставалось свободнымъ, а въ этомъ году 22 двора отданы были грузинамъ; затѣмъ, въ 1745 г. В—ское поспольство было повѣрено сравнительно съ ревизіей 1729 г., и оказалось, что изъ записанныхъ въ этомъ послѣднемъ году 124-хъ дв. посполитыхъ, въ 1745 г. осталось только 27 дв. [1]) да прибыло новыхъ—18 дв., а за отдачею изъ числа послѣднихъ грузинамъ 6-ти дв., всего въ 1745 г. явилось свободныхъ 39 д., которые и были отданы Разумовскимъ, въ 1762 г., одному изъ своихъ дядей, Федору Демешку.

Кр. П. 77 р. **А.** 165 д. **В.** 79 д. [2]) **В.** 124 д **Г.** 38 д. 38 х. (въ этомъ числѣ ремесленниковъ 14 дв.) и „скупли“ 9 д. 10 х. **Д.** 45 д. 60 х. пс. 45 д. 78 х., „коронныхъ“ 2 д. 7 х. **Кз. В.** 85 д. **Г.** 90 д. 99 х. пс. 29 д. 30 х. **Д.** 144 д. 264 х. пс. 3 д. 5 х.

Отдача В—вы Демешку показываетъ, что эта маетность считалась выгодною. Универсалъ данъ былъ слѣд.: „б. т. Федоръ

---

[1]) Убыль показана слѣд.: скуплено по купчимъ—3 дв., безъ купчихъ—11 дв., неправильно записано—2 дв., вписалось въ козаки—10 дв., «сошло, померло и опустѣло» —48 дв., грузинамъ отдано—16.—(Грузинамъ всего отдано 22 дв., такъ какъ кромѣ 16-ти старыхъ двор., имъ отданы еще 6-ть дв. изъ новоприбылыхъ).

[2]) Эта цифра слагается изъ слѣдующихъ: 1) «Городъ В. з передмѣстемъ»—51 дв.; 2) «волные сотницкіе» (подсосѣдки или «скупля») —5 дв.; 3) «волные поповскіе з протчіими» —13 дв. и 4) «*Слободка Сава* з атаманскими людми» —10 дв. Слободка принадлежала Петру Носенку.

Демяновичъ, поданымъ намъ доношеніемъ, представляя предковъ своихъ, дѣда и отца, и его самого, многіе значала 1712 года... ронячие, войсковые службы, и что де за оніе, хотя и жаловано ему, Д—чу, половину селца, т. е. 18 двориковъ п. Нѣж., въ сотнѣ Прохорской, точію де зъ тихъ 18 двор. не толко, по его характеру, себе содержать, но и службы войсковой отправлять, противъ прочихъ своей братѣ, бунч. товарищей, онъ, Федоръ Д—чъ, не въ состояніи находится, просилъ о награжденіи его... изъ свободныхъ войск. посполит. дворовъ нашего разсмотренія. И мы, респектуя на оніе... войсковіе служби, опредѣляемъ ему б. т. Ф. Д—чу, для лутшого дому его снабдѣнія и себе съ наслѣдниками исправленія къ войсковой службѣ, въ полку Прлцк. мѣст. Варву, въ которомъ, по ревизіи 1751 г., 40 дв. свободныхъ посп. числилось, со всѣми къ нему принадлежащими грунтами и другими посполитскими угодіи, въ вѣчное и потомственное ему и наслѣдникамъ его владѣніе, кромѣ живущихъ въ томъ м. Варвѣ козаковъ и ихъ козачихъ грунтовъ и угодій"... [1]) Въ этомъ универсалѣ неупомянуты кр—скіе дворы, отданные по указу 1743 г., „грузинамъ", но эта отдача универсаломъ Демешку не была отмѣнена: изъ грузинъ въ В. получили крестьянъ Орбеліаны, которые тамъ и позже находились.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи В. даетъ ревизія 1740 г., изъ которой видно, что здѣсь, кромѣ указаннаго количества дворовъ козаковъ и крестьянъ, было еще 39 двор. „свободно жіючихъ", принадлежавшихъ старшинѣ, духовенству и разнаго рода „служителямъ." [2]) Въ В. было двѣ школы (конечно,

---

[1]) Федоръ Демьяновичъ, иначе—*Демешко*, или *Стрешенецъ*, былъ родной братъ матери гетмана; этихъ братьевъ было четыре: Федоръ, Герасимъ, Денисъ и Андрей; первые три—въ 1742 г.—были «награждены» чинами бунчук. товарищей, а Федоръ еще въ 1746 г. получилъ половину с. Мал. Загоровки, о которой и говорится въ приведенномъ универсалѣ Разумовскаго.

[2]) Такіе «свободно жіючіе» находились въ каждомъ селѣ, но число ихъ не всегда показывается точно. Въ числѣ «свободныхъ» въ Варвѣ между прочими показанъ: «бандуриста кн. Никиты Юр. Трубецкого, Ив. Афанасенко». Въ ревизіи м. Варвы 1731 г., въ числѣ «старшины и служителей мужичого званія волныхъ» названы между

по числу двухъ церквей, изъ которыхъ одна называлась „рынковою“; былъ тутъ одинъ „шпиталь“, а въ немъ—11 „старцовъ“. Въ В. было 4 шинка, изъ которыхъ 2 принадлежали сотнику Дм. Конисскому, а 2—зн. тов. Степ. Кисловичу; въ нихъ торговали виномъ мѣстные кр—не.—В. окружена была „фольварками“ и хуторами. Изъ первыхъ названы: 1) б. тов. Данила Тарновскаго, надъ рч. Варвицею; 2) зн. тов. Григорія Васильева; 3) намѣстника Варвинскаго Семиона Галабудскаго; 4) „попа рынкового“ Мойсея Иванова; „попа рынкового“ Григорія Иванова и зн. тов. Степ. Кисловича. Во всѣхъ этихъ „фольваркахъ“ жило большею частью по одному „наемному“. Изъ хуторовъ, значительнѣйшимъ былъ—б. тов. Дан. Тарновскаго, *„на долинѣ Калиновицѣ,“* гдѣ была и мельница, на рч. Варвицѣ; по описи 1780 г. этотъ хуторъ является уже *дер. Калиновицею*, съ 15 дв. и 31 х.

Д. Леляки, Удай, по универсалу 1716 г. отданы, за какое то отличіе, „при шведскомъ наступленіи,“ значк. тов. Матвѣю Кисловичу, послѣ смерти котораго Л. перешли во владѣніе его вдовы и сыновей, Степана, Осипа и Павла. Но по универсалу 1713 г., гетманъ Апостолъ отобралъ у Кисловичей 10 двор. для вдовы Варвинск. сотника Михайла Тарновскаго. [1]) **Кр. А.** 8 д. **В.** 28 д. **В.** 18 д. **Г.** 5 д. 5 х. **Д.** 15 д. 23 х. пс. 2 бд. х. **Кз. В.** 25 д. **Г.** 25 д. 27 д. **Д.** 36 д. 76 х.

С. Дегтяри, Удайскій заливъ, возникли въ пол. XVII в. и принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. Ставъ полковникомъ, Галаганъ облюбовалъ себѣ въ числѣ прочихъ маетностей и Дехтяри, причемъ для присвоенія этого села, сталъ скупать тутъ грунта и садить на нихъ—*какъ будто особую слободу*, которая

прочимъ два «ковшика» (напр., «ковшикъ» Матвій Кракъ). Не были ли это тѣ «служители», на обязанности которыхъ лежалъ сборъ на вод. мельницахъ той части помола, которая «шла на Войско»? (Помолъ отбирался *«ковшемъ»*).

[1]) Дворы эти по ревиз. 1740 за Тарновскими не показаны, но значатся за ними («за вдовою Дан. Тарновскаго») по вѣдом. 1753 г. А между тѣмъ за Кисловичами по ревиз. 1740 г. значится всего *пять* дворовъ. Дворы Тарн—хъ пропущены видимо по ошибкѣ.

уже въ 1729 г. заключала въ себѣ 48 дв.; въ ревизіи этого года кр-ское населеніе Д—ей записано такъ: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ“ и—„*въ томъ же селѣ, слободка* п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ“. Въ дѣйствительности никакой особой „слободки“ тутъ не было, а были скупленные кр—скіе и козачьи дворы съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ“ въ Д. Галаганъ началъ уже съ 1716 г. и скупалъ здѣсь, какъ козачьи, такъ и кр—скіе дворы, безразлично. Для образца „скупли“, приводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писаннемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Д—хъ, п. полковнику Прилуцкому, за гроши, за полчварта золотыхъ ($3^1/_2$ золот.=70 коп.), а тотъ гай, она, Ковалиха, имѣетъ съ того еще времени, какъ были вольные гаи; и дала она мировѣ за той гай—сало и десять кварть горѣлки; и волно обладать его мил. п. плк—ку тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ“. (1733 г.) Другая купчая показываетъ, какъ скупались козачьи дворы: „мы, нижейименование, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаннемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однако жъ теперъ, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козачей отбывать, продали мы его м. п. Игн. Г—ну, плк—ку Прлцк., дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито, а не козацко*, и всякія повинности отбывать, и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. плк—ка Прлцк. выдаемъ“. [1]) При ревизіи 1740 г.—относительно Д—рей—прямо было указано, что здѣшніе посполитые свободные дворы (ихъ было всего четыре) „скуплены“ плк—комъ Галаганомъ въ 1736 г., а „*слободка Дегтяровка*“ и здѣсь показана отдѣльно, но въ вѣд. 1753 г. ни о какой уже „слободѣ“ не упоминается, а значится

---

[1]) Подписано: „Манджуренко, Кирикъ Гриценко, жители Дехтяревскіе“. Обѣ купчія изъ Румянц. описи.

Галагановское село Д—ри. **Кр. П.** 2 д. **А.** 12 д. **В.** 20 д. **В.** 5 д. и въ „слободкѣ“ Г—на, 48 д. **Г.** „скупленныхъ“ Г—номъ 4 д. 4 х. и въ „слободѣ Дехтяровской“—39 д. 39 х. **Д.** 53 д. 73 х. (кол. ас. Галагана). **Кз. В.** 26 д. **Г.** 18 д. 20 х. **Д.** 47 д. 58 х. пс. 2 д. 2 х.

С. Иванковцы, Удай, извѣстны съ пол. XVII в.; принадлежали къ числу ратушныхъ селъ, но затѣмъ кр—не были скуплены Галаганомъ, какъ это видно изъ слѣд. замѣтки агентовъ комиссіи экономіи (1745 г.) „оное село по перечневой вѣдомости показано въ свободныхъ, а по свидѣтельству явилось во владѣніи Прлцк. плк—ка Галагана, а почему—крѣпостей и отвѣту не прислано“.

Кр. П. 18 д. **А.** 28 д. **В.** 7 д. **В.** 13 д. („до ратуши належныхъ“). **Г.** 2 д. 2 х.[1]) „скупли“ 1 д. 1 х. **Д.** 21 д. 25 х. **Кз. В.** 58 д. **Г.** 51 д. 53 х. пс. Галагана 7 д. 7 х. **Д.** 80 д. 148 х.

С. Гурбинцы, Лисогоръ, извѣстны съ пол. XVII в.; Самойловичемъ отданы, въ 1674 г., тогдашнему полк. обозн. Вас. Себастіановичу (с. 57), отъ котораго перешли къ его наслѣдникамъ; сначала Г. владѣлъ сынъ Василія—Григорій, а потомъ сынъ Григорія—Иванъ, своеручно подписавшій вѣд. о Г—цахъ въ 1731 г. У сыновей Андрея—въ Г. были только подсосѣдки. Во втор. пол. XVIII в. главнымъ владѣльцемъ Г. является кол. ас. Богданъ Брежинскій, женатый на Евдокіи Ивановнѣ Себастіановичъ; повидимому, это была дочь Ивана Григорьевича. **Кр. П.** 10 д. **А.** 96 д. **В.** 56 д. **В.**? 2 пс. 2 д. **Г.** 20 д. 20 х. (за 1737—740 г. г.

---

[1]) Въ цифрахъ нѣтъ ошибки, а между тѣмъ и по ревиз. 1731 г. значится кр—нъ 14 двор. Развѣ—разошлись было, не желая подчиняться Галагану...

[2]) Въ спискѣ „козачого званія служителей, свободно жіючихъ,“ приложенномъ къ ревизіи 1740 г., показаны между прочимъ, вслѣдъ за компанейцами (квартировавшими по селахъ) „отставные сербы,“ числомъ 6; такіе же сербы показываются и въ другихъ селахъ Прлцк. полка, иногда съ добавленіемъ—«изъ гусаровъ». Это были сербы, изъ числа вызванныхъ въ Россію при Аннѣ Іоанновнѣ. См. Вѣстн. Евр. 1870 г., іюнь, статья Нила Попова, 603.

„сошло"—23 хоз.) пс. 8 д. 8 х. **Д.** 97 д. 131 х; изъ нихъ 89 д. 118 х.—Брежинскаго, а 8 д. 13 х.—Мойсея (Матвѣя Матвѣевича?) Себастіановича. **Кз. В.** 28 д. **Г.** 24 д. 25 х. и „скупленныхъ" Ив. Андр. С—чемъ до 1740 г.—5 д. 8 х.[1]) **Д.** 37 д. 73 х.[2])

Д. Игнатовка, Лисогоръ, отдана Самойловичемъ, вмѣстѣ съ Гурбинцами, Вас. С—чу, отъ котораго перешла къ сыну его Андрею, а потомъ къ дѣтямъ послѣдняго, долго между собою спорившѝмъ за отцовское наслѣдство (с. 357). **Кр. П.** 3 д. **А.** 29 д. **В.** 21 д. **В.** 19 д. (б. т. Ив. Андр. С—ча). **Г.** 7 д. 7 х. (его же); въ 1739 г. „сошло" 6 д. **Д.** 12 д. 13 х.; изъ нихъ 6 д.—б. т. Лысенка[3]) и 6 д. „полк. судьи" Мойсея (Матвѣя?) С—ча. **Кз. В.** 16 д. **Г.** 12 д. 13 х. **Д.** 22 д. 38 х.

С. Оробьевка (**Воробьи**), „ключъ Довжикъ Грузскій" (1740 г.)[4]), извѣстна съ полов. XVII в.; до 1732 г. „прислушала" Варв. ратушѣ, а въ этомъ году отдана на рангъ ген.

---

[1]) Объ этой «скуплѣ» въ ревиз. 1740 г. находятся такія отмѣтки: 1) «Никита, Остапъ и Федоръ Омелченки, на едномъ дворѣ, порознь хатами живутъ, козаки зъ дѣда и отца, были въ походахъ, а сего 1740 г. продавши дворъ къ хатами, живутъ подъ б. т. Ив. С—чемъ». 2) «Ив. Подгорній з дѣда и отца козакъ и былъ въ походахъ..., а въ 1739 г. продавши дворъ съ хатами б. т. Ив. С—чу, сталъ *за нимъ* жить и нынѣ живетъ» и т. д.

[2]) Въ Полтавск. губ. есть и друг. село Гурбинцы—на р. Удаѣ.

[3]) Повидимому, это былъ зять Ив. Андр. С—ча. Въ «Спискахъ Черниг. двор.» 1783 г. (Черниговъ, 1890) означена вдова б. т. Осипа Лысенка, Марфа (стр. 167), за которою въ числѣ ея „родовитыхъ" имѣній показаны с.с. Грицовка (600 д. м. и ж.) и Игнатовка (33 д. м. и ж.). Отсюда можно заключить, что имѣнія Ив. Андр. С—го унаслѣдованы его дочерью Марфою, бывшей замужемъ за б. т. Осип. Федор. Лысенкомъ (с. 261).

[4]) У Пащенка—*«рѣчка Точеная»*. Повидимому, это послѣднее названіе присвоено рѣчкѣ по прозвищу мѣстныхъ жителей *Точеныхъ*, которымъ въ 1780 г. принадлежалъ сосѣдній съ Воробьями—*«Хуторъ Точеный»*. Прозвище *Точеныхъ* въ Воробьевкѣ—значится и по переписн. книгамъ 1666 г.

судьѣ Лысенку, всего съ 3-мя крест. двор. Во втор. полов. XVIII в. часть кр—нъ была скуплена, а остальные, повидимому, были записаны на гетмана. Кр. П. 10 д. А 5 д. В. 6 д. В. 7 д. пс. 1 д. Г. 3 д. 3 х. Д. 8 д. 14 х. (гр. А. Разумовск.—2 д. 4 х., кол. ас. Брежинскаго—3 д. 4 х., „плк—цы" Тарновской—1 д. 1 х.; „сотнички" Конисской—1 д. 3 х., кол. ас. Галагана—1 д. 2 х.) пс. 2 д. 4 х. („поповскихъ"). Кв. В. 44 д. Г. 51 д. 56 х. Д. 55 д. 140 х.

С. **Савинцы**, „въ ярахъ и на скосогорахъ, по об. стор. рч. „Руды" (Пащ.), извѣстны съ пол. XVII в.; сначала кр—не были «ратушными», при чемъ „по силѣ присланной въ 1733 г. изъ коллегіи ностранной грамоты", они б. опредѣлены „для возки къ Батуринской маетности овцамъ сѣна". По ревиз. 1740 г. С. значатся „описнымъ на ея величество", что не помѣшало „скуплѣ" здѣшнихъ кр—нъ во втор. пол. XVIII в. Кр. П. 21 д. А. 59 д. В. 17 д. В. 30 д. пс. 1 д. Г. 14 д. 14 х. („описныхъ на ея величество") пс. 3 д. 3 х. Д. 22 д. 35 х. пс. 8 д. 12 х. (гр. К. Разум.—5 д. 11 х., плк—цы Тарновской—8 д. 14 х., сотника Магеровскаго—4 д. 6 х. и друг. 4 д. 5 х. подсосѣдки—„поповскіе и разночинческіе"). Кв. В. 41 д. Г. 58 д. 67 х. Д. 95 д. 162 х.

С. **Врагинцы** (**Врагинецъ**), „на раздольи и въ ярахъ, чрезъ оное село протекаетъ неболш. рч. Козинка" (Пащ.), возникли на старомъ „селищѣ", которое три брата Брагинца, Игнатъ, Максимъ и Илья, купили у Іер. Вишневецкаго, за 7 тыс. („золотыхъ?") Когда, послѣ изгнанія поляковъ, купленныя Брагинцами земли позахватывали сосѣди, то дѣти покупщиковъ обратились—съ жалобою на захватъ—въ генер. судъ, который рѣшеніемъ 1671 г., отцовское „селище"—возвратилъ имъ. Но земли, повидимому, было много, почему оно подверглось новымъ захватамъ со стороны сосѣднихъ жителей с. с. Озерянъ, Воробьевъ и друг. У послѣднихъ земли эти покуплены были Андреемъ С—чемъ, который посадилъ тутъ „слободку" названную—по имени первыхъ владѣльцевъ—*Брагинцемъ*. Въ этой слободкѣ въ 1718 г. было уже 25 дворовъ и церковь. Послѣ смерти Андрея С., Бр—ми владѣла его вдова съ сыновьями, пока не явилась въ Глуховѣ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 169—199

II. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ дiяхъ и 7-мы одминахъ. **Ѳ. Пильченка** *(Окончаніе)* 200—232

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго.** 233—255

IV. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе)*. **Л. Яновской.** . 256—302

V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). *(Окончаніе)*. **Ник. Василенка** . . . . . 303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; в) Къ исторіи Котельвы; г) Для исторіи переяславской бурсы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторіи церковнаго прихода . . . . . 65—83

Текущія извѣстія . . . . . 83—94

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ II. **Ор. Левицкаго**; б) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. **Ш.**; в) Корифеи украинской сцены. **В. Д.**; г) Миновскій. Сатанынська повиста. Драма въ 4 дiяхъ. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 95—135

Археологическая лѣтопись . . . . . 138—152

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 24-й и 25-й . . . . . 369—400